

Редакционный совет

Б.А. Черниченко
(председатель совета)
А.Н. Вайс
М.В. Гундарин
(главный редактор)
В.В. Десятов
М.К. Зимогор
Л.Н. Зубович
И.П. Кудинов
В.М. Лопаткин
С.А. Мансков
Ю.Н. Овиденко
В.Г. Паршков
Ю.С. Ряполов
М.И. Юдалевич

Учредитель: Автономное учреждение города Барнаула «Редакция газеты «Вечерний Барнаул»
Директор: Овиденко Юрий Николаевич.
Главный редактор: Гундарин Михаил Вячеславович.
Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю.
Св-во о регистрации ПИ № ТУ 22-0174 от 14 апреля 2010 г.
Информационное издание.
Тираж 1500 экз. Дата выхода: 30.06.10 № 2
Цена свободная
Адрес редакции и издателя: г. Барнаул, ул. Короленко, 105.
Журнал отпечатан на полиграфическом комбинате «Сибирь»: Алтайский край, г. Барнаул, пр. Комсомольский, 124
Мнение редакции может не совпадать с мнением автора. Любая перепечатка или копирование рекламных материалов возможны только по предварительному согласованию с редакцией журнала.
Рукописи не возвращаются и не рецензируются

БАРНАУЛ

литературный

ХРОНИКА	
Пушкин с нами!	2
БЕСЕДА	
Александр Пушкин: «Истинное воображение требует гениального знания»	4
ПОЭЗИЯ	
«Пушкинисты»-2010	6
Елена Безрукова. «Равновесие»	8
Татьяна Баймундузова. «Дыханье к дыханью, рука к руке...»	10
Елена Вагнер. «На дорогах любви»	12
Александра Малыгина. «Лучи, застрявшие в снегу»	14
«Пушкинисты» десятилетия	16
ГУМАНИТАРИИ БАРНАУЛА	
Татьяна Черняева. «Вновь я посетил...»	19
ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА	
Дмитрий Золотарев. Валерий Еврасов	23
НАШ ГОРОД	
Дмитрий Марьин. Пушкинская, первая в Сибири	24
ПОЭЗИЯ	
Евгений Банников. Грусть зрелости	26
ПРОЗА	
Александр Строганов. «Купание Ягнатъева»	30
ПОЭЗИЯ	
Валерий Котеленец. Вчерашний билет	71
ГОСТЬ НОМЕРА	
Александр Иличевский. «Два страха»	74
КОНКУРС	
Первые слова: Анна Грешных, Надежда Благова, Татьяна Варенникова, Алексей Махалов, Никита Радцев, Александр Энделин	87
ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ГОРОДА	
Столп стоимостью 5359 рублей ассигнациями	90
Универсальная лиственница	91
ПОРТРЕТ ДОМА	
Сергей Мансков. Тектонический разлом Барнаула	92
ПАМЯТЬ	
Человек эпохи Андрей Вознесенский. «Барнаульская булла»	94
Фарида Габдраупова. Для каждого и на все времена	96
Вячеслав Десятов, Александр Куляпин. Папа четвертого Рима	97
Ирина Рак. Вознесенский в Барнауле	98
ТЕАТР	
Наталья Юмашева. Тотальное прощание	100
Елена Гешелина. Жизнь/пьеса/жизнь	105
Дмитрий Егоров: «Время у нас не эпическое...»	107
ОБРАЗОВАНИЕ	
Наталья Матвеева. Качество педагогического образования: мифы и реальность	110
КНИЖНЫЙ ОБЗОР	113
ВЫСТАВКИ	118

Ровно десять лет назад, в 2000 году, по распоряжению Владимира Николаевича Баварина в Барнауле были вручены первые Пушкинские премии. Вручение этих уникальных наград стало одним из самых значимых культурных событий городской жизни, венцом ежегодного, традиционно насыщенного календаря культурной жизни столицы Алтая.

Пушкин с нами!

Скажем прямо: ничего аналогичного Пушкинским премиям в соседних регионах нет. Тут суть в том, чтобы поощрить молодых авторов, тех, кто, возможно, еще раздумывает, связывать ли свою жизнь с литературой. В памятный всем день - 6 июня, постоять у памятника Александру Сергеевичу (тоже уникального!), получить свои минуты заслуженной славы и соприкосновения с гением... Эта возможность есть у всех начинающих барнаульских авторов.

Очень правильно, что премия вручается двоим — поэту до тридцати и совсем начинающему, школьнику. Для первого из них это знаковый венец окончания начальной поры стихотворства, для второго - мощный стимул из ученика, поэтического подмастерья, становится серьезным, вдумчивым, ответственным за свой дар автором.

Часто говорят, что многие из пушкинских лауреатов (или попросту «пушкинистов» - не путать с заслуженными исследователями Александра Сергеевича!) так и не стали в дальнейшем поэтами. Это действительно так. Возможно, решения жюри были во многих случаях небезупречны. Но с другой стороны - возможно, именно эти минуты у пушкинского памятника заставили юных стихотворцев отнестись к самим себе более критично и сделать выбор в пользу других, более прозаических, но не менее достойных жизненных путей... Кроме того, среди известных поэтов города (уже без поправок на возраст) немало лауреатов и дипломантов «Пушкинки».

В нынешнем же году появилась новая традиция — журнал «Барнаул литератур-

ный» вручил свой специальный приз одному из дипломантов Пушкинской премии. Но сначала немного информации. Лауреатами Пушкинской премии в области поэзии в 2010 году стали Юлия Воловикова (менеджер ООО «Коннект») и Виталий Пастухов (учащийся гимназии № 40). Пять участников конкурса признаны дипломантами: Елизавета Григорьева, Елена Залётина, Александра Вайс – студентки Алтайского государственного университета; Павел Кононенко – студент Алтайской государственной педагогической академии; Алексей Багуцкий – учащийся гимназии № 42. Призы вручали заместитель главы города Борис Черниченко и председатель городского комитета по культуре Валерий Паршков. А наш спецприз получила Лиза Григорьева – настоящая звездочка молодой поэзии, которая уже успела стать в этом году победителем университетского поэтического конкурса и в этом качестве опубликоваться в журнале «Барнаул литературный».

Все лауреаты и дипломанты, как и обещал главный редактор журнала Михаил Гундарин, публикуются на наших страницах! Но это еще не все. Наш журнал, направленный на поддержку в том числе и молодых дарований, на широкое знакомство с ними всех барнаульцев, значительную часть номера, который перед вами, посвятил Пушкину и «пушкинистам».

Здесь и афоризмы самого Александра Сергеевича (поистине замечательные!), и размышления о Пушкине одного из барнаульских филологов, и «пушкинские» работы барнаульского художника, и (как обычно) барнауловедческий материал – разумеется, об улице Пушкинской. И самое главное – большой подбор стихотворений «пушкинистов» разных лет.

Во-первых, мы публикуем нынешних победителей. Во-вторых, даем персональные подборки наиболее ярких, на наш взгляд, лауреатов прошлых лет. В-третьих, печатаем своеобразное избранное из лучших «пушкинских» стихов за 10 лет...

Итак, давайте погрузимся в пушкинское таинство и в произведения тех, кто с ним соприкоснулся!

Что значил и значит гений Пушкина для развития русской литературы на века вперед – говорить как-то неудобно. Надеемся, это все знают еще со школьной скамьи. А сегодня мы хотим услышать того, кто не раз был назван умнейшим человеком своего времени, кто определил путь не просто русской словесности – самого русского человека (через его духовную составляющую). Путь, по которому мы все, хоть и не всегда твердо, последовательно продолжаем идти сегодня. Итак – перед вами избранные мысли русского гения, ничуть не потерявшие своей актуальности за прошедшее время.

Александр Пушкин: «Истинное воображение требует гениального знания»

Ф. Константинов. Портрет А.С. Пушкина.
Гравюра на дереве. 1948.

МУЗЫ

Я пишу для себя, а печатаю для денег.

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности.

Вдохновение есть расположение души к живому приятию впечатлений, следовательно, к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных.

Человек без дарования подобен тому бедному мулле, который изрезал и съел Коран, думая исполниться духа Магометова.

Вдохновение - это умение приводить себя в рабочее состояние.

Истинное воображение требует гениального знания.

Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими.

Вдохновение нужно в поэзии, как в геометрии.

Глупая критика не так заметна, как глупая похвала.

Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки.

Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат.

Один из наших поэтов говорил гордо: «Пуškai в стихах моих найдется бессмыслица, зато уж прозы не найдется». Байрон не мог изъяснить некоторые свои стихи. Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая — от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения.

Напечатано известие из Пекина, что некоторый мандарин приказал побить палками некоторого журналиста. Издатель замечает, что мандарину это стыдно, а журналисту здорово.

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная.

Некоторые из наших современников явно и под рукою стараются вразумить нас, что «с них довольно и малого числа читателей, лишь бы много было покупателей».

СВЕТ

Чем более мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тем менее подвергаемся нападениям насмешки. Эгоизм может быть отвратительным, но он не смешон, ибо отменно благоразумен. Однако есть люди, которые любят себя с такой нежностью, удивляются своему гению с таким восторгом, думают о своем благосостоянии с таким умилением, о своих неудовольствиях с таким состраданием, что в них и эгоизм имеет смешную сторону энтузиазма и чувственности.

Злословие даже без доказательств оставляет почти вечные следы.

Одна из причин жадности, с которой мы читаем записки великих людей, — наше самолюбие: мы рады, ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками — даже слабостями и пороками. Вероятно, больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если бы они оставляли нам свои произведения.

Долгая печаль не в природе человеческой, особенно женской.

Все женщины прелестны, а красоту им придает любовь мужчин.

Люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на буду-

щее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения.

Презирать суд людей нетрудно, презирать суд собственный — невозможно.

Любовь — это восхитительный обман, на который человек соглашается по доброй воле.

Говорят, что несчастье хорошая школа; может быть. Но счастье есть лучший университет.

ОТЕЧЕСТВО

Неуважение к предкам есть первый признак безнравственности.

Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства.

Только революционная голова, подобная Мирабо и Петру, может любить Россию, так, как писатель только может любить ее язык.

Все должно творить в этой России и в этом русском языке.

Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками — для других оно или не существует, или даже может показаться пороком.

Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха Возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благотельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...

Я презираю свое Отечество с головы до ног, но если с этим соглашаются иностранцы, мне становится очень обидно.

«Пушкинисты» - 2010

Перед вами стихи лауреатов и обладателей дипломов Пушкинской премии нынешнего, 2010 года. Давайте как следует запоем эти имена - и будем надеяться, что о них еще услышим!

Алексей Багуцкий

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

*А я бы брал с собой повсюду
Эти песочные часы.
Конечно же, не для причуды,
Конечно же, не для красы.
А чтобы в падающих искрах,
Срывающихся сверху вниз,
Смотреть, как пролетает быстро
Не что иное - наша жизнь.
И тут уж неуместна шалость
И ссоры, это - пустяки,
Когда песчинки - это малость,
Сыпучи так и так легки.*

Александра Вайс

*Напиши про меня рассказ,
Только, знаешь, в третьем лице.
Можно даже с моралью в конце.
Напиши во второй раз.*

*Напиши для меня письмо,
Положи его мне под дверь —
Ты же знаешь, как важно теперь,
Чтобы кто-то писать мог.*

*Напиши для меня, мне —
Это больше, чем просто сказать.
Это больше, чем быть: писать —
Оставляя свет.*

Юлия Воловикова

ФОНАРЩИК

*Свет из окна заполнил воздух
Дремотой утра в январе.
И за окном опять морозно,
Опять морозно на дворе.*

*Гуляют солнечные зайцы,
Держась за руки на стене,
И пробиваются сквозь панцирь
Оконных рам опять ко мне.*

*А ночью фонари горели
В пушистом облаке зимы
И на дома опять смотрели
Все фонари со всей земли.*

*И где-то маленький фонащик
Опять включает свой фонарь,
И нам вдвоем совсем не страшно.
А за окном — опять январь.*

ЛИСТЬЯ

*Листья, деревья и снег
Перемешались с закатом,
На полпути к снегопаду
Желтый — излюбленный цвет.*

*В жизни единственный раз
Им оказаться на воле
Страшно и, может быть, больно
Листьям, летящим на нас.*

*Осень смешала холсты
И мишуру коварной*

Елена Безрукова была первым лауреатом Пушкинской премии – в 2000 году. После этого она выпустила несколько стихотворных сборников, стала членом Союза писателей РФ. Сегодня Елена работает в краевой администрации, являясь одним из руководителей управления культуры.

Елена
Безрукова

Равновесие

*Если в чай пролить молоко,
Будет облако в мир лететь.
Будет мама тихонько петь,
Мимо нот проходя легко.*

*Мимо нот — черных вишен горсть.
Мимо яви — слететь в пролет.
Полночный прескверный гость
Темной лестницей в сон идет.*

*Черный, ах, человек, дурак,
Сон мой травящий на корню,
Я спою твою гибель так,
Что ни ноты не оброню!*

*Я светла, до того светла —
Сон мой — запах парной точь-в-точь,
Молоком разольется в ночь
И закапает со стола...*

*Как пыль с плаща,
Слетит благополучье.
И тронет белизной:
«А кто же ты?».
Ты одинокий путник,
Ты попутчик
Трясущейся вагонной пустоты.*

*Ты вышел на перрон на полустанке,
Ты умер там.
И в разных сторонах
Развеет ваши с поездом останки,
Развеет звуки в ваших именах.*

*Как ты в степи
Прислушивался к звуку —*

*В пустой травинке
Времена гудят —
Так пустота взяла тебя под руку
И повела на родину назад.*

Ангел-хранитель

*Призрак ангела бродит
по всем этажам,
Подбирая ключи и отмычки
К табакеркам уснувшим простых
горожан,
Тех, что спят по ночам по привычке.*

*На площадке, где воздух промерз,
как цемент,
Об известку — окуроч, и — снова:
Где же тот отщепенец, дурак,
пациент,
За каким притаился засовом?*

*Ангел выйдет во двор, от бессилья
дрожжа,
Вспоминая тоскою рассветной
То, как теплую душу в ладонях
держал,
И Господь улыбался приветно,*

*Как из тела на воздух святой выносил,
Тяжела — да не ищут полегче.
Как хватило у этого малого сил
Утащить ее в мир человеческий?*

*И шатайся теперь, темнотой
шебурша,
Будто ветер слепой в мелколесье.
Как он мог? Человечья ли
ноша — душа?
Равновесье украл, равновесье...*

Этот автобус, сотканный сплошь
из пыли,
Точно фантом, сон тридевятой мили,
В темной утробе баюкая, мчит,
и странно
Чувствовать свет с той стороны
экрана.

Все, что еще живет и пока не мертво,
В серую трассу вкатано, вбито,
втерто.

Сердце мое, я почти перестала
слушать,
Как голубые капли уходят в сушу.

А по дороге фургоны несутся грузно,
Женщина слева спит тяжело
и грустно,
И человеки здесь не живут, а точно
Вышли из тел куда-нибудь
в междустрочье.

Видишь, дорога, мы на твоей
растяжке,
Как на веревке тихо
звенят стекляшки.
Глянуть наружи — чьи вы, куда вы,
кто вас
Носит в себе по глобусу, как автобус?

Души висят над головой и выше.
В желтую степь кто-то безлюдно
вышел,
Будто бы птица с ветки слетела —
малость...
Кто нас покинул, сколько еще
осталось?

Медленные ночи расставаний.
Черные от света фонари.
Я больна тенями и словами,
Точно плод с распадом изнутри.

Косточка, подточенная смертью,
В мякоти, как точка на мольберте,
Ты — начало, семечко, зерно.

Ты полна надеждой осторожной,
Потому что все еще возможно,
И еще ничто не решено...

Ветер, превращающийся в камень,
Я ловлю наивными руками
Ниточку безумья твоего.
Мы искали радости на свете,
А уйдем, как выросшие дети,
В мир, где не изменишь ничего.

На бельевой веревке за окном
Спят капли, пропустившие минуту,
Когда зима прошла сквозь этот дом,
А нас не разбудила почему-то.

И в этом сне мы долго не умрем,
Пусть мы не знаем (мы и так
не знали),
Что происходит в воздухе сыром,
Пугливом, как забытый звук в рояле.

Пусть паучок спует у потолка,
Мы - часть его пейзажа, ну и что же?
И выпускает спящая рука
Ключи от городка, куда мы входим.

И падают они сквозь ветхий пол,
И город исчезает постепенно.
И все, что в нем томилось до сих пор,
Осело и растаяло, как пена.

И только снег очнулся и пошел,
Сугробами пустыми гроыхая.
Прости меня, что нам нехорошо.
Что жизнь длинна, как музыка
плохая.

Татьяна Баймундузова получила Пушкинскую премию в 2003 году. Сегодня она – автор нескольких сборников стихов (рецензия на последний из них публиковалась в прошлом номере нашего журнала), член Союза писателей РФ. Работает редактором в Радиогруппе «FM-продакшн».

Татьяна
Баймундузова

Дыханье к дыханию, рука к руке

*Это от ветра душа кружится –
Самое время лететь по свету,
Снова я здесь не смогла прижиться,
Значит – уеду.*

*Это от скорости слезы стынут.
Некогда и невозможно падать.
Остановиться – что сердце вынуть.
Значит – не надо.*

*Старые судьбы ползут по стенам.
Время срываться. Срывать печати.
Это секунды стучат по венам.
Значит – прощайте.*

*Шаг от осени вдоль проспекта,
От Октябрьской до других...
Свежим пивом, холодным ветром
Топит молодость молодых.*

*Настроением дискотечным
Перехлестывая за край.
...Одиночество будет вечным,
Успокойся и привыкай.*

*Руки стынут и нервы крепнут.
В небе – черная полоса.
От осеннего ветра слепнут,
Как расстрелянные, глаза.*

*Слышу в осени голос высший,
В хриплой поступи октября.
Это все – не в начале жизни,
Это все – 20 лет спустя.*

*Весна все с тех же островов,
Вневременных и мокротелых,
По сваям уличных голов
Влепляется в меня, как в стену.*

*Расплющивает об меня
Сквозящие слезами лица.
И всем - весна, а я - стена.
Мне не растаять, мне - разбиться.*

*Тоскует город - волей демиурга,
И чем провинциальной, тем сильней.
Отсюда до Москвы и Петербурга
Почти полжизни срока. Пара дней.*

*Завод часов на сорок оборотов.
Недавно мне сказали, что тщета,
Тупик, непроходимое болото
И разочарований пустота -*

*Провинция. Но мнится провиденье.
Привидится и вденется в слова...
И вдруг - в очередном стихотворенье -
Я здесь живу и, кажется, жива.*

*Провинность на невинность в каждом
встречном
Меняю взглядом с ног до головы.
И так беспечна и бесчеловечна
С каким-нибудь нахалом из Москвы.*

*Дерзка, как Петр Первый на престоле
В тот день и час, когда менялся век...
В Санкт-Петербурге время
тупиковой,
Когда мертвоет на глазах у всех.*

Я очень мало знаю о столицах
И столько ж, может быть,
о временах.
Но, думаю, здесь время - прямо
в лицах,
Не прячется в классических стенах.

А царский мой маршрут -
внутригороден:
Октябрьская площадь - Сулима.
Тоскует город. А она проходит,
Моя провинциальная зима.

Зачем ты говорил, что бога нет?
Я, кажется, впадаю в святотатство.
Совсем не важен утренний рассвет,
Когда о нем не можешь догадаться.

Все станет постижимо, лишь когда
Я этот мир раскрою, как шкатулку,
Взломав замок, но не увижу dna,
И будет эхо биться по проулкам

Большой земли. И ты опять не прав,
Такой моей реальности не веря.
Давай, побольше воздуху набрав,
В высокий мир ворвемся из-за двери,

Через висок... И тысячи планет,
Сияя, пронесутся вместе с нами.
Зачем ты говорил, что бога нет,
Когда такое небо под ногами!

Ветер. Оконная рама.
Форточка - вроде крыла.
Правдивей, чем даже самые
Лучшие зеркала.

Взглядом ли темным, мозгом ли,
Вытянутостью руки -
Я отражаюсь только лишь
В этой ночной степи.

Видишь ли, все, что живо
Кажется в свете дня,
Только приманкой было,
Но не спасло меня

От человеческих будней,
Скрещенных рук на лбу,
Страшно земной, простудной
Врезанности в судьбу.

И не пройти за краем,
Видишь ли - западня.
Видишь, как я ломаюсь
В белом разрезе дня...

Что же мне? Как же?! Свистни,
Если найдешь ответ.
Ночь - это образ мысли,
Той, что не будет вне...

Я перееду в Париж, Амстердам
иль Берлин.
Будешь ли жив ты разлукой,
как пишут поэты?
Геополитика нашей с тобою любви
Гонит вагоны, наматывая километры.
Авиалайнеры мчит к полосе полоса,
В снах оставляя дом и речные броды.
Я забываю, какого цвета твои глаза...
Кажется, цвета самой нелетной
погоды.

Мой неравный и несравненный,
Прожигатель ночных свечей!
Я добуду тебе полено -
Запали его горячей.
Будет полночь пожаром кровным
Наши жилы пережигать,
И семь пядей твоих надбровных,
И моих в сердцевине - пять.
Ближе к утру, зарей окрашенному,
Придержу ночевую мглу,
Чтобы было тебе не страшно
Выгребать из меня золу.

Елена Вагнер получила Пушкинскую премию в 2005 году. Сегодня Елена - кандидат филологических наук, живет в Москве, работает в туристическом бизнесе, много путешествует по миру – и продолжает писать стихи.

Елена
Вагнер

На дорогах любви

Только 9 минут безусловной любви,
Целых 9 минут – и святая свобода
Открывает тебе все секреты земли,
Озаряет глаза красотой небосвода

И уносит тебя в этот радужный свет,
В этот радостный луч, преломленный
паденьем...

Но, стяжая любовь миллионами лет,
Мы не в силах набрать
эти 9 мгновений...

Благодарность разносится кровью,
Достигает пределов тела,
Я глаза ненадолго закрою
И спасусь от любого предела.

Благодарность пульсирует в венах,
Изливается со слезами
И шифруется где-то в генах,
И рифмуется как-то с Вами.

И раскалывает сознание –
До и После, Вчера и Ныне,
Сотворение мироздания,
Притекание ко святыне...

С благодарностью, грустью,
нежностью,

С осознанием быстротечности,
С пониманием неизбежности
Я сквозь Вас прикасаюсь к вечности.

А что остается, когда все проходит,
Когда затихает последний аккорд,
И гаснет сияние на небосводе,
И я покидаю пустой «эропорт»?

И Вы улетаете в край, где нужнее,
А может, туда, где нежнее весна,
Где катятся волны и добрая фея
Поет колыбельную сладкого сна.

А что остается на белом рояле,
Когда завершается поздний концерт?
Лишь память о пальцах да нота печали,
Да образ, сплетенный
из множества черт.

Из множества лиц, находящихся
в зале,
Вы вряд ли, Маэстро, узнали меня,
Вы так колдовали на этом рояле
Во мраке зеркал и мерцанье огня...

Июньский вечер Вами дышит,
А я - никак не надышусь!
Тональность бытия все выше,
Того гляди - не удержусь,

И вниз сорвусь, и это лето
Рассыплется дождем зеркал,
И к Вам приду я без билета,
И музыка наполнит зал!

Какое чудное мгновенье,
Как Ваши пальцы хороши –
На черных клавишах забвенья,
На белых клавишах души...

А где-то там, на берегу залива
Песок еще хранит твои следы.
Ах, боже мой, — все было так красиво
У этой вдохновительной воды!

Душа моя, закрой глаза и вспомни
О ночи, преисполненной луны,
О древней ионической колонне
И ласковых объятиях волны.

Возможно, на задворках подсознания
Воспоминанья сложатся в пейзаж,
И чувства, не имевшие названья,
Покажутся не больше, чем мираж.

Узнай судьбу по линиям ладони,
Судьба — как виртуозная игра:
Чуть-чуть вина и ветра на балконе...
Глоток надежды, ну и все — пора.

Об этом городе немало
Уже написано и спето.
Под легким шелком покрывала
В Сорренто Вас встречало лето.

Раскрыв горячие объятия,
Оно ласкало Ваше тело,
А после надевало платье
С улыбкой девственно-несмелой.

И, кажется, у лета было
Лицо беллиньевой Мадонны,
В волненье сердце сладко ныло,
И солнце золотило склоны.

А где-то там порхала муза,
Влюбленная в Торквато Тассо,
И своды, знавшие Карузо,
Спасали в зной дневного часа.

По ветру разливалось лето,
И в цитрусовом аромате
Залив дышал лучами света
И вдохновением Скарлатти.

А потом, когда проходит боль,
Остается чистое искусство,
И хотя нельзя делить на ноль,
Мы на ночь разделим наши чувства.

Я давно отвык от мелодрам,
Крепкий кофе возвращает к жизни,
Только почему-то по утрам
Спутницы становятся капризней.

Говорят, что ночью все равно —
Женщины и кошки — все похожи,
Белым остается лишь вино,
Да еще порой — полоска кожи.

День придет и восстановит цвет,
Грянет в ритме вальса и цейтнота,
И уйдет посланьем в Интернет
Ночи недоигранная нота.

Памяти Владимира Бережинского

На дорогах любви умирают поэты —
Разрывается сердце, усталоющее
биться.

И рыдает над ними безутешное лето,
Умывая слезами незнакомые лица.

Кисло-сладкая жизнь, пропитавшись
лекарством,
Превращается в горечь... Еле-еле
дыша,

Ты становишься по данным нового
царства,
За движением легких не успеет душа...

За движением легких твоих солнечных
крыльев
Вознесутся молитвы, разнесется
молва.

Ожидание встречи — это тоже
бессилье:
Не помогут поэмы, не спасают
слова...

Да и кто бы поверил при последнем
прощанье
В то, что эта разлука не имеет конца?
— До свиданья, друг мой, до большого
свиданья
Там, где, может быть, рядом лягут
наши сердца...

Александра Малыгина стала пушкинским лауреатом в 2006 году. За прошедшее с этого события время успела опубликоваться во многих престижных изданиях, стать руководителем одной из литературных студий города... В этом году закончила филологический факультет АлтГУ.

Александра
Малыгина

Лучи, застрявшие в снегу

*Где-то там, в недалеком грядущем,
Вижу лик, так похожий на твой,
И в молчании диком, гнетущем
Лик сливается с бледной луной.
Где-то в звездах теряется имя,
Затихает твой голос в ночи,
И осколками ломаных линий
Рассыпается пламя свечи.
И становится тьма вездесущей,
Увядают цветы на окне...
Где-то там, в недалеком грядущем...
Или может, пригрезилось мне?*

*Успокой меня случайным взглядом,
Бесплезным високосным днем,
В три ноль пять пройдя
случайно рядом,
Ненавязчивым полузабытым сном.*

*Успокой невинною усмешкой,
Проходя, загнувшись о бордюр,
Успокой своей привычной спешкой,
За углом устроив перекур.*

*Успокой особенной походкой
И по ветру пущенным шарфом,
Успокой, пускай совсем короткой,
Встречей под четвертым фонарем.*

*Позвони...
Но телефон не дышит.
На провода надежды нет,
И тишина не станет тише,
Когда распухнет рассвет.
И не отступит темнота,*

*И чай горячий не согреет,
Но станет глубже пустота,
А одиночество острее...
Позвони.
Но ты забудешь имя,
Я не в силах прошлого вернуть,
На ладони из десятка линий
Ты не сможешь выбрать нужный
путь.*

*Ледяные фигуры прохожих,
Так похожие между собой,
Я всегда обхожу стороной,
Чтоб дыханием лед не тревожить.*

*Иду, иду, иду, иду,
Топчу безжалостно ногами
Лучи, застрявшие в снегу,
Лучи, убитые снегами.*

*Быстрей, быстрей, быстрей, быстрей,
И каждый след ложится точкой...
Обрывки памяти моей
Слились одной пробельной строчкой.*

*Бегу, бегу, бегу, бегу,
А в сердце смотрят, не моргая,
Лучи, застрявшие в снегу,
Лучи, которые ломаю.*

*Автобус кашляет нервозно,
Часы показывают год,
Кондукторша больной березой
Листву захожим продает.
Ребенок вывески читает,*

На поворотах тошнота
И поручень не выпускает
Перчатки чьей-то пестрота.
И воздух с привкусом бензина,
Бегут рекламные щиты,
И гладит старая резина
Дороги серые листы.

Холодными пальцами грубо
Терзаю гитарные струны.
Коты про жестокость фортуны
Поют в водосточные трубы.
В разорванной кухонной шторе
Запутался ветер нелепый
И мечется зверем свирепым,
Напуган сквозняк в коридоре.
Глотаю еще непросохший,
Дождем излюбованный воздух.
Наверное, дело не в звездах,
Далеких и нервно-продрогших.
По струнам сильнее ударяю
Холодными пальцами грубо,
Молчат водосточные трубы -
Теряют, теряюсь, теряю.

Я пришла в кафе и попросила
Просто чашку кофе с молоком.
Продавец компот мне предложила,
Только я стояла на своем.
Через час мне принесли какао,
Угостили сладким крендельком.
Вежливо, но твердо я сказала,
Что просила кофе с молоком.
Через полчаса несут вино.
Я уже немного разозлилась:
«Я просила кофе с молоком!». -
И официантка испарилась.
Через час мне предложили сок,
Я вскричала, топнув каблуком:
«Пять минут, даю последний срок,
Принесите кофе с молоком!».
Наконец хлебнула я напиток...
«Где же сахар?» - молвила с трудом.
Продавец ответила с улыбкой:
«Но ведь вы просили с молоком».

Сравнивать любовь с собачьим
кормом,
Мармелад с луной отождествлять...
Может, я пренебрегаю формой,
Но ведь каждый волен выбирать.
Я бегу не потому, что мерзну,
Просто потому, что я боюсь,
Страшно то, что слишком несерьезно
К этой глупой жизни отношусь.

Город.
Через миг сойду с ума...
Рыхлый снег похож на творог,
Акварельная луна...
Мне сегодня снова сорок.
Мысли
Беспорядочным клубком...
Я, вдыхая воздух кислый,
Заклеймила каблуком
Этот город ненавистный.

Скучаю...
И жадное небо тревожу,
И звезды ревниво снимаю.
Прохожий,
Ты просто случайный прохожий,
Не вижу отличий - и ладно...
Слетела с катушек, похоже,
И стало как будто прохладно...
Твой голос
Забыла, посмела отвыкнуть,
Сломала невызревший колос...
Окликнуть?
Я знаю, ты не отзовешься,
И сердце струной разразится,
Ты взглядом в меня не упрешься,
Захочешь с безликими слиться...
Прощаю.
Беги сквозь туманные веки,
Слезам твой образ смываю.
Аптеки
Невинно зовут фонарями,
А я - без запинки до дома,
Ломаю дорогу туфлями.
Мы были так мало знакомы...
Скучаю.

«Пушкинисты» десятилетия

За десять лет в Пушкинском конкурсе участвовало немало талантливых ребят. Кто-то стал лауреатом, кто-то – нет, или просто недотянув, или уступив более сильному и удачливому сопернику. Мы предлагаем вашему вниманию своеобразное избранное из творчества претендентов на Пушкинскую премию за десять лет. И поэтов, у которых мы взяли по стихотворению, - тоже десять.

Анна Бенедиктова

*В продолжение ста одиночеств
Ты опять нереально одна.
Что же делать, подруга-Луна?
Видно, так Провидение хочет,
Я - твоя неумелая тезка,
Alter ego вчерашнего дня.
Не зови «дорогою» меня –
Это пошло, растерянно, броско.
Ты сквозь ветер глядишься устало
В непроглядную темень души.
Мне в одиннадцать строк напиши,
Бледноокая, что с тобой стало.*

Наталья Волковинская
* * *

*Железно, дорожно стучали колеса.
И в тамбуре тягостно кто-то курил.
О чем эта бедная женщина просит,

У грязных платформенных стоя перил?
Я выйду когда-нибудь в Новоалтайске,
На площади тихой спугну голубей.
И ветер прокуренный, пыльный
и майский
Забьется в изгибы прически моей.*

*И будет всегда измерять километры,
И будет всегда торопить поезда
Святая – сильнее любви безответной
Таинственная пустота.*

Артём Деревянкин

Путь

Е. Евтушевскому

*Взгляд зеленый, девять жизней
И решительности жало
У искателя Пути,
Но застыл туманный призрак
От прикладного удара
Безысходностью картин.*

*И по снегу, как по небу,
Бессознательное тело
Прямо к истине влекли.
Ждал своей отгадки ребус,
Суд стоял на высшей мере,
И сомнения прошли.*

*Дверь открылась, светом брызнул
Лучик глупый, лучик малый,
Увели пути во тьму...
Кузнецы на девять жизней
Отливают девять граммов –
На одну по одному.*

Ксения Еремина

Брусника

*Трава под солнцем знойным сникла,
И пахнет медом от болот,
Где пламя – алая брусника –*

В тенистой свежести растет.
Вокруг себя взгляну устало
И не спеша по мху пройдусь.
Я в жизни хорошо узнала
Брусники кисло-горький вкус.
Трава лежит — под солнцем сникла,
Отдав просторы ковылю.
Не буду собирать бруснику —
Я этих ягод не люблю.

Наталья Зелянская

* * *

Светлеет небо. За стеной все тише
Стучат часы. Мир подступает
ближе.
В окне спадают ангелы на крыши.
Ты видишь их, но ты уже не та...

Тебе от света больно. Но не очень.
Ты хочешь затеряться среди прочих.
Пернатым остается лишь пророчить,
Хоть never more не значит ни черта.

Ты выйдешь замуж или выпьешь водки.
Пройдут все войны, и всплывут
все лодки.
О, бедный Йорик! Собираем шмотки.
Ведь всюду тишь да гладь - и пустота.

А мир опять меняет оболочку.
Куда б ни шла, приходишь в ту
же точку.
Per aspra, но это все цветочки...
Кто знает, где последняя черта.

А там - зима в необъяснимой злости
Так мягко стелет, что болят
все кости.
Но вдруг спасут нечаянные гости
Иль холодок нательного креста.

Твои мечты о Боге так реальны,
Так сексуальны, аж суицидальны.
Прочтешь учебник, чтоб постичь
все тайны,
Ну а потом рискнешь родить Христа.

И станешь солнцем в центре
всех парадов
В плаще из лилий и в венке из гадов.
В сосновой бочке уплывешь
от взглядов,
Желающих скорейшего суда.

И время будет длиться в разговорах
О белой даме в мрачных коридорах,
Которая задерживает шторы.
Ты не зови, она уже не та.

Евгения Клиник

Смотрю на мир усталыми глазами,
А за окном кружится тихо снег
И на щеках становится слезами,
Так одинок бывает человек!
Бывало, что в минуты непростые
Протянешь сердце: «Вот — оно твое!».
Его проткнут булавки золотые,
Его склюет на крышах воронье.
Куда ни взглянешь — разочарованье,
И огонек — затухнувший костер,
Любые проблески, надежды
и старанья
Своей рукою властной ветер стер...

Анна Леонтьева

Откровенно звучит и случайно:
Нужен порох, огонь уже есть.
В этом горле так много молчанья,
Что молчанием стала болезнь.

Он оборван, написанный хмуро
На асфальте мелками, - мой путь.
Чем себя, сумасшедшую дуру,
В свое теплое тело вернуть?

То ли чьей-то ладонью знакомой,
То ли ласковым чьим-то письмом,
Неотправленным и не прочтенным
Вслух... Но все это будет потом,

*После поздних звонков, грязных слухов,
Сигарет, неназначенных встреч...
Будет снег тополиного пуха
Осыпаться с расправленных плеч,*

*И в последней весенней горячке
Диких скачек сойдется в коллаж:
Просто кончилась зимняя спячка,
Моя старая детская блажь.*

*И за утренней скучной газетой,
За чертой монотонных реприз -
Аллергия пришедшего лета,
Теплый ливень и мокрый карниз.*

Анастасия Радцева

У окна

*Ливень сил набирал понемножку.
Город серый оплакивал день.
И смотрела на дождь из окошка
То ли девушка, то ль ее тень.
И, казалось, застыла навечно
Неулыбка на бледном лице.
Словно ведала — жизнь быстротечна,
Словно знала, что будет в конце.
...Ливень город весь вымыл прилежно.
Заиграл луч на глади стекла.
Тенью робкой мелькнула надежда
И улыбкой на губы легла.*

Екатерина Рубцова

В поезде

*День сегодня пахнет хлором,
Табакком и черным хлебом.
Я куда-то еду в скором
Под свободным летним небом.*

*Как часы, стучат колеса,
И слились секунды в сутки.
А из глаз бегут не слезы -
Голубые незабудки.*

*Здесь, в купе с разбитой рамой,
Грязно, весело и ново.*

*И летит трюфевой дамой
На листок измятый слово.*

*Счастье, пахнущее хлором,
Теплый черно-желтый вечер.
Я сегодня еду в скором...
Вот и станция. До встречи!*

Виталий Сергиенко

*Паутиной опустился
С гор туман седой, и в нем
День неслышно опустился,
Синий вечер за окном.*

*Над дорогою печальной
Дремлет тополь-великан,
Колыбельный звон хрустальный
Прячет меж камней река.*

*В полумраке тени тают,
Открывают двери сны,
Ночь-сестру луной встречает
Вечер синей тишины.*

Татьяна Георгиевна Черняева, кандидат филологических наук, преподаватель Алтайского государственного университета, исследователь литературы Барнаула и Сибири начала XX века, творчества Г.Ф. Гребенщикова и писателей его круга, напоминает, какую роль сыграли личные поместья, названия которых известны каждому русскому человеку, в судьбе А.С. Пушкина. (Текст иллюстрирован работами известных художников).

«Вновь я посетил...»

Татьяна Черняева

Михайловское, Тригорское, Болдино... Названия этих старинных сел на Псковщине и Нижегородской земле так много значат для русского сердца: они связаны с именем Пушкина.

«Петербург – прихожая, Москва – девичья, деревня же – наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю, редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в кабинете», – так рассуждает герой незаконченного пушкинского «Романа в письмах», и в этих несколько категорических суждениях он близок Пушкину. За свою короткую жизнь Пушкин немало путешествовал, но Петербург, Москва и деревенские поместья были главными местами пребывания Пушкина-творца.

Н. Ге.
Пушкин
у Пушкина
в Михайловском.

В. Серов.
Пушкин
в Михайловском.

Михайловское занимает наиболее важное место в творческом пространстве пушкинской музы, в его становлении, «самостоянье человека». Родовое поместье Ганнибалов – Пушкиных поэт впервые посетил летом 1817 года. Позднее оно стало его «опальным домом» на целых два года. Пушкин приехал сюда по высочайшему повелению Александра I из Одессы, из южной ссылки, 9 августа 1824 года, а 4 сентября 1824 года был фельдъегером доставлен в Москву по приказанию нового самодержца Николая I. И в ответ на его вопрос, «принял ли бы он участие в 14-м декабря, если бы был в Петербурге», не запинаясь отвечал: «Непременно, государь, все друзья мои были

в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем, одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю бога».

Два года михайловского заточения вместили множество событий и в жизни России, и в судьбе Пушкина. Семейная драма — она развернулась уже в первые недели пребывания в Михайловском. Отец принял на себя обязанности осведомителя о поведении опального сына, чем нескандално оскорбил его. «Спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем», — в отчаянии пишет Пушкин 31 октября 1824 года В.А. Жуковскому.

Однако скорбным, печальным настроениям первоначальных дней суждено было смениться радостью любви и истинной дружбы. Именно в Михайловском и соседнем с ним имении П.А. Осиповой, Тригорском, на поэтических берегах реки Сороти, Пушкин встречался с Анной Петровной Керн. Восторженная и лукавая, пылкая и романтически изящная переписка Пушкина с «гением чистой красоты» сохранила для потомков этот упоительный эпизод жизни молодого поэта. «Я буду весел в понедельник, экзальтирован во вторник, нежен в среду, проворен и ловок в четверг, пятницу, субботу и воскресенье и целую неделю у Ваших ног», — из письма Пушкина А.П. Керн от 28 августа 1825 года.

Тригорское в годы ссылки стало вторым домом Пушкина. Письма к себе он просил друзей адресовать на имя Прасковьи Александровны Осиповой, в Опочку, в село Тригорское, «для передачи А.С.». Он словно обретал смирение, именуя себя Опоческого уезда захолустным обывателем, как бы примеривая к себе смирение Пимена, древнего летописца («Борис Годунов» будет написан во время «михайловского сидения»), или безвестность Ивана Петровича Белкина,

горюхинского помещика, повести которого пока ждут своего часа (написаны они будут уже в Болдине в 1830 году). По утверждению Александра Ивановича Тургенева, Пушкин провел в Тригорском «лучшие минуты своей поэтической жизни». В письмах 1828 года к П.А. Осиповой, тоскуя в холодной столице о тепле и сердечности тригорского дома, Пушкин надеется, что «назло судьбе мы в конце концов все же соберемся под рябинами Сороти». Когда в начале февраля 1837 года А.И. Тургенев сопровождал гроб с телом Пушкина в Михайловское, то пришлось, минуя занесенные сугробами дороги, ехать по льду все той же любимой поэтом Сороти, а в Тригорском отслужить панихиду. На рассвете 6 февраля в Святогорском монастыре, возле могилы матери, было предано «земле земное»...

Сюда, в Михайловское, вопреки опасливым предостережениям, приезжали душевные друзья Пушкина — Антон Дельвиг и Иван Пущин. Не видя своего лицейского однокашника более пяти лет, Пущин заметил перемену в нем: «Вообще Пушкин показался мне несколько серьезнее прежнего, сохраняя однако ту же веселость». На расспросы друга Пушкин отвечал, что «несколько примирился с новым бытом; что тут хотя невольно, но все-таки отдыхает от прежнего шума и волнения; с музой живет в ладу и трудится охотно и усердно».

А.И. Лактионов.
Вновь я посетил...
(Пушкин
в Тригорском).
1949.

Шедевры пушкинской лирики: «К морю», «Сожженное письмо», «Роняет

лес багряный свой убор...», цикл «Подражания Корану», «В крови горит огонь желаний», «Вакхическая песня» — подарили поэту «совершенное уединение» михайловской глуши. А рядом со стихами — деревенские главы «Евгения Онегина», «Борис Годунов», поэмы «Цыганы» и «Граф Нулин», «Сцена из Фауста»... Поистине духовная жизнь поэта достигает в михайловские годы необычайной высоты. И не случайно завершением ссылки в Михайловское станет «Пророк»:

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился...*

Пушкин обретает в Михайловском мудрость приятя жизни во всей ее полноте, драматизме и прелести, становится известным всей России поэтом благодаря главам из «Евгения Онегина», опубликованным в начале 1825 года, и сборнику стихотворений, вышедшему в свет в самом конце этого же года.

Между Михайловским и Болдино — четыре года жизни на перекладных. Москва, Петербург, Кавказ, любовь к Наталье Гончаровой, неудачное сватовство... И наконец, поездка осенью 1830 года — уже официальным женихом — в нижегородское имение отца, Болдино, имевшее сугубо практическую цель вступить во владение близлежащей деревенькой Кистеневкой, подаренной к свадьбе.

«Ах, мой милый! — пишет Пушкин П.А. Плетневу 9 сентября 1830 года. — Что за прелесть здешняя деревня! Вообрази: степь да степь; соседей ни души; ездить верхом сколько душе угодно; пиши дома сколько вздумается, никто не помешает». Однако судьба приготовила Пушкину «отвратительную насмешку» — так в письме к невесте он называет холеру, а «Нижегородская губерния — самый центр заразы». Отрезанный от близких холерными карантинами, размытыми осенней слякотью дорогами, близкий к отчаянью («Черт меня догадал бредить о счастье, как будто я для него создан», — из письма П.А. Плетневу от 31 августа 1830 года), Пушкин, как и в «михайловском заточении», преодолевает препятствия колоссальным выбросом творческой энергии. Его пребыванию в течение трех месяцев в осажденной холерой деревне суждено было стать знаменитой «Болдинской осенью»

**А.Н.Баргов.
Болдинская осень
1999.**

— наивысшей точкой пушкинского творчества, когда едва ли не каждый день отмечен был созданием стихотворений, повестей, «маленьких трагедий», сказок.

Приехав в Болдино 3 сентября, он уже 7-го пишет стихотворение «Бесы» («Мчатся тучи, выются тучи...»), 9 сентября закончена повесть «Гробовщик», 13-го — «Сказка о попе и о работнике его Балде», 14-го — «Станционный смотритель» и т. д. Кажется, что Пушкин, подобно Вальсингаму из «Пира во время чумы», бросает дерзкий вызов силам природы, прорываясь к бессмертию.

*...Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто среди волненья
Их обретать и ведать мог...*

«Болдинская осень» 1830 года, при всех ее житейских волнениях, принесла Пушкину радость творческого преодоления, он с удовольствием признавался в письме П.А. Плетневу от 9 декабря 1830 года: «Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал...».

Пушкин вновь посетил нижегородское имение осенью 1833 года, после поездки по местам пугачевского бунта. Хотя новая «Болдинская осень» была вдвое короче первой, она была не менее плодотворной. Письма к жене, посланные из Болдина, полны сообщений о напряженной работе: «...Вот уже неделю как я в Болдине, привожу в порядок мои записи о Пугачеве, а стихи пока еще спят...» (8 октября). «...Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины...» (11 октября). «Просыпаюсь в

семь часов, пью кофей и лежу до трех часов. Недавно расписался и уже написал пропасть...» (30 октября). «Я привезу тебе стихов много, но не разглашай этого...» (6 ноября). За полтора месяца, проведенных в Болдине, Пушкин успел завершить работу над «Историей Пугачева», «Песнями западных славян», закончил поэмы «Анжело» и «Медный всадник», две сказки: о рыбаке и о мертвой царевне и семи богатырях. Именно здесь, на просторных полях вокруг Болдина, «в раздольи открытом», приходят к Пушкину чеканные октавы «Осени»:

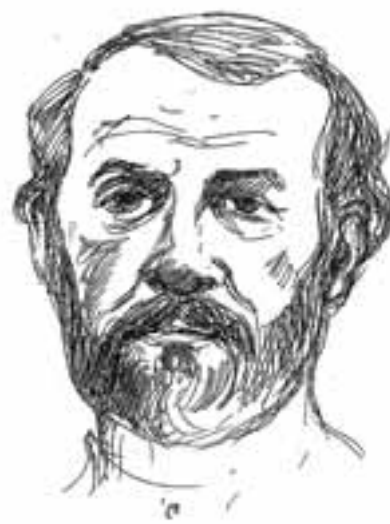
*...И забываю мир, — и в сладкой
тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне...*

Однако в последние годы у Пушкина, наполненного унижающими поэта беспрестанными хлопотами о деньгах, двусмысленным положением камер-юнкера при дворе Николая I, суетной светской жизнью Петербурга, все реже вспыхивает ровный и яркий огонь вдохновения. Третья «Болдинская осень» — 1834 года — и последняя осенняя поездка в Михайловское в 1835 году были почти бесплодными. «...Я все беспокоюсь и ничего не пишу, а время идет» (из письма жене от 21 сентября 1835 года). «Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки; а все потому, что не спокоен» (25 сентября).

Деревенский «кабинет» в глуши Михайловских лесов не приносит счастья творчества, в душе поэта остается неисполнимая мечта о побеге из «неволи душных городов»:

*...На свете счастья нет, но есть покой
и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов
и чистых нег.*

Все чаще в своих мыслях и стихах возвращается Пушкин в опальное свое жилище, в дедовское имение, грезит о «кладбище родовом, где дремлют мертвые в торжественном покое...». Это последнее утешение великий поэт обрел под сенью Святогорского монастыря близ Михайловского. Сюда вот уже полтора столетия идут поклониться могиле Пушкина его благодарные потомки.

Дмитрий Золотарев

Валерий Еврасов

Валерий Иванович Еврасов (1941) — художник-график, член Союза художников России. Родился в деревне Лосево Комсомольского района Ивановской области. В 1966 году окончил Палехское художественное училище им. М. Горького, получив специальность художника палехской миниатюры. После окончания училища переехал в Барнаул, где с 1967 года работал в Алтайском книжном издательстве. Оформление книг и печатной продукции стало основным направлением в творчестве художника. Ему принадлежит своеобразный рекорд: графиком было оформлено и проиллюстрировано более двухсот изданий.

Редкая для Сибири и Алтая специализация нашла свое проявление и в традиционной палехской миниатюре со сказочными мотивами из произведений А.С. Пушкина: «Царевна Лебедь», «Царь Гвидон и Царевна Лебедь», «Мчатся тучи, выются тучи...» и в редких станковых образцах изобразительного искусства. Так, типичный для своего времени городской пейзаж «Барнаульский дворик» 1967 года, который, как машина времени, отправляет нас в прошлое, выполнен в технике темперы, которой прежде писали лишь иконы. Особенно любил художник иллюстрировать детские книги («Сказки голубого кедра» и др.), им был оформлен букварь на алтайском языке. Эти работы были оценены: подлинники к сказке Д.Н. Мамина-Сибиряка «Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку» были приобретены его мемориальным музеем.

В.Еврасов.
Иллюстрация
к сказке
Д. Мамина-
Сибиряка.

Как уже отмечалось, к иллюстрированию пушкинских произведений В.И. Еврасов обращался в годы своей молодости. В 1982 году у художника была возможность посетить поместье Тригорское. Результатом стали десятки графических работ, акварелей, гуашей, карандашных зарисовок русской природы. Главными героями произведений стали старинные липы и сосны, рощи и парковые аллеи, помнящие самого поэта. Эти работы также были востребованы: в год празднования 200-летнего юбилея А.С. Пушкина в Барнауле прошла персональная выставка художника.

В.Еврасов.
Барнаульский
дворик.
1967.

Не раз приходилось слышать, как гости нашего города, увидев памятник А.С. Пушкину, с легкой иронией восклицают: «И здесь Пушкин! С какой стати? Неужели он бывал в Барнауле?». Ирония эта отчасти объяснима: памятники Пушкину, установленные в разных городах России, по своему количеству уступают, пожалуй, только памятникам В.И. Ленину. И, конечно, далеко не все города, где есть монументы великому русскому поэту, имеют отношение к его жизни и творчеству.

Дмитрий
Марьин

Пушкинская, первая в Сибири

При работе
над статьей
использованы
материалы
из фондов
ЦХАФ АК.

Да, А.С. Пушкин в Барнауле не бывал и в своих произведениях наш город никогда не упоминал. Но возьмем на себя смелость утверждать, что Барнаул за более чем вековую деятельность по сохранению памяти великого поэта честно заслужил право на возведение памятника ему. Ведь именно в нашем городе, одном из первых в Российской империи (наряду с Петербургом, Казанью и Харьковом) и первом в Сибири (!), появилась улица имени А.С. Пушкина. Произошло это в день столетия поэта - 26 мая (6 июня по новому стилю) 1899 года. В этот день по решению Барнаульской городской Думы главная улица города – Иркутская – была переименована в Пушкинскую. Заметим, что даже в центре губернии, Томске, улица Пушкина появилась гораздо позже - только в 1949 году, причем по странному стечению обстоятельств улицей Пушкина стала, как и в Барнауле, бывшая Иркутская. Основная же волна появления в российских городах улиц, проспектов и площадей, названных в честь великого поэта, приходится на 1937 год, когда в СССР широко праздновалась столетняя годовщина смерти А.С. Пушкина. Именно тогда, например, в Москве улица Большая Дмитровка была переименована в улицу Пушкина, однако в «лихие девяностые» историческое название улице вернули, и сейчас, по какой-то злой иронии, на малой родине поэта нет улицы, названной в его честь.

Впрочем, и Барнаул вполне мог лишиться Пушкинской улицы. Гласный городской Думы, он же председатель

Общества попечения о начальном образовании, известный просветитель В.К. Штильке на заседании Думы, которое состоялось 14 апреля 1899 года, предлагал «ныне Московский бульварный переулок назвать Пушкинским проспектом». Но большинство гласных это предложение не поддержали, высказавшись в пользу переименования Иркутской улицы. Решение оказалось исторически мудрым. Ведь уже в начале XX века Московский переулок стал проспектом и главной улицей Барнаула. А после революции 1917 года главные улицы многих российских городов постигла одна и та же участь: они были переименованы в честь вождя мирового пролетариата и основателя Советского государства. Кто знает, пощадили бы память поэта «конквистадоры» новой идеологии? Однако перемены названия Пушкинская улица все же не избежала. В 1927 году после массового переименования улиц Барнаула она стала улицей Пушкина, какое название носит и по сегодняшний день.

Празднование столетнего юбилея А.С. Пушкина в Барнауле не ограничилось наименованием улицы в его честь. Городской Думой была предусмотрена обширная программа по чествованию великого русского поэта. Составление и утверждение этой программы, судя по архивным документам, прошло достаточно быстро и без лишней волокиты. 17 февраля (1 марта) 1899 года на заседании Думы состоялись выборы комиссии «для составления программы предстоящего празднования 100-

летнего юбилея со дня рождения великого русского поэта А.С. Пушкина». 14 (27) апреля программа была утверждена, а также было принято решение «об отпуске 500 рублей на оказанное празднование».

Томская губернская газета «Сибирский вестник» в номере от 6 (18) июня 1899 года поместила подробный репортаж о праздновании в Барнауле столетия со дня рождения А.С. Пушкина. Репортаж позволяет в деталях восстановить события тех далеких лет. Празднование началось 26 мая (по старому стилю), в среду, в девять часов утра в Дмитриевской церкви (ныне церковь святого Дмитрия Ростовского на пл. Спартака), где была совершена литургия, а затем отслужена панихида по поэту. Храм был полон: здесь собрались преподаватели и учащиеся всех учебных заведений города, окружное начальство, представители городского самоуправления и рядовые горожане – почитатели творчества Пушкина. Торжественно было объявлено о переименовании Иркутской улицы в Пушкинскую. Получившая новое название и выходящая к церкви Пушкинская улица была сплошь украшена флагами. В месте ее пересечения с Московским переулком была установлена деревянная арка, задекорированная зеленью и флагами. По обеим сторонам арки выставлены портреты великого поэта. В два часа дня огромная процессия из учащихся барнаульских народных школ под звуки духового оркестра вольного пожарного общества прошла по Пушкинской улице в сад Общества попечения о начальном образовании (ныне парк Центрального района), где на сцене летнего театра состоялась «Литературно-вокальное утро». Сначала преподаватель городского училища Симанин рассказал о биографии А.С. Пушкина и его роли в литературе. Затем учащиеся городского училища и народных школ продекламировали произведения поэта и исполнили несколько вокальных номеров. После завершения праздника каждый учащийся получил в подарок сборник произведений Пушкина и конфеты. Реальное училище императора Николая II, горное училище (сохраненные до выпуска старшие классы) и женская прогимназия чествовали поэта по отдельной программе. Здесь также прошли литературно-музыкальные вече-

ра, подготовленные силами преподавателей и учащихся.

Празднества продолжились на следующий день – четверг, 27 мая, совпавший с православным праздником Вознесения Господня. На Пушкинской улице рядом с аркой всю вторую половину дня играл оркестр вольного пожарного общества. В два часа дня начались народные гулянья в саду Общества попечения о начальном образовании. На сцене летнего театра любителями были исполнены отрывки из произведений А.С. Пушкина: трагедии «Борис Годунов» и пьесы «Русалка». По случаю выходного дня места проведения праздничных мероприятий были заполнены горожанами. «Всюду преобладал простой рабочий народ и женщины, с любопытством смотревшие на портреты чествуемого поэта и рассуждавшие между собой на тему: кто такой был Пушкин, где он живет и т. д. Таким образом, благодаря стечению обстоятельств чествование столетней годовщины А.С. Пушкина казалось здесь совершенно народным праздником», - отмечал корреспондент.

А еще через сто лет, 6 июня 1999 года, в день двухсотлетнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина и столетней годовщины появления улицы, названной в его честь, в сквере на месте пересечения улицы Пушкина с проспектом Ленина был установлен памятник великому русскому поэту... Ежегодно здесь проходит награждение лауреатов городской Пушкинской премии. Да, Пушкин никогда не бывал в Барнауле, но дух его живет здесь и давно стал неотъемлемым атрибутом культурной жизни нашего города.

Евгений
Банников

Грусть зрелости

... И, как всегда, не оправдать труда,
Бессмысленных, бесчисленных
попыток.

Упорное движение сюда,
В предельный мир, похожий
на избыток

Нелепых снов, блуждающих ночами
По нашим душам в нижних этажах.
Знакомый призрак нынче укачает
На неуравновешенных весах...

... То, что пережито, навсегда
В пройденном растаяло... Не можно
Развернуть ушедшие года,
Прожитые, может быть, порожно...

Ненароком,
Почти случайно
Мысль возникла о тишине...
Среди скрежета будней тайна
Эта тронула душу мне...

** *

Время - неустойчивой природы.
Чем мы старше - тем скорей разбег.
В пустоту летит сквозь дни и годы,
Попусту живущий человек...

Апокриф

Ослаби, остави, прости, Боже,
прегрешения моя, Вольная
и невольная в Слове и деле...

Повели мне,
Господь,
Преклонить пред тобою колени.

Я не в силах узреть
Твой печально смеющийся взгляд.
Ощущая себя
Заблудившимся в тундре оленем.
Если можешь, скажи,
Как же мне возвратиться назад...

Вечный холод.
Короткое лето не в силах
Мою чашу склонить
К наркотическим, сонным мечтам.
Укажи мне, Господь,
Как исправить допущенный вывих,
Чтобы здесь не остаться
На радость голодным песцам.

Я готов покориться,
Принять твои речи на веру.
Свою гордость сломяю,
Защемлю и упрячу в тайник.
Лишь даруй мне, Господь,
Ощущенье Покоя и Меры.
Да, хоть изредка, свой
Ироничный, смеющийся Лик.

Грусть зрелости

Я не могу сказать о том, что мы
О бытии не спорили... Бывало.
И не однажды. А сейчас — пьяны.
Того, что есть, возможно, будет мало.

Сегодня разговоры об ином.
Сегодня наши мысли на распутье, -
Как удалось нам захлебнуться в том,
Что отвергали яростно, по сути.

Не бытие, но быт свергает нас
С высот, что мы в мечтах соорудили.

Давно не слышен нами строгий глас
Небес. О нем мы просто позабыли.

Лишь по ночам, устало закурив,
Вдруг различаем (да и то едва ли)
Почти забытый с юности мотив,
С которым мы, мечтатели, не спали.

А может, попытаться все вернуть
К тепер уже забытым дням,

в которых

Испытывали жизни нашей суть?
Напрасно...
Все останется лишь в споре...

Мне казалось,
Что не стоит ворошить
Листья прелые
Растаявших сомнений.
Но без них
Я продолжаю жить,
Словно жрец
Без жертвоприношений.

Что-то сгнуло
В пыли ушедших дней,
Что-то важное,
О чем не думал прежде.
Оттого
На мир смотреть мне все больней
С мыслями о сгнувшей надежде.

Неуютно
Ощущать себя
Распыленным
В соннице сомнений.
Ты еще не там,
Где нет тебя.
Ты уже не здесь.
Без сожалений.

Снова по небу плывут облака.
Снова, кажется, душа улетает
Вслед за ними, широка и легка...
А куда летит — как прежде, не знает.

Да и надо ль знать, когда так чиста
Ширь небес, когда отпали тревоги,
Неподвижны от восторга уста
И земные не волнуют дороги!

И уже не верю в то, что пройдет
Это чудо, вместе с ливнем полночным.
Знаю - вновь моя душа обретет
Это счастье, пусть даже заочно...

Ю. А.

Гулко, словно древний гонг тибетский,
Память возвратит твои слова
Эхом из потерянного детства,
Но таким далеким, что едва
Их услышать можно. Эта осень,
Видимо, настигла и меня.
Всугонь пожелтевшим листьям
бросит
Наши встречи, даты, имена...

Не затихнет ветер. Я не выйду,
Скучно и беспомощно храня
Старые, наивные обиды
Пожелтевшего календаря.

Кто разбудит, тот не остановит
Снов вспорхнувших. В этом ты права.
Только почему на полуслове
Кружится как прежде голова?

Песня

Ну, зачем тебя я встретил
На своем пути!
Ведь мог пройти и не заметить.
Мог же не найти!..

Ты б меня теперь не знала.
Я б тебя не знал.
Сердце? Сердце б не сказало
То, что я сказал.

Я б ушел. И только ветер
Смог меня найти.
Ну, зачем тебя я встретил
На своем пути!..

Мы стояли на остановке.
Все куда-то спешили. И
Я сказал тебе без подготовки,
Как чудесны глаза твои.

Ты вздохнула, невольно вздрогнув.
И прищурилась. Битый час
Мы стояли, почти продрогнув.
Нас маршрутный автобус спас.

Было душно. И тихо. Рядом
С нами ехали наши дни -
Я заметил невольным взглядом,
Что в салоне мы не одни.

Мы до этой минуты спешили.
Как и все. Но зачем и куда
Мы не знали уже. Позабыли.
Был январь. Выходных череда.

Как давно все случилось! Но все же
Те минуты остались в душе
Всех минувших столетий дорожке.
Да, видать, и грядущих уже.

На такую пургу оглянуться невмочь.
Замечает тропу до тебя безвозврат-
но.
Я б назад повернул. Был бы сын.
Или дочь.
Ну, а так... Для чего и куда? Непонятно.

Ты обид не держи. Ни за то, ни за это.
Предрассветный мороз слишком
крепок для слез.
Нам с тобой хорошо было
в прошлое лето.

Я хорошую память об этом унес.

Мы, конечно, увидимся где-то
случайно.

Мимолетно друг другу кивнем.

И уйдем

По делам по своим. Но останется

тайна

Проведенного лета с тобою. Вдвоем.

Ночь. Вернее, предутренний сумрак
степенно
Приближает дорогу к обычному дню.
Дождь весною сметет застарелую
пену

Недосказанных слов, что напрасно
храню.

Одиночество. Одиночество...
Нет ни имени, нет ни отчества
У тоски моей, с дымной проседью.
Одиночество поздней осенью...

Средь друзей острою.
И смеюсь, вздохнув.
Только груз тоски на душе прилег.
И улыбка с губ от дождя стечет, -
Одиночество предъявляет счет...
За любовь мою.

И за грусть мою.
И за песни те, что один пою.
За несходчивость, ненаходчивость...
Одиночество, словно в горле кость.

Одиночество. Одиночество...

Нет ни имени, нет ни отчества,
Нет ни теплых рук, нет
ни жарких губ.
Груз тоски моей и тяжел, и груб...

Все, что имел — потерял.
Счастье ловил — упустил.
Видно, для этого мал
Жизни короткой пыл.

Но ни о чем не жалел.
Есть — хорошо. А нет —
Песни веселые пел,
Встречал за рассветом рассвет.

Знаю, таких, как я,
Удача не часто ждет.
И все же моя ладья
В море надежд плывет...

Александр
Строганов

Купание Ягнатьева

Фрагмент романа

ВРЕМЯ – ГЛАВНЫЙ ВРАГ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Я не люблю рассказывать журналистам свою биографию, потому что каждый раз рассказываю ее по-разному и забываю предыдущий вариант.

Энди Уорхолл.

Ассистент кафедры нормальной физиологии Боковского медицинского университета Алексей Ильич Ягнатьев сделался стеклодувом двадцать восьмого февраля 2006 года в половине девятого вечера после полудня.

Вот, собственно, главное событие романа. Этим все и закончится. Так что если вам интересен сюжет, можно закрыть книгу и не терять драгоценного времени.

Не терять своего драгоценного времени.

Хотя.

Хотя все могло сложиться иначе.

Как знать?

Все могло случиться иначе.

Могло ли все сложиться иначе?

Нет.

Впрочем, как знать.

Как знать.

ЛЮБИТЕЛЯМ ЗАГЛЯНУТЬ НА ПОСЛЕДНЮЮ СТРАНИЦУ

Ассистент кафедры нормальной физиологии Боковского медицинского университета Алексей Ильич Ягнатьев сделался стеклодувом двадцать восьмого февраля 2006 года в половине девятого вечера после полудня.

Все.

Человек не рождается демиургом. Он становится таковым под воздействием тех или иных обстоятельств. Читай: тех или иных отражений, ибо все, буквально все, с чем приходится нам сталкиваться, - всего лишь отражения чего-то большего. А что именно представляет собой это «большее», нам не дано осознать в полной мере.

Думаю, эта мысль имеет право на существование, равно как и всякая другая, даже если это кому-нибудь не нравится.

Даже если это кому-нибудь не нравится.

Да.

Что бы там не говорили, жизнь довольно крепко обнимает человека и держит его в своих объятиях до самой смерти. Страх, азарт, лень, малодушие - вот щупальца жизни, способные победить отчаяние, болезнь, уныние, гнев. Щупальца эти не дают нам попасть под машину, упиться до смерти, протянуть близорукому аптекарю деньги для покупки яда.

Случается всякое.

Безусловно.

Случается, попадают под машину, упиваются до смерти, травятся. Но это уже из разряда событий. Об этом говорят. Иногда шепотом. Не то чтобы сплошь да рядом. Скорее исключения из правил.

Хотя были времена...

Но.

Времена оставим журналистам и историкам.

Это их хлеб.

И это их хлев.

Дурной каламбур.

Простите, не смог удержаться.

Повседневность.

Повседневность - нечто среднее, бестелесное, то, что отдаленно напоминает дряхлеющее тело, но не имеет отражения, а потому не беспокоит нас никогда.

Никогда.

Никогда.

Не смог удержаться.

АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ И БРОДЯГА

Все могло сложиться иначе.

Предположим, Алексей Ильич не пошел сразу же домой, а задержался во дворе. Увидел сырого, источающего ароматы трав, седобородого бродягу на бревнышке, присел рядом, угостил его сигаретой, закурил сам.

Помолчали.

Бродяга (по причине каждодневного страдания среди бродяг множество нежных, отзывчивых людей) спрашивает: «Что-то случилось?». Или:

- Что случилось?

- Мы заблудились. Мне кажется, мы заблудились. Я заблудился. Шел как будто в одном направлении, а оказался... черт его знает, где оказался. Ничего не понимаю. Вы не знаете, где мы? Я потерял компас.

- Вы ходите с компасом?

- Иногда. А вы не знаете, где мы?

- На бревнышке, - и, немного помолчав, - все хорошо.

Вот - золотое слово заблудшему.

Вот - голова на материнских коленях.

Вот - пробуждение от кошмарного сна. - Все хорошо. Теперь все будет хорошо.

- Откуда вы знаете?

- Я уже давно здесь сижу.

Дальше смех или слезы, все равно.

Разрешение.

И все.

Все.

Никакого демиурга и никакого романа.

А уж если и роман, так не о Ягнатеве вовсе, а о бродяге том седобородом, влажно пахнущим травами.

Или о девочке.

Можно было бы развить линию девочки и создать нечто жизнеутверждающее.

То, в чем мы все так нуждаемся теперь.

Нуждались и прежде, но теперь - в особенности.

Можно было бы развить линию девочки, но это не мое.

А можно было бы поведать читателю полную костров и морских звезд историю путешествий бродяги.

И в том, и в другом случае пришлось бы использовать факты биографии. Наблюдать, оборачиваться, отслеживать, сопоставлять, анализировать, что в конечном счете обязательно приведет к тем же самым эпизодам, что я, собственно, изложил в нескольких предложениях. Так что это не мое.

Повседневность - нечто среднее, бестелесное, то, что отдаленно напоминает дряхлеющее тело, но не имеет отражения, а потому не беспокоит нас никогда.

Употребление слова «любовь», а уж тем более многократное употребление слова «любовь», не есть признак ее отсутствия, как утверждают многие. Скорее это признак высочайшего смущения.

Можно было бы сформулировать совсем коротко: девочка в петле, бродяга на бревнышке.

Или: бродяга на бревнышке, девочка в петле.

Круг замкнется и в том, и в другом случае.

Круг имеет обыкновение замыкаться.

Да.

Ничего общего с пессимизмом.

Ближе к поэзии.

Никакого пессимизма.

Настоящая поэзия всегда несет в себе код грусти.

Аксиома.

Аксиома для всякого пишущего (читающего) человека: стоит прикоснуться к фактографии, круг замыкается.

Всегда.

Можно проверить на любом произведении, изуродованном сюжетом.

На любом буквально произведении: живопись, графика, кино, роман и прочее, и прочее.

«Изуродованном» - субъективно. Очень и очень субъективно. И, наверное, несправедливо. Кого-то может интересовать как раз сюжет. И в этом нет ничего предосудительного.

Ничего предосудительного.

Фраза моя содержит в себе резкость и неприязнь.

Плохо.

Знаю, очень плохо, но не смог удержаться.

Простите великодушно.

Кто-то без сюжета и жить не может.

Как ни крути, дворцы бракосочетания и морги всегда заполнены людьми.

Не мог удержаться.

Нужно, нужно быть сдержаннее.

В словах, мыслях, обращениях, советах и прочее, и прочее.

Вокруг люди.

И вокруг, и в себе.

Люди, люди.

Много людей.

Но и моя точка зрения имеет право на существование, равно как и всякая другая, даже если это кому-нибудь не нравится.

Много людей.

По моим наблюдениям, людей очень много.

Много больше, чем мы думаем.

И все поголовно нуждаются в любви. Следовательно, любовь в нас заложена. Когда нам кажется, что мы никого не любим (в жизни каждого из нас случаются такие эпизоды), мы заблуждаемся. В противном случае, за всю историю своего существования, человечество так и не сумело бы почувствовать Бога.

Вот говорят: Бог - любовь.

Употребление слова «любовь», а уж тем более многократное употребление слова «любовь», не есть признак ее отсутствия, как утверждают многие. Скорее это признак высочайшего смущения, когда рассудок отсутствует и речевой аппарат совершенно самостоятельно конструирует слова, словосочетания и предложения. Подбирает то, что лежит на поверхности, то, над чем задумываться и не нужно вовсе.

Не нужно.

Вообще подчас складывается впечатление, что органы людей живут самостоятельной жизнью. Человек - сам по себе, а органы - сами по себе.

Да.

Однако пора вернуться к Алексею Ильичу Ягнатьеву.

А не вернуться ли нам к Алексею Ильичу Ягнатьеву?

Вернуться. Обязательно вернуться.

Да не забыть о Гоголе.

Николае Васильевиче.

Гоголь не был первым авангардистом, как утверждают многие, просто раньше других первым пришел он на исповедь.

Факт.

Факт.

Факты.

Факты биографии.

На мой взгляд, факты биографии персонажа не имеют существенного значения. События в жизни людей родственны их внешности. А люди, в сущности, похожи друг на друга: руки, ноги, уши, нос...

Редко встретишь кого-нибудь с хвостом.

Бывает, за всю жизнь не встретишь.

То же самое и факты биографии.

Рождение, влюбленность.

Развод, брак, дети.

Успехи, падения.

Убийства.

Самоубийства.

Убийства.

Брак, развод.

Какой скукотишей тянет от всей этой белиберды!

Все - железнодорожные будни с одутловатыми чемоданами, заспанными путешественниками и терпким запахом кражи. Картина жизни - большой и тяжелый, как наваристый куриный бульон, вокзал со стертymi лицами и вычурными позами. Можно бесконечно долго бродить по его анфиладам, часами стоять, прислонившись к скользкой мраморной стене, выходить на хрустящий перрон и возвращаться, закрывать глаза и открывать глаза, засыпать и пробуждаться - картина останется прежней. Сломанные в коленях ноги, выросшие из одежды тела, черные капли на зеркалах и пузырьки, пузырьки, пузырьки, слоняющиеся в пустоте, как им заблагорассудится.

Вне нашей воли.

Именно, что вне нашей воли.

Картина жизни.

Такова картина жизни, если рассматривать жизнь как череду событий.

Да.

Вакуум.

Да.

ВОЛЫНКА

Мой вакуум не содержит физики или иронии.

Мой вакуум - волынка.

Волынка и больше ничего.

Да, остановимся на волынке.

Дания.

К сожалению, я не знаю, входит ли волынка или нечто подобное волынке в число национальных инструментов Дании. А надо бы узнать.

Зачем?

Об этом позже.

Чуть позже.

Несмотря на чужаковатость вакуум чрезвычайно заразителен.

Вакуум способен поработать.

На мой взгляд, лучшее спасение - сосредоточиться на любом объекте.

Пусть самом незначительном.

На осе, предположим, если в поле нашего зрения присутствует оса.

**На мой взгляд,
лучшее спасение
- сосредоточиться
на любом объекте.
Пусть самом
незначительном.
На осе,
предположим,
если в поле
нашего зрения
присутствует оса.**

ЭНДИ УОРХОЛЛ

Мы с Энди (Уорхоллом) на стадионе. Кроме нас - ни души. Только Энди и я в самом центре поля.

У Энди в руках волынка: «Вам не кажется, что волынка не инструмент, а зверь? Даже не зверь, а зверушка. Даже не зверушка, а некое домашнее животное. Как вы относитесь к домашним животным? Я надеюсь, вы ничего не имеете против свиней, например. Или крыс».

- Свиньи и крысы - это разное...

- Все зависит от того, какими признаками вы пользуетесь. Не уходите от ответа.

- Я как-то не задумывался об этом.

- Почему?

- Я как-то не задумывался об этом.

- Что вы третесь около меня? Ступайте на трибуны. Я хочу побыть один.

Ухожу на трибуны.

Занимается благословенный морозящий дождик.

Энди откладывает волынку, раздевается. Снимает с себя все. Вновь берет волынку: «Я давно хотел сделать это».

Шум дождя мешает слышать его. - Что?

Энди кричит: «Вы не знаете, как на ней играть?».

Кричу в ответ: «Представления не имею».

Некоторое время он стоит в нерешительности, затем, точно испугавшись дождя, пригнув голову, убегает в сторону раздевалки. Несколько секунд - и его уже нет.

Убегает.

Я знаю, он не вернется.

Никогда.

В этом весь Энди Уорхолл.

ОСА

Оса - чрезвычайно любопытный объект наблюдения. Во-первых, потому что она живая, во-вторых, сквозь живородящее марево вокзала розовая, как поросенок, в-третьих - сама по себе. Если не выпрашивать у нее укуса и не пытаться ее убить, она не имеет к нам решительно никакого отношения.

Никакого.

Она из другого мира.

Мира деталей и фрагментов.

Более разнообразного и живого мира, нежели тот, что мы, как правило, выбираем.

Нежели тот, что нам предложен, а мы, в силу природной лени, не перечим.

И тем довольствуемся.

Тем довольствуемся.

Нам кажется, нет более бессмысленного существа, нежели оса.

Уверен, оса думает о нас приблизительно то же самое.

БОКОВ

Боков пахнет сдобой.

Даже поздней осенью, когда жгут листья.

Он навсегда остался послевоенным городом. И на нынешних фотографиях глаза боковчан пресны и широко распахнуты.

Все еще пользуются керосинками, и в самом центре города стоит вросшая в землю черная керосиновая лавка.

Боковские мальчишки до сих пор играют оловянными солдатиками, а на радужных крышах громоздятся голубятни.

Любимое словечко боковчан - «крендель».

Город большой. По размерам - Москва и Московская область вместе взятые.

А вот крысы - мелкие и безвольные. Летним днем вы можете встретить рыжую го-

Он навсегда
остался
послевоенным
городом. И
на нынешних
фотографиях
глаза боковчан
пресны и
широко
распахнуты.

стью или белую гостью у себя на крыльце. Лежит, подставив брюшко солнышку.

Совсем не бояться людей.

Совсем не бояться.

Надо же!

И боковчане крыс не бояться.

Совсем не бояться.

Надо же!

О Ягнатъеве можно сказать так: этому человеку всегда доставляло большого труда отличить вымысел от реальности.

Но до некоторых пор он об этом не догадывался.

До некоторых пор.

Можно выразиться иначе, Алексей Ильич всегда обладал удивительной способностью воспринимать параллельный мир и сочувствовать ему.

При этом он представления не имеет, что такое этот самый параллельный мир.

Никто не знает, что это такое. Но коль скоро о нем много говорят, вероятно, он существует.

Немного высокопарно, но отражает суть.

Да.

В известном смысле тот бродяга на бревнышке - параллельный мир.

И Боба - параллельный мир.

Почему бы и нет?

Я уже не говорю о девочке.

В ОКРУЖЕНИИ

Однажды Ягнатъеву явилась чрезвычайно нескромная мысль: Россия окружена.

Ему подумалось: Россия окружена, это факт. Я чувствую и знаю это. Но каким же образом я, человек бесконечно удаленный от политики и истории, могу чувствовать и знать это? И откуда во мне это волнение? В чем дело? В чем же дело? Ага. Вот оно. Дело в том, что я сам окружен. Ну, конечно, я и сам окружен.

Ему оставалось вывести: я и есть Россия.

Помните Наполеона, будь он неладен?

Ягнатъеву оставалось вывести: я и есть Россия.

Слава богу, перед нами не какой-нибудь выскочка, человек без чутья и критики, но милый Алексей Ильич.

Так что нескромная мысль не получила карт-бланша и была изгнана с позором.

Навсегда.

Хотя неприятный осадок от западни остался.

Неприятный саднящий осадочек все же остался.

Когда мы говорим, что человек бесконечно далек от политики или истории, это не означает, что политика, а уж тем более история, бесконечно далеки от этого человека. Кто знает, чем этот человек сделается завтра или послезавтра?

Кто знает?

А что если он станет, предположим, демиургом?

Понимаете, о чем я говорю?

Кроме того, полная самоизоляция невозможна.

И в романе я попытаюсь это доказать.

Благородная, на мой взгляд, задача.

ЖЕНЩИНЫ

Женщины.

Еще есть женщины.

Еще есть женщины, но об этом позже.

Чуть позже.

Тернии, тернии, всюду тернии.

Тернии и сладости.

Когда мы говорим, что человек бесконечно далек от политики или истории, это не означает, что политика, а уж тем более история, бесконечно далеки от этого человека. Кто знает, чем этот человек сделается завтра или послезавтра?

Халва, мармелад, безе. Терпеть не могу халву.
 Но сладости!
 В России любят сладости. Сладости и тернии.
 Суть насилия.
 Видите ли, наш путь - это путь насилия.
 Путь всякого человека здесь.
 Там не лучше, уверяю вас.
 Уверяю вас.

С детских лет нас насилуют и принуждают воспринимать окружающий мир по неким, неведь кем и неведь по какому поводу созданным лекалам.

Возьмите уроки музыки.

С какой стати мы должны представлять себе те или иные образы, когда слышим Рахманинова или Шенберга?

Откуда эти залитые лунным светом домики с зияющими окошками?

Откуда эти дикие животные, что вдруг являются к нам из леса и демонстрируют свои необыкновенные возможности, топоча, приседая и качая головами?

Что за чудовищная фантазия - звуками выманивать грустного и тяжелого Павла на замшелый камень, как будто сам камень не полон значений или как будто Павлу нет никакой возможности предаться своим душераздирающим мыслям вне этого камня и вне нашего присутствия?

Музыка - это неутолимая, именно что неутолимая жажда.

Не мы создаем мелодии, мелодии создают нас.

Вообще, в области причинно-следственных связей все как-то запутано. Отсюда и новые болезни.

Птичий грипп, например.

Все пошло-поехало после того, как не смогли разобраться, что первично, курица или яйцо.

Яйцо или курица.

Вот с тех пор все и пошло, и поехало.

Для того чтобы все привести в порядок, надобно вернуться к тем временам.

Понимаете, о чем я говорю?

Но как это сделать?

И чем все это кончится?

Что за чудовищная фантазия - звуками выманивать грустного и тяжелого Павла на замшелый камень, как будто сам камень не полон значений или как будто Павлу нет никакой возможности предаться своим душераздирающим мыслям вне этого камня и вне нашего присутствия?

АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ И БРОДЯГА

Алексей Ильич и бродяга на бревнышке.

Некоторое время молчат, курят.

Алексей Ильич бледен, испарина на лбу. Ему не по себе.

Бродяга (по причине каждодневного страдания среди бродяг множество теплых, отзывчивых людей) спрашивает: «Что-то случилось?». Или:

- Что случилось?

- Мы заблудились. Мне кажется, мы заблудились. Я заблудился. Надо бы вернуться, но я уже не знаю, как это сделать.

- Куда вернуться?

- К тем временам, когда все было просто и ясно.

- Вам нужно выпить.

- Выпить?

- Обязательно. Для русского человека это первейшее лекарство. Посмотрите на меня. Разве плохо мне на бревнышке? Хорошо. Даже очень хорошо.

- Вы уверены?

- А будет того лучше.

Золотое слово заблудшему.

Бродяга склоняет голову Алексея Ильича себе на колени: - Нельзя быть спокойным созерцателем жизни. Здесь я делаю акцент на спокойствии. И в самом деле, коль скоро будем мы равнодушны к случайному порядку вещей, а то, что происходит с нами в последнее время, иначе чем случайным порядком вещей назвать никак не воз-

можно, рассчитывать в себе самом будет не на что. Остатки надежд, чаяний, страсти и даже молитв, то, что, казалось бы, надежно хранит наша память, сотрутся, все в нас превратится в пустыню, пустыню без оазисов и миражей. Движения души, с годами делающиеся все медленнее и осторожнее, прекратятся вовсе. Мы потеряем способность смеяться и плакать, но хуже всего то, что мы не сможем сострадать и сопереживать. Иными словами, мы станем вещами. Разве хочется вам стать вещью? Пусть и дорогой, но вещью? Разве хочется вам каждодневно испытывать собственный холод и безразличие, я уже не говорю об окружающих малых, тех, что жаждут вашего слова или поступка, рассчитывают, надеются, верят в вас. Разве вы не в ответе за них? Разве в глубине души не уверены они в том, что при определенных обстоятельствах вы способны на поступок Авраама? Да помните ли вы Кьеркегора? Предоставьте им возможность очнуться от тяжелого сна. Верните им их беспокойство. Позвольте назвать вас животным, вот хотя бы свиньей. Вы ничего не имеете против свиней, надеюсь? Умные, приятные животные. Свиньей, жеребцом, кем угодно, только не позволяйте им думать о вас как о зимней одежде, мебели. Разве вы и ваша пижама - одно и то же? Наконец, позвольте вас спросить, если не вы, если не я, кто же в таком случае? Назовите мне это имя, и я тотчас махну рукой на вас, да и на себя заодно. Выпить, непременно выпить.

Дальше смех или слезы, все равно.

Все - выдумка, любовь автора к своему персонажу, подсознательное стремление оградить, защитить и прочее.

Нет никакого бродяги на бревнышке.

И нет утешения Алексею Ильичу.

Извне.

Все - в нем, и в нем одном.

Да.

ТУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК - БЕЗДЫХАННЫЙ ПЕРСОНАЖ

О Ягнатьеве можно сказать так: этот человек никогда не умел выделить главного, а потому - управляем и печален.

Даже сны его не принадлежат ему целиком.

Сам он об этом смутно догадывается.

Туманный человек.

О нем можно сказать: туманный человек.

В жару или при переутомлении на челе его выступает скорее роса, нежели пот.

Не просто обнаружить его силуэт или прочесть его мысли.

Одним словом, по внешним признакам - бездыханный персонаж.

Только по внешним признакам, разумеется.

Немного рассеянный, минорный и туманный человек из настоящего.

Впрочем, печален он не всегда.

Но чаще всего печален.

Демидургов порождает печаль.

Вселенская печаль.

С пафосом перебор, но отражает суть.

ИЗ ПИСЬМА Н.В. ГОГОЛЯ Н.М. ЯЗЫКОВУ

...Много есть на всяком шагу тайн, которых мы и не стараемся даже вопрошать. Спрашивает ли кто-нибудь из нас, что значат нам случающиеся препятствия и несчастья, для чего они случаются? Терпеливейшие говорят обыкновенно: «Так Богу угодно». А для чего так Богу угодно? Чего хочет от нас Бог сим несчастьем? Этим вопросам никто не задает себе. Часто мы должны бы просить не об отвращении от нас несчастий, но о прозрении, о проразумении тайного их смысла и о просветлении очей наших. Почему знать, может быть, эти горя и страдания, которые ниспосылаются тебе, ниспосылаются именно для того, чтобы воспроизвести в тебе тот душевный вопль, который бы никак не исторгнулся без этих страданий...

Все - выдумка, любовь автора к своему персонажу, подсознательное стремление оградить, защитить и прочее.

Выражение лица или походка часто обманывают нас. Вот дыхание - значительно реже.

Но как уловить дыхание в этой вечной суете?

И кому, если вдуматься, это может быть интересным?

Дышит себе человек, и слава богу.

И слава богу.

Да.

Обожаю фрагменты!

Фрагменты - клетки мироздания. Именно они несут генетический код нашего Родителя.

Непостижимая и непредсказуемая игра фрагментов порождает метаморфозы. Я имею в виду чудо, чудо из чудес - интимные метаморфозы. Завораживающие, но опасные превращения, способные деформировать рассудок.

Не исключено, что и саму природу человеческую.

Не исключено.

О СЮЖЕТЕ

Безусловно, сюжет присутствует и в мире деталей, но в этом, близком к совершенству мире он много проще.

Много проще.

Некто ужинает, предположим.

Или пробуждается, потягивается в постели.

Или погружается в воду.

Этого вполне достаточно.

Достаточно, так как каждая минута жизни человека - сущность всей его жизни.

Сущность всей его жизни.

Входит в ванную и погружается в воду.

Этого вполне достаточно.

Да.

Ассистент кафедры нормальной физиологии Боковского медицинского университета Алексей Ильич Ягнатъев сделался стеклодувом двадцать восьмого февраля 2006 года.

Где это произошло?

В Бокове, где же еще.

Хотя это мог быть и не Боков, а любой другой провинциальный город, коих не счесть на взъерошенной карте России.

Огромная страна.

Ассистент кафедры нормальной физиологии медицинского университета Алексей Ильич Ягнатъев сделался стеклодувом двадцать восьмого февраля 2006 года.

Точная дата.

Пишется роман.

Это будет роман об интимных метаморфозах, деформациях и созидательных последствиях этих чудесных превращений.

В конечном итоге - роман о новом демиурге, написанный в четвертом, разумеется, лице.

Анализ.

Анализ интимных перемен.

Репортаж о том, как один человек вдруг на ровном, как говорится, месте (казалось бы, на ровном месте) самым неожиданным образом становится совсем другим человеком.

Отчет о том, как изменился мир, а вместе с ним человек.

Или, наоборот, изменился человек, а вместе с ним и окружающий его мир.

Эти процессы взаимосвязаны и происходят постоянно.

Это можно назвать круговоротом метаморфоз.

Об этом можно было бы написать целый философский трактат.

Ах, как хорошо, должно быть, писать философский трактат!

Фрагменты - клетки мироздания. Именно они несут генетический код нашего Родителя. Непостижимая и непредсказуемая игра фрагментов порождает метаморфозы.

Но вот меня заинтересовал конкретный человек.
Точнее меня заинтересовали конкретным человеком.
Да.
Хотя идея трактата весьма и весьма соблазнительна.
Да.
Но.
Заказан роман.
Что можно сделать?
Разве что обмануть заказчика?
Использовать против него его же оружие?
Вариант?
Почему трактат, зачем трактат?
А вот захотелось. Имею я право?
В данный момент, когда мои слова выстраивают свой ритуальный хоровод, большинство смертных шествуют по долгой-долгой лестнице наверх.
На самый верх.
Во всяком случае, мне кажется, что большинство смертных шествуют по долгой-долгой лестнице на самый верх.
Зачем?
Да чтобы помочить голову в облаках.
Окунуть голову в облака и испытать блаженное, ни с чем не сравнимое блаженное состояние абсолютной пустоты.
Не думайте, что это странные или глупые люди.
Нет, нет и нет.
Они знают, что делают. Цивилизация, как всякий компьютер, имеет право на отдых.
Я же тем временем мало-помалу спускаюсь.
Иными словами, организую встречное движение.
И меня вовсе не пугает поджидающая меня в конце пути Большая Вода.
Ах!

БЕЛЯНОЧКА И РУТА

Две крысы, белая и рыжая, Беляночка и Рута, через окошко подвала наблюдают за беседой Ягнатъева и бродяги. Не стану тратить времени на рассуждения об особом интеллекте грызунов. Это знает каждый физиолог. А вас прошу поверить мне на слово.

Итак, Беляночка и Рута комментируют разговор наших героев.

БЕЛЯНОЧКА. Моя коллекция множится.

РУТА. Не думаю, что бродяге удастся затащить его в подвал.

БЕЛЯНОЧКА. Рано или поздно он сам придет к нам.

РУТА. Почему ты так думаешь?

БЕЛЯНОЧКА. Он уже отказался от людей.

РУТА. Не знаю, не знаю.

БЕЛЯНОЧКА. Видишь, он кладет ему голову на колени.

РУТА. Это еще ни о чем не говорит. Может быть, это усталость.

БЕЛЯНОЧКА. Нет-нет, он только что сказал, что не видит пути назад. Стало быть, двигаться ему придется вперед. А если двигаться вперед, подвал неизбежен.

РУТА. Бродяга не поведет его в подвал. С ним будет слишком много мороки. Он не приспособлен к нормальной жизни.

БЕЛЯНОЧКА. Бродяга не поведет, жена поведет. Какая разница, кто-нибудь все равно поведет. Да он сам придет, в конце концов.

РУТА. Он не знает дороги.

БЕЛЯНОЧКА. Ноги знают. Разве ты не замечала, что ноги у людей живут собственной жизнью?

РУТА. У людей все органы живут собственной жизнью.

БЕЛЯНОЧКА. Ноги - в особенности. Они относятся к своим ногам с огромным пиететом. Они зависимы от своих ног. Сегодня в большей степени, чем прежде.

В данный момент, когда мои слова выстраивают свой ритуальный хоровод, большинство смертных шествуют по долгой-долгой лестнице наверх. На самый верх.

**День за днем,
неделя за
неделей,
однообразно,
будто во сне,
точно вода,
капля по капле
сочится жизнь.
Каждый день
человек видит
свое отражение
в зеркале,
в витрине,
в стекле
троллейбуса,
маршрутного
такси, в
блюдце...**

РУТА. Ты утрируешь.

БЕЛЯНОЧКА. Нисколько.

РУТА. А если он предпочтет ванну?

БЕЛЯНОЧКА. Ванну?

РУТА. Да, ванну. Что скажешь?

БЕЛЯНОЧКА. Вот об этом я не подумала.

РУТА. Прежде чем выводить умозаключения, надо хорошо продумать детали.

БЕЛЯНОЧКА. Нет, к ванне он не готов.

РУТА. Как знать, как знать?

Итак.

День за днем, неделя за неделей, однообразно, будто во сне, точно вода, капля по капле сочится жизнь.

Каждый день человек видит свое отражение в зеркале, в витрине, в стекле троллейбуса, маршрутного такси, в блюдце...

Ничего не меняется.

Нет, конечно, что-то меняется, отрастают волосы, щетина, мешки под глазами появляются и исчезают

Появляются и исчезают.

Появляются и исчезают.

Да.

В целом же не меняется ничего.

День за днем, неделя за неделей.

И вдруг!

И вдруг человек обнаруживает, что из зеркала на него смотрит совсем другой человек.

Однажды.

Утром или вечером.

Вечером или утром.

Изменился.

Стал другим человеком.

Да.

И окружающий его мир вместе с ним изменился самым неожиданным образом.

До неузнаваемости.

Вместе с ним?

Нет, не «вместе с ним».

Чуть раньше.

Или позже.

Чуть раньше.

Или позже.

Хотя все взаимосвязано, одновременно в природе не бывает.

Заявляю ответственно, как физиолог.

Вопрос.

Теперь главный вопрос.

Вопрос вопросов, как говорится.

А способен ли мир меняться вообще?

Способен ли?

Я не беру во внимание перемену времен года, архитектуры, правительств или климата, ибо все это всего лишь игра мимики.

Мимикрия.

По большому счету.

Мимикрия.

Способен ли мир к переменам?

Способен ли?

И способен ли меняться человек?

Разве внешность его в глубокой старости, перед смертью не вторит его младенческому изображению?

Быть может, это не поглощение, но слияние?
 А возможно ли слияние вообще?
 Кто знает, что такое слияние?
 Вы не знаете, что такое слияние?

БЕЛЯНОЧКА И РУТА

РУТА. Что имел в виду бродяга, когда вспомнил Кьеркегора?

БЕЛЯНОЧКА. Лучше бы он не делал этого.

РУТА. Почему?

БЕЛЯНОЧКА. Это может оказать на Ягнатку слишком сильное воздействие.

Между собой Рута и Беляночка называют Алексея Ильича Ягнаткой.

РУТА. О чем ты?

БЕЛЯНОЧКА. Взять хотя бы этот фрагмент: с этической точки зрения отношение Авраама к Исааку исчерпывается тем, что отец должен любить сына. Но этическое отношение низводится до степени относительного - в противоположность абсурдному отношению к Богу. На вопрос «Почему?» у Авраама нет иного ответа, кроме того, что это испытание, искушение, выдержанное им ради Бога и ради себя самого. Оба эти определения не отвечают одно другому в общепринятом языке. Согласно этому языку, когда человек творит нечто несогласованное с общим, про него говорят, что вряд ли он делает это ради Господа, подразумевая, что он делает это ради себя. Между тем парадокс веры лишен этого промежуточного звена - общего. С одной стороны, он выражает собой высший эгоизм (совершая ужасное ради себя самого), с другой - абсолютнейшую беззаветность, совершая это ради Господа...

РУТА. Думаешь, это может прийти ему в голову?

БЕЛЯНОЧКА. Боюсь, он уже готов к этому. А это, увы, дорога в ванну. Никуда больше. Жаль.

РУТА. Не расстраивайся. Ты сама говорила, что рано или поздно все закончится подвалом. А с другой стороны, зачем он тебе нужен? И вообще, что ты с ними возишься?

БЕЛЯНОЧКА. Не знаю. Впрочем, нет, знаю. Это любопытство.

РУТА. Что же в них любопытного, когда они все на одно лицо?

БЕЛЯНОЧКА. Интересно, почему они так тянутся к смерти?

РУТА. Думаю, ответ прост.

БЕЛЯНОЧКА. Да?

РУТА. Они пропитаны Востоком.

Ягнатьев пропитан Востоком, и глаза его с каждым годом темнеют.

БОЛЬШИЕ КУПАЛЬЩИЦЫ

Не выходят из головы «Большие купальщицы» Сезанна.

Стоит постоять подле «Купальщиц» полчаса, всего лишь полчаса, и вы поймаете себя на мысли: слияние.

Вы скажете: слияние, это же так очевидно.

Слияние существовало всегда, и мы ощущали его всегда.

Каждую минуту, каждую секунду.

Так что и тратить время на долгие рассуждения по этому поводу смешно.

Итак.

Ощущения.

Еще раз подчеркнем «ощущения» и впредь будем держать это в уме.

Океан стал сушей, а суша - океаном.

Как будто не Треплев, а, наоборот, Тригорин застрелился.

И путешествуют в невиданных рощах невиданные рыбы и прочие твари морские, а люди, напротив, дышат жабрами.

Океан стал сушей, а суша - океаном.

Поменялись местами.

Чудеса.

Мистификация.

Еще говорят - чудеса в решетке.

Теперь рыбы не похожи на рыб, а люди на людей.

Столько всего!

Менее всего перемены коснулись цапли, птицы с удивительным, более удивительным, нежели у пеликана или перцеда, клювом. И это, заметьте, при общей невзрачности.

При общей сирости и невзрачности.

Восток.

Восток, восток.

Глаз не рассмотреть.

Даже если очень захотеть.

Даже если очень захотеть.

Однажды, раньше или позже, наступает момент истины, назовем это моментом истины, когда мы ощущаем всю бессмысленность нашей речи. Я имею в виду каждодневную речь.

С этим легко спорить.

И вы непременно станете спорить, если еще не испытали этого момента. Вы скажете, что всякий разговор - предыстория события.

Но это не так, уверяю вас.

ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕЧЬ

Повседневная речь - всего лишь звуковое сопровождение событий. Приблизительно то же самое, что стон Шараповой на теннисном корте.

Когда было бы возможным записать нашу повседневную речь, предположим, в течение суток, и после дать нам все это прослушать, первое, что придет в голову, будет звучать: «А кто это говорит? Уж во всяком случае не я».

Точно не я.

Как-никак я видел себя в зеркале.

Совсем другой человек.

Совсем-совсем другой человек.

Мы одиноки.

Мы одиноки на протяжении всей своей жизни.

От рождения до самой смерти.

Если улучить минутку-другую и прислушаться к себе, можно уловить это состояние.

ОДИНОЧЕСТВО

Преодолев мглу, можно рассмотреть эту крохотную, скромную и всегда смущенную, по-осеннему пахнущую яблоками с примесью копоти, теплую бездыханную комнатку с подростковой кроватью у окна, креслом-качалкой и кипельно-белыми занавесками, где нет ни картинок, ни пожелтевших фотографий, ни утвари, где тишину можно подкладывать под голову, точно пуховую подушку.

Стоит на мгновение увидеть эту комнатку, как многое становится очевидным. И настоящее, и, что немаловажно, бесконечное будущее.

Как видите, ничего общего с миром событий. Все намного значительнее. Главным в мире событий является мотивированная беседа. То есть разговор, в котором каждый из собеседников точно знает, чего он хочет от своей (своего) визави. Беседа, которая непременно повлечет за собой действие.

Беседа.

Хотите знать, как выглядит такая беседа?

Вернемся на вокзал.

ТЕМА ТУРАНДОТ

Не без сожаления отвлекаюсь от наблюдения за осой, выбираю себе объект из мира

Менее всего перемены коснулись цапли, птицы с удивительным, более удивительным, нежели у пеликана или перцеда, клювом. И это, заметьте, при общей невзрачности.

событий. Пусть это будет двадцатилетняя особа с вдохновенно вздернутым носиком, слепящей точкой над верхней губой и надкушенным яблоком в руках, что уже битый час борется со сном, потому глаза ее подернуты ласковой синей пленочкой. Как на полотнах Модильяни. Мое явление для нее полная неожиданность. Зрочки тотчас заявляют о себе. От Модильяни не остается и следа.

Предварительно спросив разрешения, опускаюсь на шаткое сиденье подле нее. Выдерживаю необходимую в таких случаях паузу, боковым зрением отмечая, как наливается смятением ее тело.

Задаю блистательный вопрос: не знает ли она случайно, не изменится ли расписание поездов на Петербург на будущей неделе?

Получаю краткое «нет», но через долю секунды спасительное «к сожалению». Все.

Крысы и коты не случайно сопровождают нас на протяжении всей жизни.

И собаки.

Это - свидетели.

И деревья, и травы.

Немые свидетели.

И цветы.

Свидетели.

А может статься, и репортеры.

Надо хорошенько подумать над этим.

**Когда поздним
вечером у себя
во дворе вы
встречаете
стайку
зябнущих (они
почему-то
всегда мерзнут)
хулиганов,
имейте в виду,
они - для вас.
Это - проверка.**

ТЕМА ТУРАНДОТ

Девушка готова к знакомству. Но еще не окончательно проснулась.

Затеваю романтическую песню: «Там, в Петербурге, уже несколько дней на удивление солнечная погода».

В ответе звучит тема принцессы Турандот: «Правда? Я так давно не была там!».

Все.

Почему Турандот?

Не знаю.

Турандот, и все тут.

Вот не случайно на протяжении всей жизни нас сопровождают вызывающие персонажи. Все эти бродяги, истеричные дамы, незваные гости, перепачканные детки с рожками и языками, оплывающие восковые роженицы, кликуши, внезапные небритые ревнивцы и бледнолицые бандиты. Они созданы для того, чтобы провоцировать нас.

Не верьте тому, кто скажет, что они существуют вне зависимости от нас, сами по себе. Это не так.

Когда поздним вечером у себя во дворе вы встречаете стайку зябнущих (они почему-то всегда мерзнут) хулиганов, имейте в виду, они - для вас.

Это - проверка.

И вовсе не того, сумеете ли вы постоять за себя.

Умеете ли вы сберечь свой звук - вот вопрос.

Слышите ли вы его?

Слышите ли вы его?

Слышали ли вы его прежде?

Слышали ли вы его прежде?

Спросите себя.

Спросите себя, что было до того, как наступила эта кисловатая тишина?

И если вы по-настоящему внимательны к себе, если вы действительно любите себя, звук вернется. Просто виолончель уступит место альту, а труба - флейте.

Или наоборот.

А уж ритм эти ребятки вам зададут.

Ха-ха-ха-ха...

Ха-ха-ха-ха ...

ТЕМА ТУРАНДОТ

Дальше - по накатанному.

Ах, если бы не это признание в любви к Северной Венеции, можно было бы надеяться еще на что-то. Оставался шанс на созерцательное обожание. А так - прогулка под дождем, беспричинный смех и обед с горячим бульоном.

- Как вас звать?

- Лилит.

- Правда?

- Лилия, но друзья зовут меня Лилит. А что вас так удивило в моем имени?

- Ничего. Вы голодны?

- Очень.

Она очень голодна.

Очень и очень голодна.

Все.

Не стоит никого бояться. Ибо все вокруг и внутри - вы и только вы.

ВРАЖДЕБНОСТЬ

Теперь все чаще говорят о враждебности. Враждебность стала универсальной приметой современности. Во всяком случае эта тема звучит как нечто новое, недавно привнесенное, уникальное, будоражащее воображение, заставляющее задуматься. Некое открытие, почище хламидиоза или СПИДа. Притом никто не пытается исследовать и классифицировать это явление, как будто самого слова «враждебность» уже достаточно для понимания предмета. Между тем, враждебность многослойна, многолика. И в области эмоций враждебность принимается нами по-разному. Разве можно сравнить враждебность гитлеровских оккупантов с враждебностью того же вируса? А можно ли сопоставить кухонный скандал с «высшим знаком любви» - половым актом, непременно (если трезво оценивать происходящее) содержащим признаки агрессии со стороны одного из партнеров? Разве можно в одной дефиниции рассматривать поведение учителя физкультуры и уличного хулигана? Разве монолог князя Андрея, досадающего на свою смерть, и надпись на моей двери - одно и то же?

Разве можно в одной дефиниции рассматривать поведение учителя физкультуры и уличного хулигана? Разве монолог князя Андрея, досадающего на свою смерть, и надпись на моей двери - одно и то же?

ТЕМА ТУРАНДОТ

Сцена на кухне.

Три месяца спустя.

Она доедает свое яблоко: «Ты рассуждаешь как ребенок. Это странно в твоём возрасте».

Прислушиваюсь к затейливой боли в пояснице: «С каждым днем тема моего возраста становится все более актуальной. Ты хочешь, чтобы я начал стыдиться своего тела?».

- Ты с детства стыдишься своего тела.

- Что ты можешь знать о моем детстве?

- Все. Ты так и не стал взрослым. Ты никогда не станешь взрослым.

- Ты уже ненавидишь меня?

- Сильно сказано.

Все.

Перечень форм агрессии можно продолжать до бесконечности. И какое бы явление жизни мы не затронули, в большинстве случаев так или иначе его можно охарактеризовать как враждебность. Все включает в себе враждебность, суть - разрушение.

Кроме любопытства и лени.

Двух созидательных субстанций, лени и любопытства.

ТЕМА ТУРАНДОТ

Еще несколько километров.

Сцена в спальне.

Я. Кто он?

ЛИЛИТ. Мой старый друг.

Я. Он пользуется дешевым одеколоном.

ЛИЛИТ. Это мой любимый запах.

Я. Запрещаю даже старым друзьям надевать мой халат. Даже старым друзьям. Мой халат девственен.

ЛИЛИТ. (Странный, колючий, вместе с тем ребяческий смех.) Ха-ха-ха-ха-ха...

Я. Мой халат не смешон.

ЛИЛИТ. Ты смешон.

Я. В таком случае что ты делаешь здесь?

ЛИЛИТ. Веселюсь.

Я. Нам нужен ребенок. Я хочу, чтобы ты родила мне девочку.

ЛИЛИТ. И тогда ты оставишь меня в покое?

Пауза.

Я. Что ты делаешь здесь?

ЛИЛИТ. Мне некуда идти.

Слезы.

Звучит тема Турандот.

Все.

Так что там у них произошло?

У меня и Лилит?

Метаморфозы?

Иллюзия метаморфоз.

Ничего общего с подлинным превращением.

Все знакомо до отвращения.

До оскомины.

За исключением смеха.

ТЕМА ТУРАНДОТ

Заключительная сцена непременно на кладбище с квашеной сиренью и чернявыми футуристическими цветами. Безнадежными, как сама смерть, гвоздиками. Одному из двоих суждено умереть.

Раньше или позже.

Зал ожидания примет каждого.

Нет ничего полезнее горячего куриного бульона.

Вот и все.

Одним словом, театр.

И «как вам это понравилось»?

Я понимаю, понимаю, этот траурный лубок мешает. Это - лишнее. Но разве могу я распорядиться в чуждом нам с Алексеем Ильичем мире событий?

Безнадежные, как сама смерть, гвоздики и брошенное вафельное полотенце.

Все.

Точка.

Больше не буду.

Прошу прощения.

И у вас, и у Шекспира.

Пошлость.

Конечно же, пошлость.

Но что-то в этом есть.

Смех?

Да вот, пожалуй, смех.

Где мог бы я услышать такой смех? Такой или почти такой смех, вероятно, я мог бы услышать от Арика Шумана: ха-ха-ха-ха-ха...

От себя же, тем более от Алексея Ильича? Исключено.

Тем не менее, этот смех закрепится во мне.

Да.

Хорошо бы теперь познакомить их, Лилит и Ягнатъева.
Зачем?
Проверка на стойкость.
Чья возьмет.
Ирония.
Неуклюжая шутка.
Возвращаемся к нашему демиургу.

ПТИЦЫ

Птицы.
Лучше всего начинать с птиц.
Почему?
Менее всего перемены коснулись цапли, удивительной птицы, что стоит на одной ноге в бывшей воде, а отражается в бывшей суше.
Ждет своей змеи.
Или ее отражения.
Менее всего перемены коснулись цапли, птицы сирой и невзрачной.
На первый взгляд.
Только на первый взгляд.
Ах, птицы, птицы!
Лучше всего начинать с птиц.
Счастья, конечно, нет пока, но все в ожидании счастья.
Впрочем, как всегда.
Как всегда.

СПЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Рассмотрим спящего человека.
Он величественен. Много покойнее и значительнее, нежели был до сна, если вы знали его. Впрочем, разве это тот же самый человек?
Дело в том, что сон - это не часть нашей жизни, которую можно вызывать, расшифровывать, материализовать, и так дальше. Сон - параллельная жизнь. Если хотите, жизнь другого человека, очень-очень напоминающего нас, но другого человека.
Одиночество.
Одиночество - всего лишь слово, сказанное вслух: нас всегда двое, в связи с чем мы по определению не можем быть одиноки.
Да.
Я уже не говорю о присутствии Бога.
Да.
Присутствие Бога - не категория веры или неверия, это данность, от которой сложнее отказаться, нежели принять. Отказаться от его дыхания, приблизительно то же, что убедить себя в отсутствии руки или ноги.
Согласитесь, это трудно сделать без хирургического вмешательства.
Так что суицид - это всегда двойное убийство.
Всегда.
Итак.
Мир изменился до неузнаваемости.

АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ И БРОДЯГА

Бродяга, покряхтывая, отделяется от бревна и напрямик направляется к окошку в подвале. Кажется, что он не сможет протиснуться в него. Тем не менее, по мере приближения к лазу его движения точно наполняются молодостью, одно неуловимое движение, и вот он исчезает.
Проходит минута, другая.

Заключительная сцена непременно на кладбище с квашеной сиренью и чернявыми футуристическими цветами. Безнадежными, как сама смерть, гвоздиками. Одному из двоих суждено умереть.

Только обнаружив разительные перемены в самом себе, человек заметил перемены в окружающем. А до того ему казалось: все как всегда. Ничего особенного не происходит.

Только теперь во дворе появляется Ягнатъев.

Судьбе не была угодна их встреча.

Мне кажется, все дело в том, что голова моего героя в это время была занята единственным, размышлениями о женщине. В частности, его занимал вопрос, почему старые мастера изображали конную Орлеанскую деву нагой.

Ему представлялось, что уж в таком случае она должна была бы гарцевать на единороге.

Как минимум.

Только обнаружив разительные перемены в самом себе, человек заметил перемены в окружающем. А до того ему казалось: все как всегда. Ничего особенного не происходит. Осень, зима, лето, весна, снова осень...

Меняются одежды, появляются и исчезают зонты.

Дождь то идет, то не идет.

Снег, половодье.

Снова снег.

Все смешалось - цвета другие, люди другие.

Совсем другие люди.

Вот, что значит хорошенько присмотреться к себе.

Вот, что значит рассмотреть, наконец, себя в зеркале.

В зеркале.

Итак.

Явился новый незнакомый человек новому незнакомому миру.

Но.

Сам по себе изменившийся человек не догадывается, что мир тоже изменился сам по себе. И воображает, следите за моей мыслью, что перемены в нем каким-то фантастическим способом привели к переменам в окружающем его мире. Немедленно находит тому тысячу доказательств, обрушивает на себя сонм скороспелых обвинений, места себе не находит, наконец, приходит к заключению, что, коль скоро он виноват во всем, он же сам должен все поправить.

И...

Становится демиургом!

Становится демиургом!

Вот и вся история.

Вот, казалось бы, и вся история.

Но.

Но.

Вот об этом втором «но», собственно, и пойдет речь.

ЭНДИ УОРХОЛЛ

Энди (вы, разумеется, догадались, что речь идет об Энди Уорхолле) напялил на себя какую-то нелепую фланелевую ковбойку и бесформенные пегие штаны. Он совсем не рад моему визиту. Признаться, я и сам испытываю неловкость и стремление как можно скорее бежать прочь. Он плохо выбрит, под глазами мешки. Всклокоченные, цвета топленого молока волосы ближе к корням рыжи, как у коверного или Гамлета. Никогда не думал, что он склонен к полноте, но вот теперь вижу складки жира над перевязанным бечевкой поясом.

Гамлет.

Точно.

Ужас, ужас, под его ногтями траур.

Приходит в голову: смерть любит нас растрепанными.

Энди перехватывает мой взгляд: «Это краска».

- Ничего общего с вашими полотнами, маэстро.

Он неожиданно улыбается.

Улыбка мученика Себастьяна. - Да, да, конечно. Так и должно быть. Так и должно быть. Вы голодны?

Зачем я утвердительно киваю головой? Это происходит против моей воли.

В его движениях появляется суета: «Сейчас, сейчас. Будет яичница. К сожалению, ничего лучшего предложить не могу».

- Что может быть лучше яичницы?

Извлекается хмурая черепашья сковорода, дюжина яиц.

У маэстро слегка дрожат руки: «Сейчас, сейчас».

И вот уже бледная масса заходится волдырями. Кажется, еще немного и блюдо будет готово. Однако этого не происходит. Ничего не происходит. Масса клокочет, но так и не становится яичницей. Ни через пять, ни через пятнадцать минут, ни через полчаса.

Энди, торжествуя, наблюдает мое изумление: «А что вы на это скажете? Вот где Вавилон. А вы говорите, траур под ногтями. Чертова кожа».

- При чем здесь чертова кожа?

Энди выключает газ и, махнув рукой, удаляется в дальнюю комнату.

Он не вернется.

Никогда.

В этом весь Энди Уорхолл.

АРИК ШУМАН

Ха-ха-ха-ха-ха... - из репертуара Арика Шумана, я познакомлю вас с ним чуть позже. И все шутки - из его репертуара.

Дело в том, что Алеша Ягнатъев напрочь лишен чувства юмора, что вовсе не обязательно является недостатком. Да, это мешает жить, особенно в юности, но все в природе компенсируется. И об этом не следует забывать.

Об этом не следует забывать.

Кто знает, какие мысли крутились в голове у Джоконды, когда она позировала Леонардо?

Кто может знать это?

Если вы хотите по-настоящему прочувствовать собственное ничтожество, обязательно купите себе птицу.

Щегла или попугая, все равно.

Не требует комментариев.

МИР ИЗМЕНИЛСЯ ДО НЕУЗНАВАЕМОСТИ

Итак.

Мир изменился до неузнаваемости.

Как и когда это произошло?

Я спал.

А покуда я спал (как будто даже без сновидений), пронеслась вселенская буря. Пробудившись, я выглянул в окно и вместо изломанных покосившихся примет крашеного охрой старого дворика обнаружил холодный шершавый пустырь и самого себя, голого, на корточках, показывающего себе же самому в окне язык.

Чрезвычайно неприятная история.

Хотя, на первый взгляд, довольно смешная.

Только представьте себе эту сцену!

Смешная история, не правда ли?

На первый взгляд.

АРИК ШУМАН

Ха-ха-ха-ха!..

Арик, как и Восток, всегда где-то рядом.

Ха-ха-ха-ха!..

Итак.

Алексей Ягнатъев сделался стеклодувом двадцать восьмого февраля 2006 года в половине девятого вечера после полудня.

В это время он возлежал в своей ванне...

Пробудившись, я выглянул в окно и вместо изломанных покосившихся примет крашеного охрой старого дворика обнаружил холодный шершавый пустырь и самого себя, голого, на корточках, показывающего себе же самому в окне язык.

**В юности, по
малоумию, мы
(здесь «мы» не
совсем точно,
позже я все
объясню) много
смеялись.
До неприличия
много смеялись
(не могу же
я отделить
себя от своего
поколения).**

Итак.
В это время он уже погрузился в свою...
Итак.
В это время он, наконец-то...
Итак.
Алеша Ягнатъев сорока пяти лет от роду сделался стеклодувом в половине девятого вечера после полудня.
И бу-бу-бу-бу-бу..
Вот с чего начну я свой роман.
И, конечно, солгу.
Непреднамеренно, но солгу.
Пока не могу понять, в чем дело, но что-то мешает.
Что-то здесь не так.
Соринка в глазу.
Вероятнее всего, страдает принятая в случае написания романов хронология.
Время.
Что-то со временем.
Время - главный враг человечества.
Так-то.
Алексей Ягнатъев сделался стеклодувом...
Алексей...
И бу-бу-бу-бу-бу-бу ...
Опустить дату и время.
Опустить.
Опустить «двадцать восьмого февраля 2006 года».
И «половину девятого вечера после полудня» опустить.
Какая разница, когда это произошло или произойдет?
Время - главный враг человечества.
Да.
В юности, по малоумию, мы (здесь «мы» не совсем точно, позже я все объясню) много смеялись.
До неприличия много смеялись (не могу же я отделить себя от своего поколения).
Подшучивали, разыгрывали, дразнили друг друга (большая натяжка, позже все-все объясню).
Ерничали, высмеивали, потешались.
Пощипывали, покусывали.
Однако не убивали друг друга.
Не убивали друг друга.
Среди нас было немало тех, что вообще не смог бы ударить по лицу.
Итак.
В юности, по малоумию, Алексей Ильич Ягнатъев не мог ударить...
Что-то мешает.
Что-то мешает.
Логика нарушена, а в результате - ложь.
Непреднамеренная ложь.
Хотя в данном случае слово «ложь» все же несколько грубовато.
Мне лично не нравится.
Никак не нравится.
Вечно мы делаем себе поблажки, но тут уж ничего не поделаешь.
Наши поблажки себе - как раз то, чем мы невыгодно отличаемся от прочих представителей животного мира.
Делаем себе поблажки и лжем каждые пять-семь минут.
Каждые пять-семь минут.
Об этом что-то говорил Толстой, царствие ему небесное.
Как знать, влюблялись ли в него по-настоящему дворовые девушки при такой-то бороде?

Наверное, влюблялись.
Они были близки к природе, и смутный образ косматого Пана наверняка еще гулял в их жилах.
Определенно, граф страдал оттого, что случилось ему лгать.
Не думаю, что, будучи, несомненно, большим лжецом, страдаю в той же степени.
Да.
Все же мы существенно измельчали.
Хотя это вполне может оказаться оптическим обманом.
Помните ложку, преломленную в стакане с водой?
А разбойника в кустах?
В юности, по малоумию, Алексей Ильич Ягнатъев иногда смеялся.
Справедливости ради следует заметить, что смеялась только лишь его оболочка.
Сам же Алексей Ильич даже не улыбался. Внутри Алексея Ильича царила тишина.
Как в лесу.
Только пение птиц и тишина.
Он был напрочь лишен чувства юмора, Алеша Ягнатъев.
Уж и не знаю, хорошо это или плохо.
Еще лет пять назад я бы однозначно ответил на этот вопрос,,: «Плохо».
Теперь: «Не знаю».
Не знаю.
С годами притягивает сочувствие, хотя бы видимость сочувствия.
Так что ложь все же оправдана.
Иногда.
Иногда.
Уже в юности сущностной мелодией Алексея Ильича было наблюдение.
Лес, тишина, пение птиц и наблюдение.
Это - к тому, что Ягнатъев, конечно, изменился, очень изменился.
Но не до основания, как окружающий его мир.
В противном случае он и не заметил бы чудовишных превращений вокруг себя.
Да он бы и бури вселенской не рассмотрел.
Точно.

АЛЕША

Алексей Ильич Ягнатъев сорока пяти лет от роду..
Алексей Ильич Ягнатъев..
Алексей Ильич..
Алеша..

Несмотря на то, что в предлагаемом писании вы обнаружите черты и движения некоей личности, назовем его Алексеем Ильичом Ягнатъевым, на самом деле перед вами роман о двух потрясающих открытиях в области естественных наук, имеющих самое непосредственное отношение к каждой драгоценной минуте нашего земного существования. Это - явление энтропии и Броуновское движение.

ЭНТРОПИЯ

Энтропия (entropia - поворот, превращение). Понятие энтропии впервые было введено в термодинамике для определения меры необратимого рассеивания энергии. Энтропия широко применяется и в других областях науки: в статистической физике как мера вероятности осуществления какого-либо макроскопического состояния; в теории информации - мера неопределенности какого-либо опыта (испытания), который может иметь разные исходы. Вследствие любых наших действий энтропия увеличивается, следовательно, любыми своими действиями мы увеличиваем хаос.

БРОУНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Броуновское движение (открыто в 1827 году Р. Броуном) - беспорядочное движение

мельчайших частиц, взвешенных в жидкости или газе, под влиянием ударов молекул окружающей среды. Парадоксальным результатом этого беспорядочного движения является тот факт, что на самом деле эти частицы остаются на месте. Иными словами, при всей своей колоссальной активности они не двигаются никуда.*****

Итак.

Алеша Ягнатъев сорока пяти лет от роду..

Итак.

Когда брился Дед-фронтовик...

Это заслуживает отдельного рассказа.

БРИТВА

Бритва.

Опасная бритва так называется не случайно. Она и впрямь опасна, эта бритва.

Не в меньшей степени, чем коготь ягуара.

Не в меньшей степени.

МЕРЦАНИЕ

Дед был обладателем удивительных глаз цвета подернувшихся первым льдом ноябрьских лужиц.

Он содержал в себе какую-то тайну о судьбе янтарной комнаты, воевал в Финляндии, Германии, Японии...

Наверное, брал пленных.

Некоторых из них притащил с собой.

Во всяком случае, одного – точно, я его знаю.

Притащил.

В мерцающей своей памяти.

Мерцающая память - это самый безнадежный плен.

Носитель такой памяти на долгие годы, покуда окончательно не сделается ребенком, становится тюремщиком. А это, уверяю вас, несладкая жизнь. В том числе и для его близких. В особенности, когда близким приходится смотреть в эти, кажется, подернувшиеся первым льдом глаза.

Когда носитель мерцающей памяти, в силу закономерно нагрянувшей глупости, все же теряет контроль над своим заключенным, тот, не имея возможности далеко бежать, поселяется прямо в комнате.

И тогда уже комната начинает мерцать.

Круглые сутки.

Не поймешь, утро это или вечер.

Вечер или утро.

Мерцание.

Мерцание комнаты.

Эта пресловутая фраза, «слово, изреченное вслух, - есть ложь», очень и очень смахивает на истину.

Хотя само по себе наличие истины спорно.

Как и существование премудрого Козьмы.

В его высказываниях есть что-то невеселое.

И тяжеловесное.

Юмор патологоанатома.

Формально - как будто осмыслено и смешно, но образ раздувшегося молочного белого тела утопленника все еще витает в воздухе.

И приставшая к плечу клейкая капелька ряски.

А по форме - точно и смешно.

Точно и смешно.

Точно и смешно.

Точно и смешно.

Носитель такой памяти на долгие годы, покуда окончательно не сделается ребен-ком, становится тюремщиком. А это, уверяю вас, несладкая жизнь. В том числе и для его близких.

АРИК ШУМАН

Обожатель женщин и преферансист Арик Шуман обладал таким чувством юмора. Души не чаял в картах и женщинах. Женщины отвечали ему взаимностью. Почему? Даже если и не знаешь наверное, не трудно догадаться, отчего Толстого отлучили от церкви.

Да.
Все чаще хочется молчать.

Да.
Впрочем, когда мы молчим - лжем не меньше.
Потому что на самом деле мы никогда не молчим.
Вся наша жизнь - беседа.
Точнее - болтовня.
Даже ночью хлопочут наши жалкие мельницы, неумолимо дробящие фразы в слова, слова в слоги.
Слоги в грехи.
Вся наша жизнь - треп.
Просто мы не задумываемся над этим.
Вся наша жизнь - треп.

Парадокс: кажется, будто стали глупее, но к природе не приближаемся. Напротив, бежим от нее галопом, только брызги из-под копыт. Разноцветным крапом покрываем вросших в землю шершавых быков прошлого.

Итак.
Когда ужинал Дед-фронтвик...
Это заслуживает отдельного рассказа.
И что?
Неужели для того, чтобы начать новую жизнь, надобно непременно раскрошить все знакомые и незнакомые слова?
И стоит ли новая жизнь убиенного языка?

ДЕД-ФРОНТОВИК УЖИНАЕТ

За вечерней трапезой Дед-фронтвик любил, чтобы я находился прямо против него. Дед знал, что я обожал наблюдать за тем, как ловко он извлекает содержимое величественной золотистой кости, до улова обитавшей в борще. Пользуясь необъяснимым моим любопытством, он вовлекал меня в ритуал, заключающийся в следующем: после непереносимой рюмки водки и воцарявшейся вслед просторной паузы произносилась каждый раз одна и та же фраза, фраза, которая, по глубокому убеждению Деда-фронтвика, должна была стать ключевой в моей последующей жизни.

Во время проведения ритуала надлежало смотреть Деду глаза в глаза. В противном случае его знаменитая фраза не произносилась, и настроение в доме было безнадежно испорчено на весь остаток дня.

Его знаменитая фраза звучала следующим образом: «Помни, ты должен стать человеком, который может все переменить. Все. Помни».

Помни, ты должен стать человеком, который может все переменить. Все. Помни.
Помни, ты должен стать человеком, который может все переменить. Все. Помни.
Мир изменился сам по себе.
А я изменился сам по себе.
Ягнатъев.
Ягнатъев изменился сам по себе.
А мир изменился сам по себе.
До неузнаваемости.
Хотя все в природе взаимосвязано, все абсолютно.
Детство.
В детстве я ничего не знал об энтропии и Броуновском движении.

Парадокс: кажется, будто стали глупее, но к природе не приближаемся. Напротив, бежим от нее галопом, только брызги из-под копыт.

Очень любил себя и панически боялся смерти.
Боялся насекомых, улицы, града, микробов и прочее, и прочее.

МЕТАМОРФОЗЫ

В юности Арик Шуман пробовал тренировать в себе способности менять окружающий мир.

Так, к примеру, он переименовал знаменитую картину Шишкина «Рожь». Теперь она называлась «Заблудился в трех соснах».

Васнецовская «Аленушка» стала «Капризом», а леденящее жилы полотно Репина «Иван Грозный и сын его Иван» приобрело новое лаконичное имя «Любовь».

Не остались без внимания слова и понятия.

Главной сферой приложения, соответственно возрасту, конечно же, был секс и все, что связано с ним.

В его интерпретации коитус сделался забавником котитусом.

Адюльтер же теперь представлял собой бюстгальтер, надевающийся наоборот, то есть мешочками на спину.

В те времена он думал, что в адюльтере ударение падает на «ю», что идеально рифмовалось с бюстгальтером.

От такого творчества друга Ягнатъеву делалось не смешно, а грустно. Даже страшно порой. Хотя, казалось бы, чего уж в этих импровизациях пугающего? А вот Алеше делалось не по себе.

Трудно найти менее готового к переменам человека, чем Алексей Ильич Ягнатъев.

Впрочем, я могу ошибаться.

Вспомните парадоксы пропорций.

Тем интереснее, не так ли?

АРИК ШУМАН

Еще в юности Арик Шуман пробовал тренировать в себе способности менять окружающий мир, однако демиургом станет Алеша.

Ха-ха-ха-ха!..

ПОЭЗИЯ

Уже в те времена рифмы бродили во мне.

Стихи в крови всякого русского человека.

Всякий русский человек, даже кровопийца и бандит, до чрезвычайности сентиментален. Возьмите хотя бы пушкинского Пугачева.

Свободолюбив и сентиментален, хотя тщательнейшим образом скрывает последнее.

Свободолюбив и непредсказуем.

ВЫБОР

Сокуров говорит, что когда бы ему предложили выбрать символ России, он выбрал бы птицу.

Это сделали до него.

Выбрали весьма удачный экземпляр с двумя головами.

Не сомневаюсь, что прежде такие птицы обитали в природе.

Равно как драконы и единороги.

На самом деле мы мало что знаем о своем прошлом.

Предполагаю, что птице с двумя головами никогда не бывает скучно.

Ах, птицы, птицы!

Птицы юности.

В юности однокашники Ягнатъева были смешливыми и много хохотали.

Несмотря на внутренний протест Ягнатъев пытался хохотать вместе с ними.

Иначе нельзя.

Никак нельзя.

Всякий русский человек, даже кровопийца и бандит, до чрезвычайности сентиментален. Возьмите хотя бы пушкинского Пугачева.

Юность.

Душераздирающее времечко.

Юность.

Думаю, что современные отроки смеются не меньше.

Это - от уверенности в том, что они способны что-то переменить по своей воле.

А мир, видите ли, изменился сам по себе.

Вне нашего участия.

Во всяком случае ваш покорный слуга в этом участия не принимал.

И Арик Шуман, однофамилец великого композитора, мой пожизненный друг и антипод, не принимал в этом участия.

Хотя он до сих пор думает, что участвовал в этом.

Что не соответствует истине.

А, впрочем, как знать?

Как знать?

Как знать?

Как знать?

СМЫСЛ

Смысл.

Всякое движение несет в себе высший смысл.

Не думаете же вы, что енот-полоскун совершает свои движения произвольно?

Да.

АРИК ШУМАН

Видел бы Ягнатъева теперь Арик Шуман, любитель преферанса и женщин, его пожизненный друг и антипод, который уехал отчего-то в Данию за год до описываемых событий, — глазам бы своим не поверил.

Арик был глубоко убежден, что Алеша Ягнатъев к переменам не способен.

Однако факт остается фактом: Алексей Ильич Ягнатъев сорока пяти лет от роду..

Дания.

Почему Дания?

АЛЕША

Алеша Ягнатъев.

Алеша.

Алеша.

Алеша.

ИМЯ

Каждый из нас, оставаясь наедине с собой, обращается к себе иначе, чем обращаются к нему окружающие. И потайное, подлинное имя наше далеко не всегда совпадает с именем публичным.

Просто мы не задумываемся об этом.

А если и задумываемся, отчего-то боимся произносить настоящее свое имя вслух.

Я не боюсь.

Прежде боялся, а нынче уже не боюсь.

Не боюсь.

Подлинные имена наши проступают в наших чертах.

Никогда Алеше не стать Петром или Себастьяном.

Или Энди.

Алеша - это Алеша.

Никак не Энди.

В особенности имя Алеша выдает себя, когда его обманывают. В момент открытия обмана трудно выглядеть кем-нибудь другим, Петром, например. Если ты Алеша.

Каждый из нас, оставаясь наедине с собой, обращается к себе иначе, чем обращаются к нему окружающие. И потайное, подлинное имя наше далеко не всегда совпадает с именем публичным.

Когда Алеша понимает, что его надули, глаза его делаются сонными и чуть слезятся. Слезятся вовсе не так, как если бы он приготовился заплакать.

Иначе.

Будто враз переменилось его зрение.

От рождения маленькие уши и пухлые щеки точно невидимой кистью покрываются пульсирующим румянцем, при этом совершенно стираются признаки мужественности.

Лицо окончательно округляется и становится матрешечным.

Плечи опускаются.

В его новом облике неожиданно торжествует улыбка.

Только это не оглушительная улыбка неудачливого игрока, но тишайшая улыбка бездомного.

Да.

АРИК ШУМАН

У Арика в подобных ситуациях глаза наливались зрачками, и зрение, вероятно, улучшалось.

Лицо же Арика заострялось и делалось похожим на мордочку шахматного коня.

МИХАИЛ ТАЛЬ

Из всех шахматистов наибольшее восхищение у нас с Ариком вызывал Михаил Таль. Затаив дыхание мы разбирали его партии. В особенности нас радовало то, что он умел обыграть Фишера. Кроме того, Таль прекрасно играл в карты. В преферанс. Думаю, что он был способен выиграть и в подкидного.

Впрочем, как знать?

В природе всяческих странностей хоть отбавляй.

Лично я Арика в подкидного всегда обставлял.

Что вызывало его справедливый гнев.

После такой партии мы могли не разговаривать неделями.

И во время молчанки его лицо делалось похожим на мордочку шахматного коня.

Да.

Одним словом, если вы хотите представить себе лицо Арика Шумана, вспомните, как выглядит черный, именно черный шахматный конь.

Да.

Себя со стороны в те годы, я, к сожалению, не видел.

Наверное, хорошо мне было не потому, что окружающий мир был лучше, а потому, что я не видел себя со стороны.

Не учили нас рассматривать себя в зеркале.

Нас учили не рассматривать себя в зеркале.

Нас так учили.

Итак.

Арик смеялся.

То гневался, то смеялся.

Алеша чаще бывал задумчив.

Одним словом, все люди - разные.

Потрепанная фразочка, конечно, но лишний раз напомнить не мешает.

А вообще я не боюсь банальностей.

Нисколько не боюсь.

Для меня самые простецкие, тысячу раз говоренные слова остаются живыми, если в них присутствует хоть какой-нибудь смысл.

Не все слова содержат в себе смысл.

«Муа-муа», например, смысла не содержит.

Оттого проникает прямо в сердце.

Прямо в сердце.

Мне думается, в тот самый момент, когда человек приходит к пониманию, что все

Из всех шахматистов наибольшее восхищение у нас с Ариком вызывал Михаил Таль. Затаив дыхание мы разбирали его партии. В особенности нас радовало то, что он умел обыграть Фишера.

предрешено, и начинаются в нем подлинные метаморфозы и деформации.

Возможно, я ошибаюсь.

Хотя, навряд ли.

Итак.

В том, что Алеше сорок пять лет - нет ни малейшего противоречия. Ни грамма странности. Нелепостью было бы именовать самого себя Алексеем Ильичом.

Не правда ли?

ПЕРСОНЫ

Подозреваю, что некоторые персоны обращаются к себе именно так - по имени-отчеству.

Подозреваю, что таких немало.

Если подумать хорошенько, я мог бы указать несколько человек среди своих знакомцев.

Несколько персон.

Но это совсем не нужно.

Никому не нужно.

И мне в том числе.

Да.

Персона - это маска.

Мы с Ягнатьевым - не персоны, надеюсь.

Только представьте.

Только представьте себе, как бы выглядело со стороны, когда кто-нибудь, пусть я, придумал бы принимать ванну в маске.

Я не касаюсь косметических масок. В косметике я не силен.

Речь идет о самой обыкновенной маске с завязками на затылке.

Глупо и стыдно.

Впрочем, не думаю, что персонам когда-нибудь бывает стыдно.

Да.

Мне же совестно всегда.

Или почти всегда.

Оттого тешу себя надеждой, что я действительно русский человек.

Мало того, русский провинциал (жизнь удалась в Бокове), а, следовательно, по-настоящему русский.

Хотя, наверное, правы те, что утверждают, будто по-настоящему русского человека теперь не сыскать.

Винегрет.

Столько всего в нас намешано!

Думаете только Монголия?

Не исключение - вышеупомянутые Япония и Китай.

Винегрет.

Хотя Япония и Китай - две большие разницы, как говорят в Одессе.

Простите за вопиющую банальность.

Вы не обязаны любить банальности так, как люблю их я.

А иногда кажется, будто бы Япония и Китай - одно и то же.

Как слепая куколка Япония могла поглотить Поднебесную?

А что если это слияние?

Что если так?

А что если в каждом японце живет китаец, а в каждом китайце - японец?

Вот - вопрос!

Надобно исследовать.

Неприменно надобно исследовать

Не исключено, что в нас с рождения присутствует и Дания.

Иначе откуда в нас такая любовь к русалкам и безутешному принцу Гамлету?

И с чего бы иначе Арик отправился туда?

Не Дания ли подлинная его обетованная земля?

Мы же ничего толком не знаем!
Ничего, ничего.
Ничегошеньки!

ГАМЛЕТ

Вы думаете, Гамлет мстил?
Ничего подобного. Он исследовал.
Если бы он был чуточку больше ленив и любознателен, уверен, страшной трагедии с Офелией не случилось бы.
Когда человек исследует предмет, эмоции постепенно утрачиваются. Это - данность.
Ягнатъев и Шуман, Шуман и Ягнатъев. Друзья, что называется, не разлей вода. Однажды кто-то из них отправился по ложному пути.
Кто?
Вот вам и интрига.
Но есть ли в ней нужда?
Ирония?
Я - подлинный ценитель и носитель банальностей.
Это так.
У меня всегда развязывается шнурок на левом ботинке.
Если ботинки со шнурками.
Именно на левом ботинке.

Космос всегда оставался для меня чем-то надуманным, так что хроническая измена шнурка - единственное, что связывает нас с Гагариным.
Может быть, еще его отчество - Алексеевич. Его отца звали Алексеем. Не исключено, что, оставшись наедине с собой, отец первого космонавта называл себя Алешей.

ИМЯ

Ягнатъеву я дал свое имя - Алексей.
Алексей.
Согласитесь, в Гагарине, несмотря на то что он Юрий, читай: Георгий, все же присутствовало некое смущение.
А может статья, это - мои фантазии?
Может статья.
Я склонен к фантазированию.
Признаваться в этом неловко.
Да.
Я часто испытываю неловкость.
И в том, что я часто испытываю неловкость, признаваться неловко.
Да.
Я не в силах постичь, что такое Вселенная.
Равно как и представить себе бесконечность.
Не в силах.
Еще жива Валентина Терешкова.
Тоже скромная женщина.

ВСЕЛЕННАЯ

Когда я говорю «Вселенная», отчего-то представляю себе остывшую манную кашу, которую ненавижу с раннего детства. Хотя отдаю себе отчет в том, что Вселенная - это и небо, и камни, озера, и травы, и деревья...

И озера, и камни.
И прочие плоды Божьего вдохновения, которые из врожденной вульгарности в большинстве случаев мы не замечаем.

Намеренно не включаю в список разнообразные планеты и кометы, так как не имею представления о том, как они выглядят на самом деле. Картинки в энциклопедии - не в счет.

**Вы думаете,
Гамлет мстил?
Ничего
подобного. Он
исследовал.
Если бы он
был чуточку
больше ленив и
любознателен,
уверен,
страшной
трагедии с
Офелией не
случилось бы.**

Картинки в энциклопедии - не в счет.

Картинки в энциклопедии - не в счет.

Если я, рассматривая картинки, еще могу вообразить себе ту или иную птицу или животное, так как имел с ними дело, полноценно помечтать о каком-нибудь Сатурне не могу.

Вот почему космонавты заслуживают всяческого уважения и даже восхищения.

Да.

Теперь космонавты незаслуженно забыты.

Равно как конка, керогаз и атомная бомба. По-настоящему эти предметы уже не привлекают внимания человечества.

Безусловно, о них можно прочесть, услышать в новостных программах, но это уже не то.

Совсем не то.

То же самое ожидает и картошку в мундирах.

Боюсь, то же самое ожидает и шахматы.

Итак.

Однажды в детстве, когда я болел и, накрывшись пуховым платком, дышал над картошкой в мундирах, невидимый Дед-фронтвик изрек: «Ты не должен забывать, где и с кем ты живешь. Это - твои радость и гордость».

Я не забыл.

Не забыл.

ИМЯ

С отцом нас связывает мягкий «эль» в именах.

Илюша - Алеша.

Илья - Алексей.

Подсознательно мы все время роемся в судьбах предков.

Ищем аналогии.

Иногда находим.

Часто находим.

Что дальше?

Вопрос.

Вопрос вопросов.

Однажды в детстве, когда Алексей Ильич, Алеша, болел и, накрывшись пуховым платком, дышал над картошкой в мундирах, невидимый Дед-фронтвик изрек: «Ты не должен забывать, где и с кем ты живешь. Это - твои радость и гордость».

Ягнатъев не забыл.

Алеша не забыл.

АРИК ШУМАН

У Арика не было Деда-фронтвика.

Его дед был кларнетистом.

Кларнетистом и путешественником.

Страстно любил кларнет и путешествия.

Играл на кларнете и путешествовал.

Путешествовал и играл на кларнете.

Он был неудержим, этот Дед-кларнетист.

Все время путешествовал.

Развлекал соседей по купе игрой на кларнете.

Не исключено, что он и теперь путешествовал бы, когда бы его не расстреляли.

В роду Шуманов много долгожителей.

Еще бы!

К чему относится это мое «еще бы»?

Все же в интонациях кларнета есть что-то скандальное, согласитесь.

Итак.

Намеренно не включаю в список разнообразных планеты и кометы, так как не имею представления о том, как они выглядят на самом деле. Картинки в энциклопедии - не в счет.

За нами постоянно кто-то наблюдает.

Следует ли забывать об этом?

Наверное, следует.

Хотел бы я забыть об этом?

Наверное, хотел бы.

Но у меня не получится.

Прежде не получалось.

Это - драма моей жизни.

Вот вам и драма.

А может стать трагедия.

Нынче так трудно определяться с жанром.

Что случилось?

Алеша ни на минуту не забывал о том, что за ним наблюдают. Прежде ему казалось, что это все - жена, проделки жены, во всяком случае, наблюдение как-то, каким-то образом связано с женой.

Умной, красивой, желанной, но в то же время взрослой и опасной женщиной.

Именно так, взрослой и опасной.

Взрослой и опасной.

Взрослой и опасной.

Но теперь, когда она ушла?

Наблюдение.

Наблюдение все равно продолжалось.

Ни на минуту Алеша не забывал, что за ним наблюдают.

Бред преследования он исключал, так как сам являлся наблюдателем и знал толк в таких делах.

Но об этом позже.

Что же получается?

Если не найти в наблюдении за собой сладострастия, можно сделаться импотентом.

Что же получается?

Роман интимных перемен с элементами эксгибиционизма?

Несколько витиевато, но вполне в духе времени.

Итак.

Я хочу забыть о том, что за мной наблюдают.

Я знаю одно упражнение.

Никому до меня это упражнение не помогло.

Приступаю.

Я - Вселенная.

«Вселенная» - ужасно, но слов из песни не выбросишь.

Что поделаешь!

Как правило, психотерапевты глуповаты и чудовищно косноязычны.

Среди них немало людей со сходящимся косоглазием.

Почему?

И зачем я вспомнил психотерапевтов?

Ах, да, конечно же, упражнение подсказал мне один знакомый психотерапевт, и левый глаз его немного косил.

Как же его звали?

Я - Вселенная.

Так.

Сосредоточиться.

Как будто это - мой последний шанс.

УПРАЖНЕНИЕ №1

Я - Вселенная.

Во мне множество сочащихся светом озер, трав и деревьев (то, что могу себе представить).

Немыслимая, бесконечная энергия.
Я напрягаю свою волю и забываю о том, что за мной наблюдают.
Я забываю, что за мной наблюдают.
Я забываю, что за мной наблюдают.
Я забываю, что за мной наблюдают.
Я один.
Нет никого больше.
Пока я не призову того, кто мне понадобится, я буду один.
Отныне и всегда.
Я забываю, что за мной наблюдают.
Я забываю, что за мной наблюдают.
Я забываю, что за мной наблюдают.
Я один.
Сейчас мне никто не нужен.
Я забываю, что за мной наблюдают.
Я забываю, что за мной наблюдают.
Я забываю, что за мной наблюдают.
Я один.
Я один, как и положено Вселенной.
Никто не спасет меня, если я погрузюсь в воду с головой и наберу полные легкие воды.
Все.
Все.
Как умею освободился от наблюдения.
Надолго ли?
Вот, упражнение вспомнил, а имя доктора забыл.
В последнее время все валится из рук.
Это все - весна.
Или осень.
Не имеет значения.
Дыхание.
У меня слабые легкие.
У Алеши Ягнатьева легкие покрепче, но освободиться от слезки так, как освободился только что я, он не может.
Алеша - тоже Вселенная, но он этого не знает.
Не должен знать.
Иначе не получится романа интимных перемен с элементами сладострастия и эксгибиционизма.
Хочется написать современный роман, а всякий другой роман будет уже несовременным.
Роман интимных перемен с элементами сладострастия и эксгибиционизма об энтропии и Броуновском движении.
Витиевато.
И несколько сумбурно.
На первый взгляд.
На первый взгляд.
Эксгибиционизм - одна из главных примет изменившегося мира.
Выживание.
Пытаюсь выжить.
Ложь.
Ничего я не пытаюсь.
Лежу в ванне и все.
Нарушаю ее холеную гладь.
Лежу в ванне.
В настоящий момент Ягнатьев до ванны еще не добрался.
Когда я сообщаю, что он погружается или уже погружен в ванну, - снова лгу, забегаю вперед.

**Все.
Как умею освободился от наблюдения.
Надолго ли?
Вот, упражнение вспомнил, а имя доктора забыл.**

Костерю себя за эту лживость и поспешность.

Хочется быть последовательным.

Очень хочется.

В настоящий момент Алеша до ванны еще не добрался.

А я - уже в воде.

Да.

Он же только готовится к погружению.

Несмотря на то что мы - тезки, мы - разные.

Я - это я.

Алеша - это Алеша.

С одной стороны он - это я в третьем, четвертом, простите, лице, с другой стороны - сам по себе Алеша.

Да.

Внешне я далек от назидательности. А вот внутри, и это моя беда, нет-нет, да и примечу в окружающих ту или иную особенность, вывих какой-нибудь, нелепость или непорядок.

Вот зачем я привязался к психотерапевтам?

От них много пользы. Один мудрый человек сказал, что психотерапевты - священники атеистического века.

Однако многие из них страдают сходящимся косоглазием.

Ну и что?

А разве театральные критики или повара не страдают сходящимся косоглазием?

А чиновники?!

Сколько чиновников страдает сходящимся косоглазием?! Врожденным или приобретенным? Им неть числа. И это не случайно. Хорошо было бы в романе исследовать и этот феномен.

Было бы очень и очень любопытно.

Впрочем, как знать?

КОСОГЛАЗИЕ

Я знавал одного театрального режиссера, чудом спасшегося от косоглазия. Просто вовремя вмешались врачи. А так и он был бы косоглазым.

Впрочем, разве во внешности дело?

Вот, внешность не изменилась, а постановки его - это постановки косоглазого человека.

Иногда грубые люди называют косоглазыми японцев и китайцев.

Это не так.

Косоглазие - это совсем другое.

Совсем другое.

Неприменно вернуться к чиновникам!

Не забыть.

А разве сам атеистический век не страдает сходящимся косоглазием?

И потом.

Разве психотерапевты рады этому обстоятельству?

Да они не забывают об этом ни на минуту.

Им хорошо бы никуда из дома не выходить до конца дней.

Однако же они преодолевают себя и идут навстречу людям.

И нередко помогают им.

Словом.

Словом.

Но «слово, изреченное вслух, - есть ложь»?

Тупик.

АРИК ШУМАН

Премудрый Козьма - главный враг психотерапевтов.

Ха-ха-ха-ха!..

Из Арика Шумана.

Меня в некоторой степени извиняет то, что и себе я не делаю поблажек. Но лишь «в некоторой степени». Боюсь, что избавиться от гадкой своей наблюдательности не смогу никогда.

Хотя это никому не нужно.

И мне в том числе.

Да.

Откуда в моем списке появились театральные критики?

Я как будто далек от театра по большому счету?

Думается, дело здесь вот в чем.

Всякий ценитель и носитель банальностей имеет право считаться подлинным ценителем и носителем банальностей только в том случае, если размышляет над ними. Что попусту ценить их и носить их в своем сердце?

Теперь вспомним Шекспира:

Весь мир - театр.

В нем женщины, мужчины - все актеры.

У них свои есть выходы, уходы,

И каждый не одну играет роль...

Кто же не знает этого монолога?

Кажется, метафора поэта предельно проста и понятна.

Однако здесь кроется загадка. Да еще какая!

Согласимся с тем, что все люди - актеры.

Всякий человек, всякий стремящийся к Истине человек, неважно, осознает он это или нет, без труда догадается, кто в сей метафоре Автор и Режиссер.

Внимание, загадка!

Что же такое в данной формуле театральные критики?

А их существование никто не отменял. Мало того, они довольно громко напоминают о себе, и театральные, и литературные, и прочие критики.

Что же такое в данной формуле театральные критики?

Кто они?

Весь мир - театр.

Согласен.

Люди - актеры.

Хорошо.

Но что такое театральные критики?

Кто они?

Вот вопрос.

Кроме того, я обожаю рассматривать тексты пьес.

ИМЯ

Ягнатъев.

Алексей Ильич.

Алеша - Ильюша.

Альеша - Ильюша.

Мягкое «эль» лаской и робостью связывает нас с отцом.

Мы изумительно похожи со своим отцом.

Правда, он был бухгалтером, но тоже очень скучал по животным.

Его, например, интересовали ленивцы.

Ловлю себя на том, что и я с годами все чаще думаю о ленивцах.

Ленивцы.

С тем, чтобы отвлечься от ужаса ледяной воды, погружаясь в ванну, Алеша старался думать о ленивцах...

С тем, чтобы отвлечься от ужаса ледяной воды...

Вот с чего, пожалуй, начну я свой роман.

Пожалуй.

Меня в некоторой степени извиняет то, что и себе я не делаю поблажек. Но лишь «в некоторой степени». Боюсь, что избавиться от гадкой своей наблюдательности не смогу никогда.

И еще раз солгу.
В тот момент о ленивцах я не думал.
Да.

БРЕМ

Я прекрасно помню тот день, когда в нашем доме появился сандаловый трехтомник Брема, страницы которого источали аромат ванильного шоколада. У него были тяжелые живые страницы и, шепотком над литографиями - папиросная бумага.

Итак.

Маленький Алеша боялся своим дыханием спугнуть серебристую паутину рисунков, способных при особом освещении оживлять изображенных на них зверей.

Теперь, будучи физиологом, я отлично знаю, как много общего в организмах человека и свиньи. Но упаси меня бог свернуть с тропы дарвинизма.

Мой удел до конца дней играть роль последовательного и грубого материалиста.

Это - мой мундир.

Чем не персона?

Ха-ха-ха...

Краткий горький смех.

Краткий горький смех.

Чем кумушек считать трудиться...

Иван Андреевич.

В конце концов, никто не заставлял меня получать образование.

Никто.

Ах, Иван Андреевич, новый Эзоп!

Когда закончился род Адама?

Когда и где закончился род Адама?

Отчего-то кажется мне, что у Адама бороды быть не могло.

Хотя, не думаю, что во времена Адама существовала опасная бритва.

Просто в отличие от Дарвина или Толстого, у Адама борода не росла.

И что там за путаная история любви?

АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ И БРОДЯГА

Бродяга закрывает глаза и улыбается: «Параллельный мир. Совершить путешествие в параллельный мир. Я называю это «совершить путешествие в параллельный мир».

- Так вы называете это?

- Да, именно так.

- Вы знакомы с параллельным миром?

- А разве вы не знакомы с параллельным миром?

- Я не знаком.

- Знакомы, еще как знакомы.

- Я на самом деле не знаю, что это такое.

- Всякий знает, что это такое.

- Только не я.

- Вы играете со мной.

- Честное слово.

- Вы разыгрываете меня.

- Честное слово. Посмотрите мне в глаза.

- Я не люблю смотреть людям в глаза. Так же, как и вы.

- Так что такое параллельный мир?

- Хорошо. Давайте попробуем. Вы могли бы на минуточку представить себя котом?

- Что?

- Представить себя котом. Это совсем не сложно.

- Вы хотите разрушить меня.

- Зачем?

- Вы хотите окончательно разрушить меня.
- Вы сами просили меня.
- Я не просил вас окончательно разрушать меня.
- Вы просили меня показать вам параллельный мир
- Но какая взаимосвязь между параллельным миром и котом?
- Самая непосредственная. И поверьте, для того чтобы увидеть параллельный мир, нужно хотя бы на несколько минут представить себя котом.
- А вы упрямый человек.
- Не знаю, не думал об этом.
- Странная фантазия. Представить себя котом. Какой-то бред.
- Как вам будет угодно.
- Но я не могу..
- Вы еще и не пробовали.
- Да. Вы определенно хотите разрушить меня. Превратить, как говорится, в руины.

Зачем вам это нужно?

- Мой ответ - молчание. А вообще, мы с вами очень похожи.
- Да?
- Да, я чувствую это.
- Вы думаете, стоит попробовать?
- Почему бы и нет?
- Вы думаете, что-то может перемениться к лучшему?
- Почему бы и нет?
- Представить себя котом?
- И все же, зачем вам это нужно?
- Вы просили.
- Вы знаете меня?
- Теперь начинаю узнавать.
- Вы знали меня и прежде?
- Я знаю всех, кто живет в этом городе.
- В таком случае вы можете дать мне совет.
- Сначала сделайте то, о чем я вас просил.
- Черт, зачем это? Черт, я не знаю, как это сделать! Я должен мяукать?
- Зачем? Просто закройте глаза и улыбнитесь.
- Как вы?
- Приблизительно так.
- Вы сейчас в образе кота?
- Мне этого уже не нужно. Для меня это пройденный этап.

Алексей Ильич закрывает глаза и пытается изобразить улыбку.

Бродяга открывает глаза, рассматривает Алексея Ильича: «Плохо, очень плохо.

Улыбка должна быть естественной, а у вас получается Себастьян».

- Я думаю совсем о другом.
- О чем?
- Какая разница? Во всяком случае не о котах.
- О параллельном мире?
- Я уже и забыл. Надо же? Вы так заморочили мне голову, что я уже забыл о параллельном мире.

Бродяга встает: «Пора мне».

- Вы что, уходите?
- Да, пора домой. Хотите, я приглашу вас к себе в гости?
- Признаться, я думал...
- Что вы думали?
- Признаться, я думал, что у вас нет дома. Простите.
- Бездомных людей не бывает. Начертите круг, лягте в него и скажите себе: это мой дом, и это станет вашим домом. Быть может, для вас самым счастливым местом на земле.
- Уходите?

- Вы знакомы с параллельным миром?
- А разве вы не знакомы с параллельным миром?
- Я не знаком.
- Знакомы, еще как знакомы.
- Я на самом деле не знаю, что это такое.

- Да, ухожу.
 - Скажите на прощанье, зачем вам хотелось, чтобы я представил себя котом?
 - А почему бы и нет?
 - Погодите.
 - Да?
 - Вы как будто предлагали выпить?
 - Нет, вы меня с кем-то путаете. Я не пью. Держитесь подальше от женщин, мой вам совет.

Этот и подобные этому финалы - всегда полная неожиданность для автора. Я же говорю, персонажи живут сами по себе. Вот вам и параллельный мир.

Что же касается предложенной бродягой игры в метаморфозы, а это было ни что иное, как игра в метаморфозы, думаю, он хотел продемонстрировать Ягнатьеву особенности кошачьего зрения. Но для этого требуется другая форма зрачка.

Думаю, проще было бы трансформировать Алексея Ильича в ленивца. Но бродяга может и не догадываться о существовании этого чуда природы.

Впрочем, я могу и ошибаться на этот счет.

РАЗВОДЫ

Разводы.

Разводов становится все больше и больше.

Думаю, это как-то связано с экологией.

Ягнатьев.

С тем, чтобы отвлечься от ужаса ледяной воды, погружаясь в ванну, Алеша старался думать о ленивцах...

Я не думал о ленивцах.

Я не думал о ленивцах в тот момент просто потому, что не вспомнил о них. А подумать о них как раз следовало бы. Это очень и очень отвлекает в минуту испытания.

Как изменился мир!

Как изменился мир!

То, что однажды подсмотрел я в передаче Национального географического общества, лишило меня сна на трое суток.

Ягуар пожирал ленивца.

Но это - не самое страшное. Потрясением для меня явилось то, что ленивец при этом улыбался.

Какое счастье, что в моем детстве в томике Брема ленивец был на одной странице, а ягуар - на другой!

Милые создания.

Мне хотелось бы дружить и с одним, и с другим.

Теперь не остается сомнений в том, что программы Национального географического общества не образуют, а изощренно убивают.

Сегодня ленивец, а завтра, быть может, и ягуар?

Сегодня - ты, а завтра - я?..

Во время просмотра передачи Национального географического общества, а также последующие трое суток Ягнатьев ощущал себя тем самым ленивцем.

Он и теперь представляет себя ленивцем. Вот только улыбаться так лучезарно, безмятежно не умеет.

Не умеет и не хочет.

ПОЭЗИЯ

Изменившемуся миру не нужна поэзия.

Хотя поэты не умолкали ни на секунду.

Бесконечный треп.

То, что поэты, дескать, молчат, когда говорят пушки, - чушь. Бесконечно болтливы и те, и другие. Сияются перекричать друг друга и гремят страшно.

Это спасение, что я теперь в ванне, и музыка воды перебивает всю эту вакханалию.

Я не думал о ленивцах в тот момент просто потому, что не вспомнил о них. А по-думать о них как раз следовало бы. Это очень и очень отвлекает в минуту испытания. Как изменился мир!

Хорошо и покойно думать о ленивцах.
Хорошо и покойно.

БОКОВ

Если бы окна Ягнатьева выходили не во двор, а на улицу, он мог бы намного лучше узнать обитателей своего города. За какой-нибудь час он мог бы увидеть, как две студентки-хохотушки в розовом свечении утра, то и дело озираясь, задирают друг дружке юбки; как вареный взъерошенный пьяница, чувствуя скорую свою погибель, робко переходит дорогу; как нищенка с аккуратностью реставратора раскладывает на полотенце свои записки и иконки; как согбенный под жениными ударами в спину, с вывернутым наизнанку лицом супруг возвращается в лоно милой семьи; как батюшка, обращая суетное в пыль, низко склонив голову, семенит на службу; как тучная масляная мать, спотыкаясь и причитая, силится догнать светящуюся от истошного детского крика коляску; как, разбивая рот медной ладонью, борется со сном римлянин в тоге и сандалиях; как кот, совершив стремительную пробежку за невидимой мышью, внезапно задумывается и ложится прямо на тротуар; как после длительной паузы, точно из-под земли вдруг вырастает палевая громада плененного слона, не желающего видеть ни замершего в скрежете мотоциклиста, ни подружек в хрустящих обновках, ни вертлявого милиционера с лицом удода, и уж, конечно, не желающего видеть летящую за собственным лаем Моську..

И так дальше, и так дальше.

Впрочем, подобные наблюдения из окна есть ни что иное, как путешествие. А к путешествиям Алексей Ильич решительно не способен.

Хорошо и покойно думать о ленивцах.

Вспомнитьотом, чтоэтиочаровательныесозданияневзыскательны, довольствуются малым и способны целые дни и даже недели терпеть голод и жажду.

ПЕДАГОГИКА

Нередко и не без основания говорят, что русские люди чрезвычайно одаренны. Мне думается, я знаю, в чем причина этого явления. Русские дети изучают окружающий мир по стихам Корнея Ивановича Чуковского.

*Ехали медведи
На велосипеде.
А за ними кот
Задом наперед.*

*А за ним комарики
На воздушном шарике.
А за ними раки
На хромой собаке.*

*Волки на кобыле.
Львы в автомобиле.*

*Зайчики
В трамвайчике.
Жаба на метле...*

*Едут и смеются,
Пряники жуют.*

Нередко и не без основания говорят, что русские люди чрезвычайно одаренны. Мне думается, я знаю, в чем причина этого явления. Русские дети изучают окружающий мир по стихам Корнея Ивановича Чуковского.

Помните?

А теперь попытайтесь представить себе эту процессию.

Когда Юрий Алексеевич Гагарин встретился с Корнеем Ивановичем Чуковским, он, не в силах сдержать восторга, поцеловал ему руку.

Я и сам пишу стихи.

Писал.

Но испытываю от этого неловкость.

Испытывал.

Испытываю.

Я часто испытываю неловкость.

Очень часто.

Судя по внешнему виду, ленивцам также знакомо это чувство.

Если когда-нибудь в будущем откроется, что ленивцы способны испытывать неловкость, вероятно, передачи Национального географического общества запретят.

ЛЕНИВЦЫ

Первые рассказы о ленивцах принадлежат Овидею, который говорит приблизительно следующее: *Perico ligero* самое ленивое животное, какое можно видеть на свете. Он так неуклюж и нетороплив, что ему нужен целый день, чтобы пройти лишь 50 шагов. Первые христиане, увидевшие его, помнили, что в Испании негров обыкновенно называют в насмешку белыми Иванами, и потому дали ленивцам в шутку название «проворные собачки». Это одно из самых удивительных животных. Взрослое животное длиной две пяди и немногим менее в толщину. У него четыре тонких ноги, пальцы которых срослись между собой, как у птиц. Ни когти, ни лапы не устроены так, чтобы они могли поддерживать тяжелое тело, и потому брюхо почти волочится по земле. Шея вытянута прямо вверх, такой же толщины, как пест ступки; голова почти не отличается от нее, лицо круглое, похоже на лицо совы и окружено волосами, так что оно лишь немного больше в длину, чем в ширину, глаза малы и круглы, ноздри - как у обезьян, рот маленький.

ПОЭЗИЯ

Мои стихи напоминают ракушки, и я без особой надобности не стану засорять ими роман о новом демиурге, написанный в четвертом, разумеется, лице.

Если эти мои ракушки запустить в воду, они раскиснут, как пельмени, а линия романа пойдет вкривь и вкось.

И выводы будут неверными.

Сущность и без моих стихов достаточно искажена.

ЛЕНИВЦЫ

Ленивец двигает шею то в одну, то в другую сторону, как будто чему-нибудь удивляется. Его единственное желание и удовольствие заключаются в том, чтобы вешаться на деревьях или на чем-нибудь, где он может лазать; и потому его часто можно видеть на деревьях, по которым он медленно взбирается. Его голос очень отличается от голосов других животных. Поет ленивец всегда только ночью, издавая время от времени каждый раз по шесть звуков, сначала один выше другого, а затем все тише и тише: ля, ля, соль, фа, ми, ре, до. Потом кричит шесть раз - ха, ха, ха, ха, ха, ха. Пропев раз, он некоторое время ждет и снова повторяет то же. Я считаю его ночным животным. Иногда христиане ловят ленивца и приносят его домой, где он по обыкновению медленно ползает, и его нельзя ни угрозами, ни толчками принудить двигаться быстрее. Если животное находит дерево, то влезает тотчас же на самые высокие ветви и остается там 10, 12 и даже 20 дней; что оно ест, неизвестно. Я держал его дома, и, по моему наблюдению, оно, должно быть, питается воздухом. Того же мнения придерживаются и многие другие наблюдатели, так как никто не видел, чтобы ленивец что-нибудь ел. Он по большей части поворачивает голову и рот в ту сторону, откуда дует ветер; отсюда следует, что воздух, должно быть, очень приятен

Мои стихи напоминают ракушки, и я без особой надобности не стану засорять ими роман о новом демиурге, написанный в четвертом, разумеется, лице.

ему. Ленивец не кусается, да и не может кусаться, так как рот его очень мал; он также не ядовит. Вообще же я никогда не встречал ранее столь глупого и бесполезного животного, как он...

ЗЕРКАЛА

Все - зеркала.

Зеркала.

Зеркала. Зеркала. Зеркала. Зеркала. Зеркала. Зеркала. Зеркала.

ВОДА

Вода.

Вот теперь заговорили о том, что вода - носитель информации.

Как все же медленно движется человечество по замшелой винтообразной лестнице познания?!

Бойтся сделать несколько уверенных шагов.

Бойтся немедленно сойти с ума.

У безумного - страх безумия.

Грустно.

Вода.

Вода - живая.

Говорю вам, вода - живая.

Вода повсюду.

Мы сами преимущественно состоим из воды.

Вот откуда у Алеши ощущение, что за ним постоянно наблюдают.

Да.

Думаю, правильным будет в роман о новом демиурге, написанный в четвертом, разумеется, лице, включить что-нибудь познавательное. Вот, например, размышления о ленивцах.

Но.

Разве я так думаю?

Разве это не мой незримый заказчик?

Тот, что с пристрастием отслеживает исполнение заказа?

Не позволяет отвлечься, забыться, переменить тему?

То и дело нашептывает что-то, расстраивается иногда, смеется, а случается, и водит моей рукой?

Вот его оружие.

Он знает много больше, чем я.

Я робею перед ним.

Робею.

Мысль о трактате безумно соблазнительна.

Думаю, правильным будет в роман о новом демиурге, написанный в четвертом, разумеется, лице, включить что-нибудь познавательное. Вот, например, размышления о ленивцах.

Кроме того, дать коротенькую информацию о Бреме.

Мне кажется, многие теперь забыли и о нем.

И он не нужен изменившемуся миру.

Современные дети смотрят программы Национального географического общества.

Полагаю, происходит это потому, что в передачах Национального географического общества нередко показывают, как животные совокупаются.

Ягнатъев.

С тем, чтобы отвлечься от ужаса ледяной воды, погружаясь в ванну, Алеша старался думать о ленивцах.

Алеша.

**Вода.
Вот теперь заговорили о том, что вода - носитель информации.
Как все же медленно движется человечество по замшелой винтообразной лестнице познания?!**

ПЕРЕД ПОГРУЖЕНИЕМ

На самом деле вода была самой обычной температуры, но внутренний трепет настаивал, что вода непременно ледяная. На худой конец - кипяток. В любом случае остановки сердца не избежать. В такие минуты всегда вспоминаешь какой-нибудь эпизод из детства, и где-то в паху занимается щекочущая жалость к себе маленькому.

СЧИТАЛКИ

Итак.
Алеша - Илюша.
Алеша - Илюша.
Заразительно, как считалка.
Считалки сродни эпидемиям.
Испанке, например.
Считалки - эпидемии души.
Точнее, эпидемии духа.
Да.

**Никогда не мог
запомнить, в
какую сторону
«по часовой
стрелке»,
а в какую -
«против».
Казалось бы,
нет ничего
проще, для
меня же это -
непреодолимая
трудность.**

В детстве мне казалось, что испанка, «унесшая столько жизней», - это реальная женщина в черных одеждах с впалыми щеками и кругами под глазами. Никак не мог сообразить, зачем она занимается всем этим. Наверное, - думалось мне, - в этом есть какой-то смысл. Какой-то высший смысл!

Обратите внимание на то, как рано мысли о высшем смысле посещают русского человека!

Логика. Главное - не упустить логики.
Хронология. Что-то с хронологией.

Время. Время ускорило, сделалось коварным и бесчувственным, так что логика ускользает легко.

Точно угорь. Точно угорь. Угри напоминают змей. Ненавижу змей. Брр!

Ежегодно жду их появления во сне - завещанная пращурами мудрость тщетно пытается пробиться сквозь толстый налет глупости, приправленной воспоминаниями.

Лучше не задумываться обо всем этом. Да.

Не упустить логики. Да.

Что-то с хронологией. Попытайся быть последовательным. Да.

Объявил, что солгал, - запомнить. Многократно объявил. Да.

И попытайся быть последовательным. Последовательным.

Но. В каком направлении?

«По» или «против» течения времени?

А какая разница, если в конечном счете раньше или позже упрешься в зияющую пустоту, именуемую «до тебя» или «после тебя»? Так или иначе, тебя там «еще нет» или «уже нет», что никак не влияет собственно на пустоту.

Еще одна банальность.

В роман не включать - перебор банальностей!

Перебор.

Никогда не мог запомнить, в какую сторону «по часовой стрелке», а в какую - «против». Казалось бы, нет ничего проще, для меня же это - непреодолимая трудность.

Это относится к доказательствам, а точнее знакам того, что от нас в нашей судьбе мало что зависит. Этот и подобные ему знаки, то и дело развязывающийся шнурок на левом ботинке, например, читаются: не возносись, не пыжься.

Все предопределено.

С таким-то шнурком катастрофа летчику обеспечена.

Не сейчас, так позже.

Если не на изумительной ракете, так на обыкновенном самолете.

Вот и весь сказ.

Да.

Вчерашний билет

Валерий
Котеленец

*Правду о земле и о небе
хотел я тебе поведать.
Но ты сказала:
«Молчи!
Не будь таким бессердечным!
Если узнаю правду,
как смогу я тогда
ходить по этой земле,
глядеть в это небо?..».*

*Дай мне знак, если я заступлю
за черту,
 удержи, если я поверну не туда.
Так легко оступиться в свою
пустоту,
из которой уже ни за что никогда...*

*Я давно не живу — избываю вину.
По ночам просыпаюсь в холодном
поту...
Разреши мне подняться в твою
глубину.
Помоги опуститься в твою высоту.*

*Эти страхи пройдут,
как другие прошли.
Эти звезды сгорят, ни о ком не скор-
бя.
Словно странник, добредший до края
земли,
загляну в пустоту — и увижу...*

*Я виноват перед тобой,
как ты передо мной.*

*Так быстро вертится рябой
и тусклый диск земной.
Так быстро, что ни я, ни ты
друг другу не видны,
как черепахи и киты,
и прочие слоны.
Нет ничего — ни нас с тобой,
ни вечности, ни сна...
Есть только вечная любовь
и вечная вина.*

*Вода огонь в себе таит,
как ангелы — чертей.
И жизнь большая состоит
из маленьких смертей.
Снедая дух, пирует плоть.
Слепы поводыри.
И бьется запертый Господь
у каждого внутри.*

*Золотая труха листопада.
Уходящего тихая грусть.
Сожалеть об ушедшем не надо —
все равно не вернется. И пусть.
А вернется — не будет покоя,
словно умерло что-то в душе.
Возвращается нечто другое —
не такое, как было уже.
Наше завтра темно и сурово.
Наше нынче не краше того.
Но за нами последнее слово —
мы когда-нибудь скажем его.
Посмотри в это серое небо,
загляни в настающие дни,
белым хлопьям грядущего снега
безоглядно ладонь протяни...*

*Ночь ворочается глухо.
Ветви мечутся в окне.
Снова память-потаскуха
не дает покоя мне.*

*Тянет липкие ручищи.
Отмахнуться не дает.
Под землей — и там отыщет.
В небесах — и там найдет.*

*Опять объегорила подло
любовь, обещавшая рай,
и в черную гулкую полночь
ушла, как последний трамвай.*

*И ты сквозь кромешную темень
бежишь, спотыкаясь, вослед,
в ладони сжимая зачем-то
дурацкий вчерашний билет...*

*Сквозь грады и веси, сквозь дни и века
два странника движутся издалека.*

*Седые бранды ниспадают на грудь.
Немалый, похоже, им выдался путь.*

*- Откуда вы, старцы, сюда забрели?
- С другой стороны запредельной
земли.*

*- Скажи, почему ты смеешься, отец?
- Я смысл мирозданья постиг нако-
нец.*

*- А ты почему опечален, старик?
- Я смысл человеческой жизни по-
стиг.*

*Декабрь переживем. А следом —
и январь.
А там, глядишь, зима сыграет
в ящик вскоре.
Бывает злее боль. Бывает горше горе.*

*Господь, он любит нас,
как всю живую тварь.*

*Вот камушек лежит. Но он не
мертв, а жив.
Вот дерево стоит. И в нем душа
живая.
А если мнится мне, что окаменеваю,
то это от тоски и от вселенской
лжи.*

*Что делать, на земле сегодняшней —
не рай.*

*Прошедшее — мертво. Грядущее —
жестоко.*

*Я подставляю вновь судьбе другую
щеку.*

Коль выживу — прости.

А не смогу — прощай.

*Давай не будем умирать —
совсем и никогда.*

*Еще стихам тесна тетрадь
и Муза молода.*

*Еще на каждый твой вопрос
есть у меня ответ.*

*И сладко лгать,
что жизнь — всерьез,
а смерти — вовсе нет.*

*И что камня собирать
не подошла пора...*

*Давай не будем умирать —
хотя бы до утра...*

*В-четвертых, я не прав —
всегда и непреложно,
фатально и во всем,
везде, куда ни кинь.*

*И это факт, как то,
что шпага любит ножны,
как то, что слово «ян» —
синоним слова «инь».*

*А в-пятых, я давно
и безнадежно спятил,
раз выбрал эту жизнь,
похожую на смерть,*

раз не устал еще
долбиться, словно дятел,
упрямой головой
о жизненную твердь.

За воскресеньем наступит вторник.
А, может, пятница... Или среда...
Сгребает в холм колченогий дворник
листву, опавшую в никуда.
За утром сразу же будет вечер.
А, может, полночь... Не все ль равно...
В окне моем почему-то вечно
одно и то же дают кино.
Слепые стены да небо злое.
Что день, что ночь — наплевать
уже.
А дворник, сволоочь, скребет метлою
не по асфальту, а по душе.
И я с небритой и мятой рожей
срываю сутки с календаря
судьбы, что я почти уже прожил
почти зазря...

Жили-были, поживали.
«Тили-тили, трали-вали...»
То ли были, то ли жили...
«Трали-вали, тили-тили...»
Жили-были, жили-были,
проклинали и любили,
кровь за что-то проливали,
«Тили-тили, трали-вали...»
Жили-были, были-жили...
Два цветочка на могиле.
Фотография в овале...
«Тили-тили... Трали-вали...»

Ни желаний, ни идей.
Жизни вялые потуги.
Что ж ты хочешь от людей
на исходе Кали-Юги?
Что ж ты хочешь от меня,
нелюдимого и злого,
за семьсот четыре дня
не родившего ни слова?

Поголовно всех любя,
Бог возьмет нас на поруки.
Что ж ты хочешь от себя,
опускающего руки?
Счастья хочешь? Так иди —
ковыляй своей дорогой...
Только душу не буди.
Только совести не трогай.

Ахилл быстроног. Черепаха тупа
и ленива.
Но жизнь наобум раздает призовые
места.
Все как-то не так — то не к месту,
то косо, то криво.
И где эта чертова финишная черта?
Иные отбегались... Мир их забытому
праху.
В анналах о них не осталось, увы,
ничего...
Ахилл никогда не догонит свою
черепаху,
как мне никогда не настигнуть
себя самого.

Те, кто за нами, умней
наверняка.
Тем, кто за нами, видней
дни и века.
Тем, кто за нами, трудней
в тысячу раз.
Тем, кто за нами, больней —
за нас...

Время дрейфить не дает,
лить елей и слезы лить,
и на этот свет и тот
неделимое делить.
Время камни собирать
и сжигать чистовики.
Трудно жить и умирать.
Остальное — пустяки.

Александр Викторович Иличевский (родился в 1970-м в Сумгаите, Азербайджан) — один из самых известных современных прозаиков. По образованию физик, в 90-е несколько лет работал в Израиле и США. С 1998 года живет в Москве, пишет прозу и стихи. Отмечен многими наградами - лауреат премий имени Юрия Казакова, журнала «Новый мир», финалист Бунинской премии и Национальной премии «Большая книга» (дважды) и мн.др. Лауреат премии «Русский Букер» 2007 года за роман «Матисс». Среди других известных произведений – романы «Ай-Петри»(2005), «Перс» (2009), сборники прозы «Бутылка Клейна», «Пение известняка».

Александр
Иличевский

Два страха

Юрий Иванович дружит с Сергеем лет пять, и особенно они дружат в конце октября, когда оба неделю ходят в ночное на налима. Сергей младше Юрия Ивановича вдвое, живут они друг от друга на отдалении, в противоположных концах дачного поселка «Ока». Познакомились и подружились рыбаки при трагических обстоятельствах. У Сергея был кот Василич — огромный восьмикилограммовый геркулес неизвестной породы. Это был единственный в своем роде кот, так как он не был похож на кота. Великаны более похожи на пришельцев, чем на людей. Когда-то Василич прибулдился на рыбалке к Сергею. Дело было на Угре. Кот вышел на берег и сидел, поджидая, когда Сергей поймает следующую плотвицу, которую сжирал с хрустом вместе с головою. В тот день кот обрел хозяина, а Сергей обзавелся тотемом.

Сергей сам выстригал колтуны на груди и брюхе кота, благодаря чему гигант стал похож на павиана и приобрел устрашающий клочковатый вид. Дугообразные лапы придавали его походке моряцкую валкость. Широченная башка была озарена пронзительно человеческим выражением и монголоидными зенками. Василич посещал всех кошек поселка, обходя его спиралью утром по часовой стрелке, а вечером - против. Дачники уступали ему дорогу, повстречав на своем участке. И он приветствовал их, приподняв хвост, чтобы окропить угол дома или куст смородины. Многие надеялись получить от Василича потомство ему под стать. Но рождались все время обыкновенные котята.

За трагедией наблюдали жители южной стороны поселка. Лана, собака Юрия Ивановича, бесхвостая легавая, белая в каштановых подпалинах, не сумела удержать Василича в прикусе и стояла теперь перед ним окровавленная, с располосованным ухом. У Василича была прокусана в нескольких местах шкура, кровь чернела в серой шерсти. Он хрипел и шатался. Кот понимал, что смерть его на носу. Но у него еще хватило бы сил вырвать этой бешеной псине глаз.

К собаке подойти никто не решался. В таком состоянии Лана могла разорвать в один присест сотню зайцев, не только одного кота. Разлить водой не получилось — схватились животные в отдалении от заборов. Напор не добивал, шланг надо было наращивать. Ведро воды только намочило землю.

Первым оповестили Сергея. Он встал рядом со своим котом и направил на Лану садовые вилы.

Время от времени он выкрикивал:

— Чья собака?

С него лился пот градом.

Напротив встал Юрий Иванович. Он целился в Василича из двустволки.

— Только попробуй, — сказал он заикаясь.

Наконец шланг дотянулся, струя ударила и заметалась, и мокрый Василич успел из-под вил метнуться на сосну.

Через год после той стычки Василич пропал. Сергей — высокий, чуть сутулый, с припухлыми подглазьями человек лет тридцати пяти, — долго искал его по окрестностям: в бору, по берегу, в заброшенном совхозном яблоневом саду, на косогоре, высившимся над дачами. Косогор изрезан оползнями, там не мудрено рухнуть в трещину, заросшую травой. Сергей думал, что Василича, который часто мышковал в тех краях, могло просто засыпать. Он ползал по склону и проваливался в оползневые расселины, прислушивался. Потом ждал несколько месяцев, все думал, что кот вернется. Приезжал на дачу, ставил машину и выходил из нее с замершим сердцем, тревожно оглядывался — не бежит ли откуда Василич.

В ту осень Сергей подружился с Юрием Ивановичем, который вдруг пришел к нему помянуть кота. О пропаже — не кончине! — Василича горевал весь поселок. На следующий день Юрий Иванович впервые взял Сергея на налима.

Налим жирует осенью, когда река остынет и приблизится к точке замерзания. Юрий Иванович знал несколько налиминых троп — они шли вдоль щелочистых длинных мелей безымянного притока Оки, близ устья которого располагался поселок. Наловив с утра живцов-пескарей, Юрий Иванович уже в потемках появлялся у крыльца Сергея с собакой, держа в руках бидон, удочки и снасти. Они спускались к реке, разводили костер, рассаживали живца по крючкам и тщательно веером закидывали на тропы донки. Садись к огню, чтобы разогреть тушенку, выпить по стопке, хрустнуть антоновкой. Отсвет огня лизал речную гладь. К полночи начинало клевать. К двум часам клев спадал и, окоченев без движения от ледящей свежести реки, рыбаки жалась к кострищу, подкладывали ветки, ворошили шапку золы. Налима потрошили на ощупь и нарубали его в котелок навесу. Слышно было, как тихо-тихо хрустит невидимый ледок, застывая у берега и тут же крошась.

У Ланы вся морда седая, больше нет в ней той неутомимости, с какой она преследовала зайцев и лис, когда могла так увязаться за добычей, что возвращалась из леса через несколько дней, в которые Юрий Иванович объезжал на своей «Ниве» окрестные деревни — от Барятино до Похвиснево, расспрашивая о своей собаке. Юрий Иванович тоже сдал, год болел и следующей осенью из скуластого, с кровавым румянцем, крепкого мужика превратился в неловкого старика. Стопку он половинил, чтобы не расплескать в дрожащей руке. Сергей привязывал ему крючки и ставил бубенцы на донки.

Сергей по профессии наладчик геологоразведочного оборудования, часто мотается по стране. Его походы с Юрием Ивановичем за налимом стали ритуалом. После смерти Василича неженатый Сергей летом почти не бывал на даче. Василич, которого подкармливали соседи, предпочитал вольницу дачной жизни каменному мешку «хрущобы» близ метро «Пролетарская». Теперь первый отпуск Сергей проводил за границей, а по выходным ездить не любил, не перенося тесноты шести соток и громких соседей. Осенью, когда дачный поселок пустел и облетевшие сады этого солнечного городка, спускавшегося к Оке по известняковым отвалам старой засыпанной каменоломни, смотрелись его личной собственностью, он приезжал и выкашивал для начала заросший бурьяном участок. В конце октября начиналась налиминая охота, специально для которой Сергей припасал шведской водки.

В ту ночь речь зашла о страхе. Сергей вспомнил, как однажды летом он переплывал Оку, и на середине плеса у него свело ногу, судорога поползла к паху. Как еле справился с паникой и потом долго брел к лодочной переправе. И все-таки решился переплыть обратно самостоятельно.

— Но это мелочи по сравнению с моим самым большим страхом, — сказал Сергей.
— А вам, Юрий Иванович, давно страшно было?

— Не знаю. Давненько... — ответил старик и взял из костра головешку, чтобы прикурить папиросу. — Мне тогда девятнадцать годков только стукнуло. Об ту пору меня хотели выгнать из Каспийского высшего военно-морского училища... — в голосе старика затвердела гордость.

— Юрий Иванович, за что?

— За неподчинение старшему по званию. Назначили меня дежурным на танцевальном вечере в Доме офицеров. Замначальника училища по строевой части капитан второго ранга Кабанов в пьяном виде отдал приказ, который мною не был выполнен. Развязный кавторанг обратился ко мне на ты, отчитал несправедливо за опрокинутый кем-то фикус. Я снял повязку дежурного и швырнул ему под ноги.

— Сильно.

— Да уж, дальше некуда. Полный дурак. Курсантам военных училищ, которых отчисляли по дисциплинарной провинности, время обучения в училище не засчитывалось в срок действительной воинской службы... После отчисления мне светило три года срочной службы в Отдельном дивизионе плавсредств, который обслуживал подразделения ПВО, базировавшиеся на многочисленных островах Каспийского моря у западного побережья... Спасло меня то, что на следующий день я отбыл для прохождения учебной практики. Практику мы проходили на сторожевом корабле. Я все еще ожидал кары, когда случился знаменитый шторм 1952 года. Суда на полном ходу выдвигались на рейд пережить шторм. Они шли цепью по фарватеру, в лоб волновому фронту. На нашем корабле в клюзе заклинило якорную цепь. Якорь бился о корпус. Молодой капитан, у которого в голове пока не было ничего кроме желания выслужиться, решил, что покраску корабля следует беречь больше, чем людей. Он отрядил бактовую команду — трех матросов — высвободить цепь. Волны перекатывались через нос. Я входил в бактовую команду вместе с Ковалевым и Корниенко. Мы кинули жребий на спичках и помогли Корниенко обвязаться веревкой: с кувалдой за поясом он должен был спуститься к клюзе и выбить звено цепи. Мы были в спасательных жилетах, стена взорвавшейся волны то и дело вставала над нами. К проваливающемуся в пучину борту невозможно было подойти от страха. Корниенко перекрестился и полез. Что он нам кричал, я не слышал. Но кричал он от страха, я знаю точно. Я махнул Ковалеву: «Поднимай!». Волна, вдвое выше надводной части судна, поднялась над кораблем, обрушилась на рубку. Я видел, как взмыл Корниенко. И прежде чем потерять сознание, я увидел себя и Ковалева со стороны, летящих над палубой. Ковалева смыло. В такой шторм спасательные работы по человеку за бортом бесполезны. Корниенко подняли. Он скончался на следующий день в том же госпитале, куда поместили меня. Я слышал, как санитары переговаривались между собой: «Мешок с костями...». Против капитана команда выставила бесполезный рапорт. А меня не отчислили, но списали по контузии. С морем расстаться я не пожелал и отходил лето радистом по Каспию на транспортных судах, в том самом дивизионе плавсредств. По сути это были самоходные баржи времен штурма Энзели, переделанные в транспорт. Двигатели на них были допотопные, еще не дизельные, двухтактные, одноцилиндровые, работали на простой нефти. Часто глохли. Чтобы запустить такой движок, нужно было свечу выкрутить и раскалить ее паяльной лампой. А пока не запустишь — ты в открытом море терпишь бедствие. Потому что любое судно без хода в открытом море по определению обязано дать SOS...

Вдруг грянул бубенец. Сергей метнулся к донкам, подождал, когда дернет еще, чтобы определиться, с какой именно подсекать, и скоро приволок к костру рыбину, которую держал, продев палец под жабру.

— Добрая, добрая рыбешка, — довольно засветился Юрий Иванович. — Давай, сматывай уже потихоньку...

— Да ладно, Юрий Иванович, клев есть еще... Вы рассказывайте. Я первый раз про такие движки слышу.

— Имей в виду, дореволюционное еще изобретение. Примитивные движки внутреннего сгорания. Мы их называли «нефтянки». Но нет худа без добра. Зато я побывал на потайных островах. В древности Стенька Разин скрывался на них. Оставлял там пленников на верную смерть. Белогвардейцы потом последовали его примеру и в 1919 году высадили на один из островов пленных красноармейцев. Больше половины погибло. А кто выжил — сошел с ума. Я вырос на Каспии. Мальчишками мы мечтали пробраться на эти острова, чтобы найти клад Разина. Почти все каспийские острова вулканического происхождения, малопригодные для жизни из-за обилия выбросов сероводорода. Они населялись птицами и солдатами. Настоящие птичьи базары располагались на горячей грязи. На такой почве яйца высидывать не надо... Однажды шторм придержал нас неделю в плену на одном из островов. Над одной его половиной безостановочно кружились локаторы. На другой я встретил скорпионов и джейранов, которых сюда завезли из муганской степи в порядке эксперимента. Дальний край острова пучился грязевым вулканом, антилопы металась из стороны в сторону — прочь из-под наветренной стороны, откуда несло сероводородное удушьё. За неделю простоя вместе с зенитчиками я одиннадцать раз отсмотрел «Тарзана». Кинотеатр был устроен в землянке, потому что штормящий ветер рвал экран, как парус...

Юрий Иванович придвинул к себе котелок и кивнул на бутылку. Сергей разлил, оторвал для старика кусок лаваша, взял и себе. Выпили.

— А еще? Было вам когда-нибудь страшно так, что от страха хотелось умереть?

Юрий Иванович задумался и помрачнел. Хотел что-то сказать, но спохватился. Потом произнес:

— Сейчас. Сейчас страшно. Помирать боюсь... Вроде ясно все. Понимаю. Пожил. Чем дальше, тем хуже. А боюсь.

Губы у старика затряслись. Он хотел еще черпнуть из котелка, но передумал, бросил ложку, отвернулся.

Лана вскинулась, ткнула хозяину в плечо. Старик обрадовался, взял ее за загривок, потрепал. Собака снова положила морду на лапы и прикрыла глаза. Одно ухо ее было надорвано: единственный след, оставленный Василичем.

Сергей подложил в костер ветку.

— Мне тоже сейчас страшно. Все никак не могу от одного случая отделаться...

Юрий Иванович посмотрел на Сергея и засунул в рот кусок хлеба. Энергично пососал его, прежде чем начать жевать.

Сергей посмотрел на реку. Зеркальная темень стояла над ним, над стариком. Он включил фонарик и луч его, дробясь, размываясь кисеей тумана, далеко-далеко выхватил на мгновение пятнышко противоположного берега — склоненную иву, заросли тальника, обрыв...

— Два года назад дюжина московских журналистов, большинство иностранцы, несколько русских, спустились в бездну Сибири, — начал рассказ Сергей. — Летели три часа вертолетом от ближайшего аэропорта — в нефтяной поселок у полярного круга. Площадь Тюменской области в три раза превосходит площадь Франции. И во столько же раз плотность ее населения меньше, чем в пустыне Сахара. Ни на одной карте нельзя найти этот поселок. Секретность его наследует чрезвычайности, с которой советский строй охранял от шпионов стратегически важные объекты сырьевой добычи и «зубров» геологоразведки.

В бескрайнем том округе насчитывается пять крупных месторождений. Ландшафт здесь равнинный, тайга, спадающая в лесотундру, где гуще, где реже, с множеством озер и болот, на западе — невысокие горы. Четыре многоводных реки, извилистые, как плетенка, тысячи озер и тысячи небольших речушек густо заливают этот край не-

бом. При заходе на посадку жутковато, потому что вроде и садиться некуда: кругом простираются броски зеркальных змей, островки рыжеватых лиственниц, черных елей, очень хорошо видные под слабым низким солнцем, каждая в отдельности — стволы и льющисея руки-ветви, за ними тучные пятна опушек. Озера ледникового происхождения имеют ровную береговую линию. По круглым полным чашам бежит тень самолета.

Задача журналистов состояла в освещении работы подразделения новоявленного нефтяного гиганта, который совсем недавно раздулся из неприметной чахлой госкомпании. Будучи обморочным наследием советского прошлого, она скупила за бесценок активы бывшего конкурента — «Юкоса». Вы же знаете, что глава «Юкоса» рассорился с властями и был лишен своей компании в обмен на удобства восьми лет тюремного заключения? Руководство новоиспеченного нефтедобывающего колосса всячески старалось отвлечь журналистов от мыслей о «Юкосе». Поселили их на загородной базе отдыха на берегу реки Пякупур, шестьдесят километров до поселка по грунтовой дороге, машины на ней встречаются раз в несколько часов. В мае там еще минус два по Цельсию и полночи светло.

На базе жили и мы, трое наладчиков сложного сверхсовременного геологоразведательного оборудования, закупленного местным НГДУ, недавно разбогатевшим. Двое моих напарников, москвичей, были увлечены охотой, таскались с проводником по болотистой тайге, случалось, приносили тетеревов, глухаря, куропатку. Я же свободное время проводил на берегу реки. Полноводная излуцина длилась стальным блеском в невысоких, поросших мрачными елями берегах. Местность кругом топкая, проходимая наземным транспортом только зимой. Почва — песчаный подзол, рыхлый слой по колено, скрывающий мерзлоту. Нас возили на «Нивах», машины вязли в песчаных ловушках.

Вернувшись пораньше с месторождения, я обедал и до темноты просиживал в беседке на берегу под газовым обогревателем, кутался в плед, курил, читал, немного программировал по работе, дремал. Проснувшись, смотрел на реку и, постепенно со сна обретая чувствительность, думал о пустоши, в которую устремлено ее течение, о ледовитых берегах Карского моря, о просторе, ничем не пригодном для человеческого существования, кроме как чтобы вызвать страх величием своей бессмысленности.

Проводник моих товарищей — охотник-хант держал под навесом напротив моей беседки хозяйство: не до конца собранные нарты, тесанные кормовые весла и челнок, который он на моих глазах выдолбил из осины. Дух захватывало смотреть, как он управляет с челноком на течении, на вздыбленном, витом хребте полноводной стремнины. Когда он вытягивал лодку на берег, я видел в его прищуре искры удовольствия, вызванного собственной сноровкой. Лично сделанная и удачная вещь, наверное, становится продолжением человеческого тела, и порой человека оживляет чувство физиологической радости от расширения своего существа...

Охотник иногда лукаво подходил и заговаривал со мной на поразительно чистом языке, с завидной артикуляцией, хоть и не было у него половины передних зубов, а оставшиеся, съеденные, черно-желтыми пеньками торчали изо рта. Всякий раз, услышав его, я поражался этой ясной речи, соображая, что такой говор он мог перенять у геологов старой школы.

Звали его Николай. Я рассказал ему однажды, что делаю тут, какое оборудование привез, как нефть ищут. Он выслушал с улыбкой.

«Я тебе вот что скажу, — прищурился охотник. — Почти все тут, — он окинул воздух головой, — принадлежало моему деду. Все озера в его владениях дед звал поименно, потому что его дед тоже озера эти звал. И я зову. Жалко, отец мой пьяница был, я с дедом рос. Участок реки на восемь верст наш был. Во время нереста рыбу не лови, детенышей не убивай, лося убей, только если кушать нечего. Сам себе рыбнадзор и

охотовед. Если лось ушел на чужое угодье — не преследуй. Мой дед по тайге ходил — все те места, где потом нефть нашли, знал наперечет. Потому что они были гиблыми. Геологам рассказывал, они не верили, пока не нашли. А мне говорил: земля там таится. Ты говоришь, что поет. А дед говорил, что молчит. Когда зверь в чаще — он молчит, таится. А когда зверя в чаще нет — никто не молчит. Понимаешь?».

Потихоньку мы подружились с Николаем. Давно на дворе стоял май, но в первый день командировки я еще застал ледоход. Я занес вещи в свой номер и вышел к реке. С глухим стуком шли в сумерках льдины, скрытно звенела шуга, придонный лед, обливаясь глянцем, бурно всплывал у берега, с треском ломал тальник и утягивался обраткой на стремнину. Через несколько дней река очистилась, и над ней потянулись стаи птиц, вернувшихся после зимовки. Иногда я покидал свой наблюдательный пост и бродил по краю болота, собирая прошлогоднюю морщинистую клюкву. Или шел на озеро, брел по краю волнами колеблющихся от ветра камышей, высматривая уток. Однажды там над головой с тихим шорохом низко развернулся лебедь, вернулся и пролетел еще раз. Огромное белоснежное движение раскроило воздух: я видел строй перьев, как ветер ерошит пух на груди птицы. Другой раз черт меня дернул взять у Николая ружье и снова пойти на болото. Надеялся я просто стрелнуть пару раз, только попробовать отдачу ружья, почувствовать сход курка. Но на болоте случайно поднял на крыло тетерева и пальнул с испугу влет дробью. Птица раненая упала, но толкнулась с кочки, взмыла пушечно свечкой и рухнула замертво. Я подобрал и зашвырнул ее в озеро и больше в руки ружья не брал.

Рассказал про этот случай Николаю. Охотник ничего не ответил мне, усмехнулся и полез в карман за папиросами. В тот вечер он выпил со мной горячего вина и рассказал несколько историй, одна из них мне особенно запомнилась.

«Когда человек шел в тайгу, он обходил соседей, говорил им, когда ждать его обратно. Если к сказанному сроку не возвращался, соседи отсчитывали десять дней. Ежели и тогда он не появлялся, человека объявляли умершим». «Кто же его знает на самом деле, живой он или мертвый? А вдруг что случилось?». «Да вот так. Если кто после этого его в тайге встречал, то убивал сразу». «Почему?!». «Потому что он только с виду живой. А так он мертвый. Телом его злой дух управляет».

«А еще знаешь, как нефтяники тут рыбу ловят?». «Нет. Глушат?». «Озера, считай, до самого дна промерзают. Вся рыба в яме хоронится, в ил зарывается. Геологи бурят шурф насквозь, а после загоняют на озеро вездеход — и вся рыба фонтаном в шурф вылетает. Гребут в мешки совковой лопатой».

После того дня я затосковал, как-то обостренно почувствовал пустоту вокруг, тревожную бескрайность. Ощущение это было почти мистическим, я поспешил примитивно объяснить его зашкалившим в то же время инстинктом самосохранения. Больше я не шастал нигде в одиночку, даже к реке близко не подходил. Но вот пришел день, и безумие мое было разбавлено приездом журналистов...

— Я на Севере почти и не бывал. Прошел один раз Северный ледовитый путь. Со льдами намаюсь. Хоть и за ледоколом шел, в караване. На локатор не надейся.

— Да вы что?

— Иногда чего-нибудь такое вспомнишь и не веришь, что с тобой все было... Извини, что перебил.

— Так вот, журналисты приехали, я с большинством перезнакомился. Вполне тепло познакомился. В дикой пустоши обостряется чувство одиночества. Вдобавок к тому времени я уже проводил своих напарников в Москву, сам вскоре собираюсь последовать за ними. Однако из-за пристального внимания к журналистам нефтяного начальства я старался держаться подальше. Суета поднялась приличная. Генеральный директор компании Кропин лично приезжал в сопровождении свиты каждый день на ужин. Журналисты были удручены его вниманием, но деваться некуда.

Некоторые из них мне особенно запомнились.

Австриец Готфрид — лет пятидесяти на вид, крупный, громкоголосый, по-русски говорит, будто дрова во рту ломает, но выступает смело, главный скептик. На презентационных семинарах во время технических докладов геологов Готфрид время от времени интересуется с камчатки: «Это было до того, как вы украли «Юкос»?». Или: «Эти цифры учитывают украденные активы «Юкоса»?». Ему едва возражают, потому как создается впечатление, что такая возмутительная ересь у него образуется бессознательно, благодаря дурному знанию русского языка, мол, если бы знал русский полно, то понимал бы, что по-русски неудобно спрашивать правду.

Британец Кристофер — рослый, твердый подбородок, волосы пятерней вверх, светлые жесткие глаза. Мы с ним в тот же вечер подружились, у меня еще оставались три бутылки кьянти. На вид Кристоферу было лет тридцать пять, в России он давно, приехал по университетскому обмену из Бристоля изучать язык, два года провел в Орле и Воронеже. «В Орле я жил в центре города в квартире на первом этаже, где половицы плясали, открывая щели в руку толщиной». Кристофер наконец бросил славистику и еще крепче закрутило его по России. Работал кровельщиком в Карелии, по-русски говорил превосходно, держался несколько грубовато, но манеры имел вполне сносные, прямота и бескомпромиссность подкупали. Сейчас он работал на немецкое агентство, радовался любой возможности прокатиться в глубинку, с удовольствием говорил, что в июне полетит на Сахалин освещать начало эксплуатации нового газового месторождения.

Еще мне запомнилась француженка Элен, милая и бессмысленная, равнодушная к нефтяным и политическим вопросам. Она все время старалась перевести разговор на тему суровых условий нефтедобычи, выспрашивала у нефтяников истории о том, как они оказались в таких дебрях. Как они чувствуют себя здесь зимой почти в арктических условиях, как одеваются, каким кремом мажут лицо от мороза, как вообще буровое оборудование способно работать при таких низких температурах. Какие ощущения посещают, когда забираешься на заиндевевшую, покрытую кристаллами льда сверкающую вышку и смотришь окрест на бескрайнюю постылую тайгу. Выспросила она и меня... Еще я заметил Белоусова, русского парня, молодого, но рано облысевшего, умного и технически грамотного, пишущего для норвежского журнала. Неразговорчивый Белоусов сидел смирно в беседке и тихонько умно прислушивался к нашему с Кристофером разговору. Немного рассказывал и сам, очень интересно.

Обиталище наше было небольшой усадьбой гостиничного типа, с сауной и бассейном на первом этаже. Кругом шел забор метра за два высотой. На въезде автоматические ворота управлялись охраной из сторожки, выход к реке был свободен, но забор вдавался под урез воды на несколько шагов. Ломти слежавшегося снега белели на том берегу под чахлыми елями. Журналистов возили на буровые автобусом с эскортом из четырех тонированных джипов. Я на свой участок добирался с попутной вахтой, чей «пазик» останавливался в восемь утра перед воротами.

Время от времени я наблюдал из своей беседки семинары, которые Кропин устраивал журналистам после возвращения с месторождения. Он вывешивал на заборе плакаты с графиками планов добычи, с пестрыми, черно-желто-красными картами залегающих нефтеносных пластов, просил не фотографировать и после минут сорок водил указкой, поправлял очки, входил в лекторский раж. Коренастый, лет пятидесяти, с прямыми черными волосами, все время что-то нутряным образом передумывавший про себя, все время обращавшийся к каким-то деталям, которые вращались туго в его мыслительном организме. Невнимательный к свите, чутко стоявшей за его спиной, он имел своего рода тик: поводил короткой своей шеей, будто выправляя кадык из тесного, а на самом деле давно расстегнутого ворота рубашки, узел галстука был распущен вольно. За его спиной стремилась серая морщинистая от ветра река, бурый, еще не очнувшийся зеленью газон стелился к берегу мимо банной избушки. Шеренга

стилизованных фонарных столбов, какие можно видеть на иллюстрациях к «Невскому проспекту», тянулась вдоль дорожки, по которой никто никогда не ходил.

Настало время прощального ужина. Столы покрыли деликатесами, икрой, наладили строганину, полетела она вслед за рюмками, не успела растаять. Кропин, который раньше все время был важный и сдержанный, распустил подпругу, разговорился, стал артистично рассказывать анекдоты, шутить, рассказывать о себе, где учился, как попал в компанию, которую сейчас возглавляет, говорил, что мама у него армянка и что день рождения у него 1 июля. Журналисты размякли, и зашумел разговор.

— А вообще, мне нравятся командировки, — говорил мне горячо Белоусов. — Я только недавно начал так далеко летать. Вот только в вертолете поначалу очень страшно. Мне никогда не бывает страшно летать на самолетах, а по первому разу из вертолета хотелось выпрыгнуть на ходу. Сильная тряска и страшный грохот, без берушей — оглохнуть, или наушники с музыкой погромче воткнуть. Когда я летел первый раз, вошел в салон, увидел двойные кресла вдоль каждого борта, а у одного из бортов ряд укороченный, только две пары кресел. И там сразу за спинками последней пары, впритык — огромный бак с топливом: весь полет сидишь спиной к бомбе! Но так грохочет и трясет, разговаривать невозможно, вниз смотреть бесполезно — три часа тайги, жуть простора: болота, речки, деревья или вода кругом. А в салоне тепло, и все потихоньку засыпают...

Кропин предложил всем по очереди произнести какой-нибудь тост, суровый Готфрид поднял бокал и произнес: «В России чем суровее климат, тем шире сердца». А два-три журналиста один за другим сказали, что ждали увидеть здесь мало думающих советских функционеров, но ожидания их не оправдались, и они теперь знают, как много здесь на краю земли приятных и образованных людей.

На что Кропин, вдохновленный комплиментами, вдруг неожиданно сказал, что у него есть еще и хобби, причем он относится к нему необычайно серьезно. Состоит же его увлечение в изучении роли Иосифа Сталина в мировой истории. Он считает, что вклад этого государственного деятеля в развитие цивилизации бесценен.

Я сидел рядом с Кристофером и посматривал в сторону Элен и еще одной журналистки, напомнившей мне Сикстинскую мадонну. Кропин предложил им обеим сесть подле него, но девушки сделали вид, что не слышат.

После признания Кропина в любви к Сталину всех охватила немота.

— А что вы удивляетесь? Мы почти ничего не знаем о Сталине, — воскликнул Кропин. — Оттепель и перестройка, эти либеральные припадки российской власти, энергия которых была направлена на переворот, на смену элит — извратили или отвлекли историков от полноценного исследования роли Сталина как во Второй мировой войне, так и в не имеющем аналогов экономическом развитии нашей великой страны. Сталин был мудрый политик. Исторический масштаб его личности сопоставим с масштабом Цезаря. Значение его не просто преуменьшено, оно уничтожено, и это я считаю преступлением против цивилизации.

Белоусов, намазывавший кусок хлеба маслом, положил нож на край тарелки. Он выпрямил спину и тихо спросил:

— А вы Шаламова читали?

— Да что Шаламов? Шаламов, Солженицын — беллетристика. Им ведь надо было написать покрасивее, поскладней, пострашней. Дай им история волю, они и не так смогли бы. У них не было цели серьезно изучить вопрос. Хрущев очернил Сталина на XX съезде только затем, чтобы этот обличительный пафос использовать во внутривластной борьбе, ему нужно было топливо для запуска механизма уничтожения своих противников...

Готфрид загремел с того конца стола:

— Хрущев на XX съезде много правды рассказал про Сталина. Но мир до сих пор

ждет, чтобы Россия публично признала гибель миллионов людей во время репрессий.

— Жертвы? — Кропин стал почти злым. — Не вам, немцам, про жертвы говорить. Вы сначала разберитесь со своим фашизмом и его жертвами.

— Я австриец. Германия и Австрия публично осудили фашизм. А ваша власть осудила Сталина на закрытом съезде, публичного осуждения сталинизма не было, покаяния не было, — Готфрид неожиданно обрел речь. Негодование выправило его грамматику. — И сейчас ваше правительство апеллирует к сталинской идеологии, оправдывая так репрессивность по отношению к либеральным ценностям. И ваша компания напрямую нажилась на этих репрессиях. Ваш бизнес — мародерство!

Заместитель Кропина попытался его успокоить:

— Эдуард Юрьевич, давайте о нефти лучше. Посмотрите, — девушки испугались.

— В самом деле, что это мы все о политике, — Кропин понял, что далеко зашел и пошел на попятную. — Разве нету больше тем? Давайте лучше выпьем... У меня есть тост. Давайте выпьем за погоду. Англичане любят говорить о погоде, а вот интересно, пьют ли они за погоду? — сказал Кропин и обратился Кристоферу.

Пасмурность накрыла стол. У меня напряглись мышцы, быстрее мозга сообразившие, что пора отряхнуть прах с ног. Но тут Кристофер, который все это время смотрел в свой бокал, громко сказал:

— Я не то что пить с вами... Я избавлю себя от чести быть вашим гостем.

Холл, где мы сидели, был мрачный, с зеркалами и золотым тиснением на стенах и потолке, работа провинциального дизайнера, потравившего барскому дурновкусию в духе истлевших и съеденных молью дворцовых интерьеров. Стол был загроможден грубым сумбурным пиршеством. Элен вскинулась и предложила выпить за повара, который «приготовил всю эту красоту».

Белоусов, видимо, знавший Кристофера больше остальных, подсел к нему и стал спокойно внушать:

— Старик, плюнь. Не обращай внимания. Он не достоин твоего презрения. Он идиот. Не траться.

Кристофер молчал, и ясно было, что за этим молчанием последует. Я нагнулся к нему:

— Кристофер, понимаешь, мне с детства бабушка говорила, что Сталин убийца. Во время коллективизации, в голод 1933 года на Ставрополье у нее погибла вся семья — муж, мать, двое детей, сама спаслась чудом, лебеду ела. Но в нашей стране такой народ: он себя не помнит. Русским всегда жилось страшно, а организм страх отвергает, не пускает в память. Так что народ не виноват, он слабый. Конечно, самовоспроизводящаяся ненависть — большое горе, но что поделаешь? Кропин — это тот же народ. Он ненавидит себя за свой страх. И поэтому конструирует в себе устройство, которое бы избавило его от страдательного залога, превратило бы его из претерпевающего страх — в структуру, организм, который этот страх оправдывает и порождает.

Кристофер молча слушал, все так же уставившись в край стола. На нас тревожно смотрела журналистка Кристина, похожая на Мадонну. Я решил, что Кристофер меня понимает.

— Кристофер, не заводись. Сталинистов у нас гораздо больше, чем ты думал. Понимаешь, мы здесь не в гостях у Кропина. Отстранись, пойми, он просто директор компании, так ли уж важно, какие у него политические взгляды. Представь себе, что он только управляющий этой гостиницы.

Я видел, как вытянулись его тонкие ноздри, губы натянулись и разлепились:

— Fuck off.

Я решил, что не слишком заслужил такого, и ушел в свою комнату. Не раздеваясь,

упал на кровать, затем достал из клапана рюкзака «нз» — фляжку Jack Daniels — и встал к окну. Времени было около часа ночи. Прямоугольный раструб прожектора под моим окном на втором этаже разгонял еще проходимые сумерки. По газону перебежками — то быстро-быстро, то замирая, рыская, пробирался пепельный холмик ежа. Прошло время, и я услышал шум во дворе. Из-за угла показался Кристофер с сумкой через плечо. Он широко шагал к воротам. Ему наперерез бежали два жестикулирующих охранника, прижимавших рации к подбородкам. Ворота базы начали закрываться, и Кристофер без запинки свернул к забору, едва не наступил на ежа, перебросил сумку и следом за ней перешвырнул свое тело. Охранники бросились к джипам, открыли ворота, выехали на дорогу. Кропин вышел за ними, посмотрел им вслед. Скоро охранники вернулись. Кропин отправил их искать снова и сел на крыльцо сторожки. Охранники снова вернулись. Кропин махнул рукой, и двое отправились пешком. Остальные уехали в другую сторону, противоположную от поселка, в сторону месторождений. В коридоре я слышал голоса. Девушки переговаривались вполголоса, слов не было слышно, тревожность владела интонациями и паузами.

Кропин встал со ступенек. Кто-то пробежал по коридору. И тут меня пробило. Я взял рюкзак, натянул свитер, куртку, застегнулся, поднял раму. Подождал, когда Кропин снова вышел за ворота, встал, глядя вдоль дороги... Видимо, достигнув к тому времени реки, еж полз вдоль забора в обратную сторону. Ткнулся мне в кроссовки. Я перемахнул через забор. В лесу было темней; послышался хруст веток: показались силуэты охранников вдоль дороги. Я резче взял к реке... Вода светла. Огонек сигареты отепляет, окрашивает лицо. На горке мха под деревом сидит Кристофер. Я слышу и вижу, как плещется жидкость, рушась в запрокинутое стеклянное горло. И плещется снова, когда, переворачивая, бутылку отнимают от губ. Оглушительно кричит птица. Кристофер поправляет под поясницей сумку, затылком прижимается к стволу. Затягивается и, выпуская дым, вполголоса хрипит: «Oh, don't ask why — Oh, don't ask why — Show me the way — To the next whiskey bar». У Кристофера нет музыкального слуха. Оставаясь незамеченным, прокрадываюсь позади, светлая полоса подзола хранит молчание под подошвой. «Oh, moon of Alabama — We now must say goodbye».

Всю ночь я шел, и свет я шел, чтоб не замерзнуть, а как пригрело, отелилось солнышко — лег на мху и шарф навязал по глазам. Реку я давно потерял, шел буреломом, еле спасся из болота, кружил раза три, старался идти за солнцем, миновал два пожара или одно, но зайдя с другого края, снова вышел на реку, и по ней повернул обратно.

Мне так казалось, что повернул. В полдень ясно стало, что это не та река — уже и с каменистыми перекатами; видимо, приток. Вторую ночь я тоже провел в лесу, но у костра. И следующий день протянулся у реки, я боялся отдаляться от нее и решил меню, состоявшее из орешков, сухофруктов и карамелек (трофей авиапассажира), разбавить рыбой: вырезал острогу, рогатку заточил, как карандаш, но ни одной рыбешки из множества, стоявших в каменистых лабиринтах у самого берега — с серо-зеленой горбатой спиной и грязно-померанцевыми плавниками — пробить мне не удалось. Быстроты руки не хватало, рыбы становились прозрачными, стоило только дрогнуть кончику остроги. Чтобы сделать лук, нужна была тетива, и я подумывал уже вырезать полоску ткани из одежды.

Не полностью залитые пухлые островки черничников, моховые полянки, лес, погружавшийся прозрачно в воду, солнце, преломлявшееся в воде, освещавшее каждую веточку, каждый листик, — все это скрашивало мои плутания. В тот день я зачем-то перешел речку вброд: просто увидел вал переката, решил прошупать, пошел по камушкам, провалился, потащило, выкарабкался, но уже по ту сторону ямы, не решился повернуть обратно. Еле-еле просушился и шел потом до сумерек, пока вдруг река полноводно не разлилась, приняв в себя неожиданный приток и через километр разделившись на два ледяных рукава, отбросив от обжитой, точней, обхоженной стороны. На том берегу начинались озера, берега топкие, зыбкие — ступишь и

закачаешься. То река переливалась в них, то озера в реку, берег был съеден размытыми. Я повернул обратно, но уже началось половодье, вода поднималась на глазах и равнинная лесистая местность стремительно заливалась водой. Кровь из носу мне надо было попасть на другой, высокий берег. Вода шла отовсюду, будто проступала из самой земли, охватывала все вокруг, гнала меня, как зайца по кочкам. Понять, где лежит окончательная сушь, где слышен запах суши, — было нельзя, я вслушивался в звуки, запахи, пытаясь уловить дух земли. Воздух был свежий, солнечный — тревога скрашивалась весной: щебетали птицы, ссорились, пели. Вдруг я увидел зайца. Он совсем не испугался, потому что и так был затравлен приступом воды. Сидел и оглядывался. Наконец шуганулся и плюхнулся в лужу, поскакал, поднимая солнечные брызги — длинно выбрасывая сильные лапы, против болтавшихся вперед ушей. Я кинулся за зайцем, надеясь, что он выведет на высокое место. Я посматривал на часы, соображая, сколько хватит сил. Ноги были вымочены, заяц, хоть и выглядел поначалу перепуганным больше, чем я, таким нескладным шерстяным кузнечиком, оказался живучим, сильным — и пропал окончательно.

Фотографировал я все реже, потому что все трудней было поднимать фотоаппарат, думать о снимке. Но когда я совсем падал духом — я искал кадр. Когда я разобрал потом снимки — почти все они были залиты отражениями. Тайги — деревьев, кочек, мха — на них не было, но были их отражения, и отражения моей фигуры. Единственный прямой кадр: невиданный почти оранжевый древесный гриб размером с лошадиную голову, царивший на березе. Чтобы найти его отражение, мне пришлось бы долго идти по колено в воде... Надо было срочно выбираться на сухое место, разводить костер. Орехи-сухофрукты были на исходе, и я решил заголодать. Наконец, выбрался на островок — небольшой пригорок с тремя чахлыми соснами на вершине, рассып валунов. Потихоньку, экономя силы, забрался повыше, обнимая прохладный внизу, но выше — теплевший от солнца, пахучий ствол. Смола помогала карабкаться, иногда благодаря только ей, удерживая в объятьях гладкую древесную телесность, прижимаясь щекой к шелухе, просвеченной солнцем, — я забрался туда, где начинала чувствоваться качка, гибкость ствола: оторвал взгляд от коры, посмотрел окрест — и внутри у меня захолонуло. Всюду, куда только хватало глаз, стоял ровный разлив воды: тайга до горизонта, сам горизонт — все было полно блеска.

Если бы не весна, я бы вряд ли спасся. Погибают люди больше от паники, от судорог. Мне жаль было двинуть копыта посреди такой красоты — леса, залитого небом, погруженного в призрачно изумрудные облака проклюнувшихся почек. Прах зелени и жизни, становясь потихоньку все явственней, заселялся птицами, обезумевшими от свадеб... Пинь-пинь-пинь, тиви-тиви-тиви, чивиринь-чивиринь-чивиль-чивиль — раздавалось отовсюду. Грех было пропасть задарма.

Спускаясь с сосны, я заметил вдалеке руины каких-то конструкций. К концу дня вышел к заброшенной скважине. Посреди развороченной колеи лежала шкура лося, задубелая от морозца, прихватившего воздух хрусталем. Череп лося выглядывал из огромной лужи, вокруг глазниц ползали, перелетали мошки. Остатки пребывания бурового отряда, остова вышки, облитой нефтью, черный от мазута монтажный состав высился предо мной. Я еле отодрал от помоста две доски, отлежался и после прыгал на них, переламывая, упал и лежал еще долго. Шатаясь, стоя по колено в воде, надрал бересты, развел костерок. Пламя лизало замащенное железо, я отупело хотел, чтобы вышка запламенела, составив собой сигнальный костер. Прокалил валявшуюся банку из-под солидола и вскипятил талой воды. Когда пил, понял, что умираю от жажды. Вскипятил еще, согрелся. Осмотрел ползком буровую: скважина была забита комьями бетона, масляные пятна ползли по воде вокруг. В стороне, в ямке нашел немного тяжелой отстоявшейся нефти: собрал, слил.

Днем раза два слышал хлопающий, секущий звук вертолета. Погуше пробовал развести костер, но без толку: дым тянулся по земле и не думал подниматься к верхушкам деревьев. Ночью нефть пригодилась для розжига. Утром вышел на колею, которая то

и дело пропадала в воде, брел по ней, надеясь, что выведет на езженный зимник. Но километра через два дорога обогнула болото и скрылась в разливе. Я постоял, глядя, как долго уходят колеи под воду, темнеют, пропадают под уклон. Я вернулся к вышке и прежде чем потерять счет дням, взял пробу, смочил ватку, упаковал «письмо в бутылке». Мне все время было холодно, штормовая экипировка держала тепло на пределе.

Однажды в проблеске сознания я нашел себя ползающим вокруг скважины, вынюхивая нефть. Я припадал к доскам, к железу, пропитанному нефтью, вдыхал острый ее запах, пытался им согреться; снова полз и окунал руку в лужу с нефтью, вымазывал себе лицо. Я оказался на краю безумия. Как те ваши красноармейцы на безлюдных каспийских островах... И только одну мысль помню, одну единственную. Помню, что ясно понял: запах нефти, запах недр есть запах не только цивилизации, но и дикий запах забвения. Запах того времени, когда некому было сознать Творение, когда по сути не было и времени, ибо некому было видеть... Вот это сопоставление плыло через мое существо, пока я смотрел в слабине на верхушки деревьев, на небо жидкое, на стволы и кроны, на промышленную рухлядь среди тайги, на череп лося с остатками мохнатой кожи... Я подносил измазанные в мазуте руки к лицу, вдыхал и успокаивался, снова укладываясь калачиком на лежанке из лапника, накладывая обстоятельно на себя колючие веточки, которые, казалось, были тяжелей моей руки. Я спал, спал, спал, но потом и на сон уже сил не было. Пару раз я встрепенулся идти спасаться, но кругом была вода, она совсем давно уж тихо все залила, и скважина издали, должно быть, выглядела, как булавка, воткнутая в зеркало. В какой-то момент я видел ясно себя со стороны. Скрюченный человек в оранжевом пуховике лежал посреди зеленого островка, а вокруг над ним кипели птицы. Затем куда-то птицы подевались, не было их сутки, потом снова появились, стали орать, но почему-то я оглох, и внутри ничего не трогалось от их щебета. Иногда ветки с оглушительным плеском падали в воду. Две-три веточки за сутки. Вдруг появился комар — и я обрадовался ему, такому огромному, такому громовому. Комар сел на запястье, и я видел, как крошками слюды дрожат крылышки, как рубиново полнится его брюшко, вспыхивает изнутри, если поднести его к солнцу, шутившемуся меж верхушек деревьев...

Наконец смерклось. Сквозь вечность несколько раз я приходил в сознание и сразу нащупывал на груди фотоаппарат, который давил на грудь скалой, я сваливал его, чтобы продышаться, но потом снова наваливал обратно, будто этот кусок ледяного стекла был моим сердцем... Помню, кто-то ходил вокруг, шлепал по воде, пробегал, останавливался. Я разлепил глаза и увидел собаку. Страшную, грязную, кривоногую собаку. И только тогда сообразил, что передо мной росомаха, когда она косолапо приблизилась к помосту и потянула воздух от меня. Я шелкнул зажигалкой, хвоя затрещала. Росомаха передумала и потрусилась, пошлепала по воде. Вдруг обратилась к лосиному черепу, понюхала, приноровилась куснуть — потянула зубами за край, но бросила, тронула дальше. Я загасил «одеяло», чуть согревшись. Засыпая, я знал, что она вернется. И засыпал со спокойной мыслью, что росомаха теперь сильнее меня...

Другой раз предо мной появилась моя бабушка. Она протягивала мне чашку с компотом и кусок булки. Я упрямо говорил ей, что не хочу, не буду, и она повернулась и пошла потихоньку, прибрала с собой еду. Потом во сне я скучал по бабушке. Она очень меня любила, и я знал лучше ее самой, потому что она много рассказывала о своей жизни. А я все запоминал и переживал, потихоньку ее жизнь стала моей. Часто я сам напоминал бабушке истории, случавшиеся с ней, про которые она уже давно забыла. И вот тогда, лежа среди тайги, я вспомнил почему-то случай про то, как она была со старшим братом на сенокосе. Дело было в степи, на Ставрополье. Брат зачем-то поехал на дальний хутор, а ее оставил на стогу сена. Пока его не было, вокруг стога собрались волки. Бабушке было лет восемь, она сидела и плакала от страха. Но уже затемно приехал брат на телеге, лошадь боялась шибко, но, шелкая кнутом, кое-как отогнал волков. Он сказал: хорошо, что много накосили за день. Если бы стог был невысоким, волки бы его разрыли.

И снова я провалился, и увидел теперь Василича, рвущего в клочки росомаху.

Последний раз я открыл глаза от страха. Мне показалось, что вместо меня здесь лежит ребенок, чужой ребенок. Не знаю, что повергло меня в смятение, но я вскочил на колени, задыхаясь и снова валясь на доски от бессилья. Кое-как придя в чувства, я заметил, что сосна, которая росла ближе других деревьев, стала толще. Человек из-за нее целился из ружья. Он шевельнулся и масляно блеснула внутренность ноздрей двустволки. Я снова лег, но глаза не закрыл, пошли кружиться вверху деревья. Я смотрел в небо и соображал, что лес стемнел, что вода сошла и деревья теперь стоят на земле. Николай отпоил меня, привел людей, меня забрали. До трассы оказалось недалеко, километра три.

— А когда было страшней всего? — спросил Юрий Иванович. — Когда на дерево залез?

— Страшней всего стало потом, в Москве, когда очнулся в больнице, когда появились силы бояться. Яркое утро, открытое окно, сосед по палате курит на подоконнике. Смотрю, сверху спускается жук, крутится... Нет, не жук — спичечный коробок на ниточке. Парнишка вкладывает, зажимает коробком сигарету. Я тоже попросил у него закурить, и только на второй затяжке я начал слышать, дышать: лето, парковые дорожки, пакет фруктового кефира, первая сытость...

— А что тот англичанин? Его тоже нашли? — спросил Юрий Иванович.

— Осенью я повстречался с Белоусовым. Случайно. В офисе компании, где я работаю, проходил какой-то брифинг, и в холле я его встретил. Мы присели в буфете, коротко переговорили. Я умолчал о своих злключениях. О них вообще никто так и не узнал тогда: Кропин распорядился не поднимать тревоги, все скрыть. И мне это было на руку не меньше, чем ему. На пятый день моего отсутствия к Кропину пришел Николай и сказал, что вода спала, что теперь он пойдет за мной на другой берег. Из слов Белоусова я понял, что исчезновение мое журналисты не заметили. Охрана всю ночь с фонарями шарила по лесу, ездила по дороге, пытаясь перехватить Кристофера на пути к поселку. Журналисты толком не спали, выходили время от времени из своих комнат, чтобы узнать новости. Кристофера нашли около семи утра уже совершенно пьяным. «Мы, — рассказывал Белоусов, — зеленые после бессонной ночи, встретились за завтраком. Молча жевали, подошел Кристофер, спросил парня из Bloomberg: — «Sleery»? Тот кивнул, на этом разговор закончился. Потом нас повезли показывать какую-то районную больницу, которую построил Кропин. Доктора, наряженные специально для журналистов в накрахмаленные халаты, пытались нас водить по палатам, мы походили немножко, потом часть отпросилась в туалет, потом еще одна, и мы вышли на улицу, под дождь, ждать, когда закончится экскурсия для парочки самых стойких. Часа через два мы уже должны были вылетать. В аэропорту советники Кропина нас собрали и сказали, что не стоит писать об инциденте с Кристофером. Намекнули, что у людей, которые об этом напишут, могут быть потом проблемы с аккредитацией...».

— Николаю я купил в Москве снегоход «Буран» и запчасти к нему — и послал железной дорогой.

Сергей встал от костра и скрылся в речной тьме, откуда зазвенел бубенцами, смаывая удочки.

В этом году городской поэтический конкурс «Первое слово» прошел в Барнауле уже в четвертый раз, его организаторы, как и прежде, – редакция детско-юношеской газеты «Сами» и отдел по работе с одаренными детьми городского психолого-педагогического центра. В четвертый раз издан сборник со стихами участников конкурса. Для кого-то из начинающих поэтов публикация в нем – это первая встреча с читателем. Но у конкурса есть уже и постоянные авторы. Четыре книжки, на обложках которых размашисто значится «Первое слово», дают возможность проследить их творческую судьбу, становление поэтического таланта.

Первые слова

Традиционным стало участие в конкурсе литературных студий города. Из года в год ярко заявляют о себе воспитанники Фариды Габдрауповой, с которыми она занимается в двух учебных заведениях: в барнаульской гимназии № 85 и в Алтайском краевом дворце творчества детей и молодежи. Владение техникой стихосложения, грамотное использование выразительных средств уверенно демонстрируют и студийцы Ольги Гришко-Юровской из 40-й и 42-й гимназий. Достоинно в этом году представлена и студия Надежды Митягиной, обосновавшаяся в гимназии № 45. Целый «выводок» начинающих дарований привела на конкурс учитель школы № 76 Ольга Муратова.

За четыре года традицией (и, возможно, самой ценной) стало и то, что творчество юных поэтов оценивают их старшие коллеги, профессиональные литераторы, причем принадлежащие к разным школам, разным поколениям, придерживающиеся разных эстетических принципов. В этом году в жюри конкурса работали член правления Союза писателей России Галина Колесникова, заведующий отделом публицистики журнала «Алтай» Юрий Козлов, редактор журнала «Барнаул литературный» Михаил Гундарин. Что интересно, при обсуждении произведений юных авторов у этих, столь не похожих в своем творчестве друг на друга литераторов практически не было разногласий: их оценки во многом совпали. Видимо, потому что истинное творчество по-настоящему истинно!

Ну, а что касается уровня победителей – достаточно сказать, что в нынешнем году одновременно с победой в этом конкурсе Виталий Пастухов стал лауреатом, а Алексей Багуцкий – дипломантом Пушкинской премии. Поэтому их стихи читайте в этом же номере журнала, но уже в более престижном пушкинском разделе.

Анна Грешных,
7 лет, гимназия № 42

ГРУСТНЫЙ ПОПУГАЙ

*Попугайчик, попугай,
Что сидишь ты в клетке?
Ты со мною поиграй,
Вот тебе конфетка.
Попугайчик, что молчишь,
Что со мной не говоришь,*

*Что ты песен не поешь
И конфетку не берешь?
Милый, милый Кеша,
Как ты неутешен!
Хочешь, дверцу я открою,
Порезвишься на просторе?
Ну, а он одно твердит:
«Попугай зря не сидит».*

Мне потом сказали:
«Кешу наказали:
На столе в муке купался,
В клетке вот и оказался».

Веселый поезд

Быстро мчится поезд.
Кто же едет в нем?
Кто же едет в поезде
Под дождем?
Умные мартышки,
Что читают книжки,
Милые овечки,
Что живут за речкой,
Даже дятел-дровосек,
Рядом жук — его сосед...
Едет в поезде весь лес.
Даже волк зубастый влез!

Надежда Благова,
10 лет, гимназия № 45

Пришла осенняя пора,
и падают с деревьев листья.
Смотрю куда-то вглубь двора,
в моих руках альбом и кисти.
Где дымчатый туманный сон
и утренник в рябинной крошке,
рисую теплый желтый клен
и золоченые дорожки.

Полос — холодно и жутко,
льды, снега в воде белеют.
Там живет бяляк-мишутка,
вдруг ребенок заболит?
Я пошлю ему пальтишко,
теплый шарф и валенки,
чтоб носил веселый мишка,
потому что маленький!

Татьяна Варенникова,
15 лет, гимназия № 85

Слышишь, как дождик
шепчет на крыше,
Шурша черепицей?
Как ветер играет мелодии

На проводах?
Слышишь, как колеса трамвая
стучат

В такт дождю?
Как журчит ручеек под окном,
От суеты убегая?
Слышишь, как гром
заставляет дрожать

Монолитные стены домов?
Как деревья нежно
шепчут колыбельную,

Их успокаивая?
Слышишь, как весь шум города
Сливается в единый мотив, наполняя
Душу чем-то светлым?
Как сердце бьется быстрее в груди
От этой мелодии?..

Ты не слышишь?
Не чувствуешь?
Не понимаешь???

Ты такой же, как они...

ЧЕРДАК

Через дырочки в крыше
сочится звезда,
В ней пылинки летят,
как заблудшие души.
На листе со стихами много дождя
И осколок небес —
помутневшая лужа.

Догорает в ладони заката свеча.
Аромат старины — зов столетий.
Здесь в гостях у души
пепел и пустота,
И в стенах заблудившийся ветер.

Солнце бьется о крышу,
стекает в окно
И ложится в тетрадку стихами.
Этот дом для души,
этот дом для стихов —
Лишь чердак с золотыми лучами...

Алексей Махалов,
11 лет, гимназия № 85

НЕДЕЛЯ

*Понедельник — белый лист.
Новый день. Начало. Жизнь.
Вторник — очень напряженный,
Понедельником рожденный.
И среда, как середина,
Всей недели пуповина.
Есть четверг —
Надежный, чистый,
Как вершина нашей жизни.
Запятая-пятница
Колесом прокатится.
А суббота, ах, суббота -
Целый день кипит работа.
Воскресенье.
Напрягись.
Завтра —
Понедельник. Жизнь.*

*Было алым, стало серым.
Был костер — теперь зола.
Быстро бабка постарела.
Постарела — умерла.*

*Перед смертью отложила
На комод вязание.
Улыбнулась, отвернулась:
— «Что ж, мол, — до свидания.*

*Как не станет старой бабки,
Шибко не горюйте.
Не целуйте лоб холодный,
Вы живых целуйте».*

*В дом огромный прихожу
Как всегда без дела.
Шаль ее не нахожу,
Кресло опустело.*

*И щекочет что-то нос,
В горле тесно стало...
Помню ясно, как всерьез
Всем «До встреч» сказала.*

Никита Радцев,
13 лет, гимназия №42

*Все спешат, машины катятся...
Остановишься порой,
Видишь — солнце в желтом платъице
У тебя над головой.*

*Улыбнешься, залюбуешься,
А когда минует день,
Фонари зажгут на улице,
И твоя возникнет тень.*

*Соблюдая расстояние,
Друг от друга вдалеке
Фонари свое сияние
Разливают налегке.*

*Сколько света ночью роздано!
Будто ты — средь бела дня.
Лишь один я неопознанный,
Раз не видишь ты меня.*

Александр Энделин
18 лет, выпускник гимназии № 85

ОДИН ИЗ ВАС

*По краю небоскреба,
На лезвии судьбы,
Словно ножом под ребра -
Память былой борьбы.*

*По краю небоскреба.
Завязаны глаза.
С походкой своей бодрой,
С улыбкой в небеса.*

*Он без вести пропавший,
На лезвии судьбы.
Один среди искавших,
Прошедший путь слезы.*

*Своим позором гордый,
Речами рубит слух,
Опять ножом под ребра
Наш будоражит дух.*

Столп стоимостью 5359 рублей ассигнациями

Демидовский столп – неотъемлемая часть исторического центра Барнаула на протяжении более чем сотни лет. Однако при всей своей легендарности и неповторимости памятник имеет аналоги в других городах, а они все вместе – общий прообраз. Да и выглядел памятник в XIX веке не совсем так, как сегодня.

Сто лет назад в петербургской типографии Российского морского ведомства вышла в свет книга «Памятники и монументы, сооруженные в ознаменование достопамятнейших русских событий и в честь замечательных лиц». Составителем ее был морской офицер в отставке, коллежский секретарь А.Я. Долгов. Работая над книгой, он рассылал по российским городам просьбы «слать сведения о наружном виде, по чьему проекту поставлены, из какого материала, из коих сумм и во что обошлась постройка, есть ли украшения и надписи и прислать рисунок вида памятника».

В фонде рукописей Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Петербурге хранится ответ барнаульского городничего на запрос Долгова: «...существующий в Барнауле памятник столетия заводов начат в 1825 г. и окончен постройкою в 1839 г. на счет экономических заводских сумм в 5359 руб. ассигнациями. Эта постройка начата с разрешения бывшего господина Управляющего Кабинетом 18 июня 1825 г. Сооружен он из светло-серого гранита, найденного и добываемого в округе Кольвано-Воскресенских заводов (ныне Алтайских) с надписями на 2 бронзовых досках, отлитых в Сузунском заводе (до-

ставляли гранит более чем за 300 км по рекам Чарыш и Обь. – Прим. ред.)). Первая - «Основаны в 1725 г. Демидовым, вступили в собственность императрицы Елизаветы в 1745 г.». Вторая - «Столецию Кольвано-Воскресенских заводов, совершившемуся в 1825 г.». Какой же имеет вид этот памятник, имею честь при сем приложить рисунок. 30 декабря 1860 г.».

Таким образом, описание Демидовского столпа попало в общероссийский свод со следующей надписью: «В Барнауле в 1825 г. воздвигнут по случаю празднования столетия с начала разработки тамошних рудников».

По аналогии с уральскими обелисками на постаменте был укреплен овальный барельеф с профилем А.Н. Демидова. По овалу вокруг портрета шла надпись: «Действительный статский советник Акинфий Никитович Демидов». Барельеф отлит на Гурьевском заводе в 1840-х годах (сейчас он хранится в Алтайском краеведческом музее).

А теперь об аналогах и прообразе. В первой половине XIX века подобные памятники были воздвигнуты в нескольких городах России, например, в Херсоне в честь англичанина Джона Говарда, в Нижнем Новгороде в память о Минине и Пожарском.

У этих обелисков есть общий прообраз - памятник в честь Румянцевских побед, установленный в конце XVIII века в Санкт-Петербурге на берегу Невы, недалеко от академии художеств. И все же барнаульский обелиск уникален. Особенность его в том, что все такие памятники в европейской части России посвящены военным победам и походам, а Демидовский столп – труду.

Универсальная лиственница

В горном городе Барнауле лиственницу использовали в строительстве не только домов...

Многие полагают, что у системы канализации и водопровода нет ничего общего, поскольку они разительно отличаются по своему предназначению. Тем не менее, эти системы очень схожи и взаимосвязаны между собой, поскольку любой приток воды требует его отвода.

В 1968 году на площади Свободы «Барнаульский водоканал» прокладывал ливневую канализацию. Во время раскопа была обнаружена старая канализация, выполненная из лиственницы. находка мешала прохождению новых коммуникаций, поэтому водовод было решено разрушить. Однако «ветеран подземных коммуникаций» оказался настолько крепким, что сломать его оказалось под силу только гидромолоту, который специально привезли для этих работ. Кстати, оставшаяся часть древней коммуникации лежит в этом месте до сих пор, направление и протяженность ее неизвестна.

Кем же были проложены старые трубы, найденные коммунальщиками, и для каких целей?

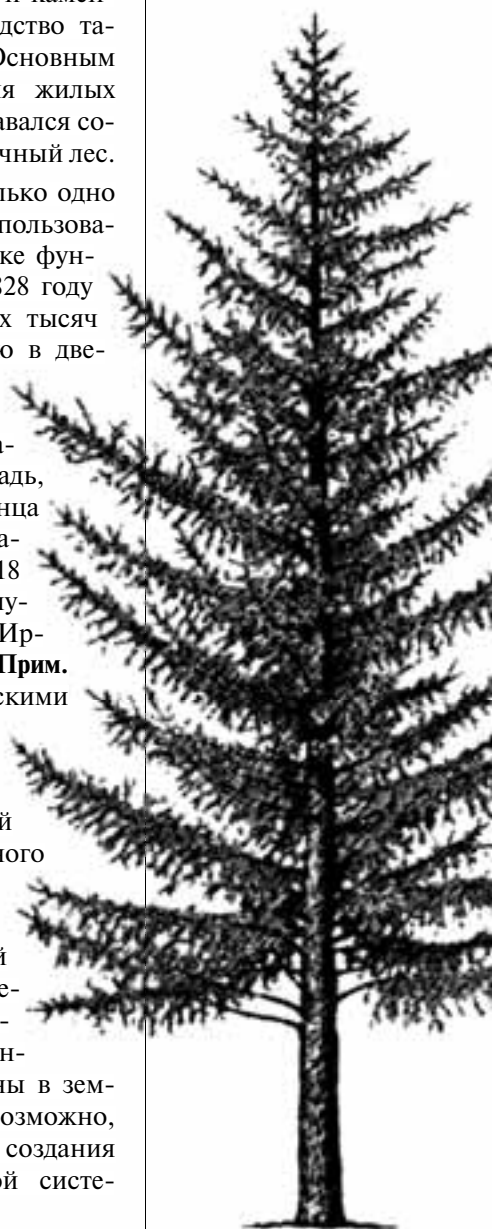
По официальным данным, в Барнауле водопровод начали строить лишь в 1913 году, используя для этих целей ценные импортные материалы и оборудование. В январе 1916 года уже было построено здание насосной станции и железобетонные резервуары, проложены первые линии чугунного водопровода от водокачки до горбольницы.

Известно, что древесина лиственницы прочная, упругая, устойчивая к гниению. Благодаря этому древесина ее раньше использовалась в подводных сооружениях, изготовлении канализационных труб, судостроении. В Барнауле, несмотря на

Указ Кабинета от 21 августа 1759 года «вводить в обычай ввиду сбережения лесов, нужных для казенных производств, чтобы горные служители и частные обыватели строили дома мазанковые, а достаточные люди кирпичные и каменные», «охотников на производство таких построек не оказалось». Основным строительным материалом для жилых домов города по-прежнему оставался сосновый, пихтовый и лиственничный лес.

В истории Барнаула есть только одно упоминание о масштабном использовании лиственницы. При закладке фундамента горного училища в 1828 году было использовано более двух тысяч лиственничных бревен длиной в две-три сажени. Местом для строительства комплекса будущей Демидовской площади была назначена Конюшенная площадь, расположенная у северного конца заводской плотины на левом заболоченном берегу пруда. В 1818 году она представляла собою пустырь, ограниченный с севера Иркутской улицей (ул. Пушкина. — Прим. ред.), с запада и востока - заводскими постройками (конюшня, старый деревянный госпиталь и др.), на юге - небольшим бульваром и гранитной невысокой стеной, шедшей вдоль обводного канала.

Таким образом, расстояние между коммунальной находкой и местом масштабного применения лиственницы очень незначительно. Выходит, что деревянные трубы могли быть уложены в землю примерно в 1830-х годах, возможно, это даже была первая попытка создания водопроводно-канализационной системы горного города Барнаула.

Тектонический разлом Барнаула

Сергей Мансков

У каждого города свой символ. Университетский Томск считает своей визиткой классицистический анфас первого вуза Сибири. В соседнем Новокузнецке лицом города является старейшая Кузнецкая крепость. Даже молодой по нашим меркам купеческий Новосибирск обзавелся собственным символом — оперным театром. Вот и получается, что каждый город-сосед выбирает себе в приоритеты науку, крепкие стены и культуру. В Барнауле же полуофициальным брендом стал шедевр архитектора Ф.К. Додица, находящийся по адресу: Ленина, 82, и известный в народе как гастроном «Под шпилем». Его изображение давно соперничает с официальным городским гербом. В энциклопедии «Барнаул» читаем: «Самый большой продовольственный магазин города открыт в 1955 году». Хорошо помню темные повороты магазина, куда в конце семидесятых ходил с родителями покупать детское лакомство — творожную массу с изюмом. Прямые темные углы поворотов и витрины-холодильники хорошо «прописались» в детском сознании. О взрослых приоритетах замечательно написал Александр Хижняк в своей, уже ставшей народной, песне 1978 года:

*Если не бывали, значит, не видали.
Значит, не слышали, значит,
не гуляли.
Если не бывали, значит, вы не пили,
Значит, не любили
гастроном «Под шпилем».*

Действительно, магазин под шпилем был единственным местом в городе, где водка продавалась до 23 часов. На гастроном указывала жирная стрелка, нарисованная на угловом доме с двойным адресом: Строителей, 2, и Ленина, 87. И страждущие шли именно сюда. Ис-

кусствовед Т.М. Степанская на одном массовом мероприятии сетовала на то, что символом города является винно-водочный магазин, работающий допоздна. Не зря первые изображения этого народного символа появились на этикетках самого популярного в те времена пива.

Возьму на себя смелость не согласиться. Этот помпезный дом сталинских времен со знаменами и штандартами на барельефе — первая и мощнейшая попытка изменить судьбу города. И ограничивать эту судьбу только пьяной радостью гуляющего по Ленинскому проспекту обывателя недальновидно.

Барнаул возникает как регулярный город, во многом повторяя судьбу культурной столицы на Неве. Дело даже не в знаменитом и любимом уголке Петербурга с Демидовским столпом в центре, а скорее в природе города. Есть две модели, которые давно закрепились в культурологии: город на горе и город на болоте. Первый начинается с храмов, имеет кольцевую природу и физиологически удобен для проживания. Второй — начинается с низины, которая, как правило, заболочена и имеет четкую регулярную геометрию, где прямые углы очень неудобны для комфортного проживания. Демидовский завод и первые площади, улицы Барнаула XVIII века имели именно такую природу. Болотистую территорию вдоль Барнаулки засыпали шлаком, архитектурный план во многом напоминал военное поселение. Город расправлял плечи, увеличивалось число жителей, горные инженеры превратили его в культурную столицу Сибири, но правильная геометрия застройки не менялась. Первая попытка изменить квадраты города и дать ему новую кольцевую природу осуществилась уже в советское время. Если мы посмотрим на карту города, то увидим, что

площадь Октября разделена наполовину Ленинским проспектом. Та часть, которая уходит к вокзалу, продолжает существовать в регулярности прямых углов, а улицы Советская, Калинина, 1 Мая, 1905 года имеют кольцевую природу и лучиками отходят от доминанты площади - магазина под шпилем. Сама площадь превращается в солнце. А наш герой, если верить электронной карте, тоже имеет закругление к улице Советской.

Дом, увенчанный шпилем, - тектонический разлом, место, куда примыкают разные геологические плиты. Здесь, на углу Ленина и Советской, два спуска в подземный переход, и жизнь сразу делится на верхние и нижние миры. По этому строению проходит граница Октябрьского и Железнодорожного районов города, наконец, квадрат архитектуры прошлого соединяется с окружностями будущего. И на все это спокойно взирает самое высокое строение площади, имеющее тайную преемственность с Барнаулом XIX века. Эта преемственность обнаруживается в наверхии шпиля. Четыре стороны света очень похожи на купеческие флюгеры на многочисленных башенках, сохранившихся и канувших в Лету в майском пожаре 1917 года, торговых домов, построенных в позапрошлом веке.

Этим домом завершается ансамбль площади, которая начинается с момента возникновения Алтайского края в 1937 году. Культ личности изменил перспективы дома на Ленина, 82. В едином архитектурном ансамбле он задумывался как первая барнаульская высотка советского времени, но сталинский послевоенный указ о том, что гражданские здания не должны возвышаться над административными, заменил этажи монументальным шпилем. Хотя потенции остались. Даже в барнаульской поэзии сочетание «магазин под шпилем» вписано исключительно в глагольные рифмы, с их семантикой движения:

*Заскочу в гастроном «Под шпилем»,
в парк Меланжевый загляну.
Помнишь,
как мы с тобой любили
слушать вечером тишину.
(Татьяна Чернавина).*

*Тебя никогда не увижу, но дело не в том,
Неужто мы в поисках
выгод сердечность забыли?
Хочешь, Наташ,
я тебе подарю гастроном
Всеми любимый, который
под шпилем?
(Константин Погодин).*

Сам дом под шпилем давно имеет литературную энергетику. Это пространство барнаульских патриархов Льва Квина и Марка Юдалевича, последний и сегодня пишет в кабинете с видом на Ленинский проспект. Другое поколение алтайских писателей имеет свои истории об этом «намоленном месте». Анатолий Кирилин рассказывал о своем батюшке, который в весьма преклонном возрасте, проучил зарвавшегося хама так, что тот пролетел через весь коридор магазина под шпилем. В одном из романов Владимира Токмакова есть диалог двух литераторов в кафе, окна которого выходят на наш гастроном (прообразом его, вероятно, стало кафе «Лири» в бывшем ДК меланжевого комбината).

Окна дома выходят на любимый многими барнаульцами книжный магазин. Был он и «Пятым», и «Пенатами», теперь стал «Лас-Книгасом». Изменилось имя — изменилась и суть...

Меняется имя и нашего героя. В разговоре молодых теперь редко услышишь: «Встретимся под шпилем». Чаше: «Пересечемся у «Патэрсона».

1 июня ушел из жизни Андрей Вознесенский – человек, много сделавший не только для читателей (что самое главное), но и для современной литературы, и для литераторов – в том числе и барнаульских. Его единственный визит в наш город 20 с лишним лет назад помнится многим как знаковое событие... Мы предлагаем вспомнить и Вознесенского, и его приезд в Барнаул, и еще раз перечитать «барнаульские строки» супергероя русской словесности XX века.

Человек эпохи

Андрей
Вознесенский

Барнаульская булла

I

15 марта меня выбрали
в Папы российского авангарда.

Почему в Барнауле? А то б пырнули.

Мои буколики

Вызывают колики.

Благословляю черные квадраты

Госагропромавангарда!

Белые квадраты,

разорванные над Гималаями,

Благословляю.

Благословляю театр Абсурда

От Марса и досюда.

Благословляю кота-отказника

Есть наши заказы к празднику.

Моя паства

Съела всю зубную пасту.

Моих избирателей

из Барнаула и Бурятии

не пустил в гостиницу

сторожевой пост.

Наступил Великий пост.

Поставангардизм...

Постсталинизм.

Колокол, по ком?

Благословляю великий хвост

За треугольным молоком.

Дырбулицл!

Д-р Булшит.

Народ прошел тайный кубизм
Избирательных кабин.

Выборы, выборы!

Пол-обкомов выбили.

Девушка, вы – Барнаул?

Это выборы на ул.

Барнаул! Караул!

Где кассет порнобаул?!

Бл. Августин

у нас бы не загрузил.

II

На каждом кирпиче вцарапаны имена,

Полусъеденные грибок

И заиндевелым ворсом.

Колокол, по ком?

Каин, где брат твой Авель?

Где Вацлав Гавел?

Сказанное вчера по Голосу,

а нынче госсоловьями –

Благословляю.

Не возите в воронках

Барнаульский авангард.

Достоевский здесь стал эпилептиком,

- нет на Рихтера билетика?

Арьергард? Бабьягад?

Аввакум? Афонград?

Огонек? Молодогвард?

Дух по форме – авангард,

Как свидетельствует граф

Фарида
Габдраупова

Для каждого и на все времена

Смерть большого поэта — во все времена знаковое событие. Крупная творческая личность собирает и выражает не только личностные смыслы, но и дух времени, в котором живет. Андрей Вознесенский — глыба, голос, страстно и лирично звучащий последние полвека в русской культуре. В романтические 1960-е он был одним из «святой троицы» представителей молодой поэзии: Вознесенский — Рождественский — Евтушенко. И единственный, носивший родную, отцовскую фамилию с православной этимологией. (Рождественский — фамилия отчима, Евтушенко — матери поэта). Рано познавший международную славу и легендарные гонения со стороны временных правителей (цари меняются, поэт остается!), Андрей Андреевич был, пожалуй, ближе всего к многомиллионным читателям. Евтушенко до сих пор для этого слишком элитарен, Рождественский обрел славу поэта-гражданина. А Вознесенскому удалось схватить и воплотить то самое «для всех», для каждого и на все времена. Потому что он был настоящий лирик. Не это ли чувственное и всегда молодое объединяет всех шестидесятников? И какая разница — при коммунизме или теперь «плачет девочка в автомате», или разорвется на миллион алых роз художник, который «актрису любил», или кто-то кого-то никогда не увидит, и никогда не забудет! Архитектор по образованию, он строил здание своей поэзии, заложив в него фундамент чувства, неуловимого, но самого прочного для любого вида искусства.

Когда-то в 1980-е Андрей Андреевич приезжал и к нам на творческую встречу. Сложно представить сегодня поэта, который бы за оплаченный билет собрал человек восемьсот в провинциальном городе. И это при рекламе, которая в народе называется «сарафанное радио». Сегодня, пожалуй, и бесплатно, и при обширной рекламе столько б не пришло. Он был настоящим кумиром нашего поколения. Сутуловатый, белесый, сценически неэффектный, в неизменном шейном платке, но горделивый, ясно осознающий свою высокую миссию. И мы, слушавшие и видевшие его, понимали, что перед нами живой классик, продолжатель лучших традиций русской поэзии и наш современник!

Сегодня много говорят о знаковой дате его смерти. Действительно, Вознесенский умер через 50 лет после смерти своего учителя Бориса Пастернака (именно ему еще подростком Андрей отослал свои стихи и получил от мэтра путевку в большую поэзию). Но мне бы хотелось обратить внимание на точную дату смерти Вознесенского (Пастернак умер 30 мая 1960 года) — 1 июня 2010 года. День защиты детей тоже имеет прямое к нему отношение. Ведь настоящий поэт и открыт, и беззащитен, и бескорыстен, как сама поэзия.

В нашу эпоху, испорченную коммерцией, надо защищать — поэта, искусство, культуру как ценность, не способную иметь рыночную стоимость. Любящий родитель содержит своих детей, чтобы впоследствии гордиться ими, как Россия гордится своей многовековой культурой.

Фото из архива
Ю. Масалова.

Папа четвертого Рима

Вячеслав Десятов,
Александр Куляпин

Впервые стихотворение «Барнаульская булла» было опубликовано в книге Вознесенского «Аксиома самоиска» (М., 1990.).

Основные элементы «барнаульского мифа» по Вознесенскому таковы: дикость, агрессивность («а то б пырнули»), святость («Афонград?»), аграрность (центр сельскохозяйственного края: «АГРА-ГРАД»; булла / булка), соотношенность с фольклорным «тридевятым царством», на пороге которого сказочный герой встречается с Бабой-ягой («Бабьягад?»), и с рериховскими Гималаями («В вас проступают Гималаи», «к вам Рерих / шел по струящемуся плато»). Вознесенский ничего не говорит о самом знаменитом барнаульце Ползунове, но зато апеллирует к мало известному широкой публике эпизоду биографии Достоевского: «Достоевский здесь стал эпилептиком».

Буллами называются послания римских пап. Начинается стихотворение следующим сообщением:

*15 марта
меня выбрали в Папы российского
авангарда.*

Папой русского авангарда Вознесенского назвал один из молодых барнаульских поэтов, а тема «выборов» диктуется логикой буллы, в которой «перестроечные», политические мотивы играют центральную роль. Заканчивается же стихотворение пророчеством:

*По предчувствиям моим,
Барнаул — четвертый Рим.
Аминь.
Пятому не бывать.*

Автор, конечно, обыгрывает известную формулу «Москва — третий Рим, а четвертому не бывать». Но расположение нового варианта этой формулы в конце стихотворного текста побуждает читателя сопоставить «Барнаульскую буллу» с произведением великого рус-

ского философа и поэта Владимира Соловьева «Панмонголизм» (1894) — стихотворением, в котором упоминается Алтай и в финале которого обыгрывается тот же самый афоризм: И третий Рим лежит во прахе, а уж четвертому не быть.

Барнаул действительно изображается Вознесенским как некий центр панмонголизма («Гималаи», «мои избиратели / из Барнаула и Бурятии», «Ира корейанка», «летят не сани, / а японские «Нисаны» и т.п.). К идее панмонголизма Владимир Соловьев обращался и в «Трех разговорах...», самая известная часть которых, безусловно, — «Краткая повесть об Антихристе». «Барнаульская булла», как и произведение Соловьева, задает эсхатологическую перспективу:

*Белуха — существо,
прикидывающееся вершиной, под ней
свершится
заключительный бой
между Светом и Тьмой.*

Эсхатология Вознесенского параллельна христианскому апокалиптизму, согласно которому последний бой между Светом и Тьмой произойдет «в месте, называемом по-еврейски Армагеддон» (Откр., 16, 16). Православная «Библейская энциклопедия» подразумевает под Армагеддоном (что означает «вершина Мегиддо») «город при подножии горы Кармил» (Библейская энциклопедия. М., 1891. С. 60).

Стихотворение Вознесенского насыщено деталями и приметами советской еще жизни конца 1980-х годов. Без комментариев современному читателю что-то будет уже непонятно, а что-то — просто неинтересно. Но одно несомненно: в «барнаульском тексте» и «барнаульском мифе» визит Вознесенского и его «булла» оставили заметный след.

Ирина Рак
(фото из архива
Н. Николенковой)

Вознесенский в Барнауле

«Тишины, хочу тишины...»

Вознесенский был частью поколения шестидесятников, выросших в атмосфере хрущевской культурной «оттепели». Его звезда взошла на поэтический небосклон вместе с Евгением Евтушенко, Робертом Рождественским, Беллой Ахмадулиной. Андрей Вознесенский оставил после себя огромное количество сборников, поэм. Слова, написанные поэтом на музыку Алексея Рыбникова для рок-оперы «Юнона» и «Авось», популярны до сих пор, а его стихи «Миллион алых роз», спетые Аллой Пугачевой, помогли певице достичь огромной славы. Его стихи продолжают звучать со сцены в различных театральных постановках.

«Он был одним из тех мощных поэтов, которых принято называть шестидесятниками, ворвавшимися в российскую словесность и общественную жизнь после мороза сталинского времени, - заявил сразу после смерти поэта бывший министр культуры, а теперь спецпредставитель президента по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой. - Андрей Андреевич был одним из самых ярких представителей этого поколения, которое ощущало русскую традицию во всем ее объеме - от Пушкина до Бурлюка».

Папа российского авангарда в Барнауле

В марте 1989 года по приглашению Фонда молодежной инициативы Барнаула известный российский поэт приезжал на Алтай. Для местной творческой братии это было настоящее событие. Он пробыл в Барнауле два дня, с его участием прошло два поэтических вечера. Поэт съездил в Сростки, записал сюжет для телевидения, встретился с писателями. Позднее в книге «Аксиома самоиска» Вознесенский написал о поездке на Алтай следующие строки:

«...Четыре часа лету. И вот 14 марта я в Барнауле. На бережку ледяной Катунь под деревней, когда-то родившей Шукшина, муж и жена в резиновых сапогах по колено в быстрой воде полоскали горячее белье. Желтые целлофановые мешки с бельем дымилась. В дыму, как айсберг Аллы Пугачевой, полыхали алые, полоскаемые трикотажные платы. На берегу их ждал синий «москвич». С клубной афиши глядела «Маленькая Вера». Водолаз с лошастью набирал воду в алюминиевые бидоны. Дал жестяную кружку напиток. Вода была ледяная, но абсолютно чистая – наверное, единственное место в стране, где можно пить не кипятя? Может быть, микробы убивает высокое присутствие Гималаев.

Тот же локальный цвет и чистота света присутствовали в разговорах и стихах молодой барнаульской студии «ЭРА» — Эпицентр Российского Авангарда. Они ворвались на поэтическую сцену и шутейно провозгласили меня Папой российского авангарда. Я не обиделся. Даже благословил их. Еще Петр провозглашал папу шутов. Рослый их лидер в белом пиджаке и очках «Джеймс Бонд» прочитал блестящую строку о балконах. Другой их вождь, похожий на Бальмонта, А. Брехов, читал свое «Верую!».

Глуховато-спокойно читает Н. Николенкова, статная суриковская боярышня с котиковой стрижкой, будто отросшей после бритвы на-

голо: «Замкнутые системы, Бродим по Барнаулу, не совпадая, но рядом». Их голоса я слышал в бескрайней кубической минуте немолчания...».

Встреча известного поэта с барнаульцами проходила в ДК моторщиков при полном зале. Вознесенский читал стихи, общался с залом. На этом вечере были поэтесса Виолетта Метелица, поэт и исполнитель Александр Брехов, поэтесса Наталья Николенкова, журналист Сергей Тепляков, поэтесса и автор сказок Ирина Цхай, поэт и журналист Владимир Токмаков.

Пока известный поэт читал стихи со сцены, барнаульский скульптор Александр Маркин лепил его портрет, - рассказала Наталья Николенкова. «Саша Маркин стоял за кулисами, причем в таком стилизованном балахоне из холстины, и лепил с натуры голову Вознесенского. Не знаю, к сожалению, судьбу этого скульптурного портрета», - добавила она.

«На второй день пребывания Вознесенского организаторы решили устроить неформальную встречу с поэтом где-нибудь на нейтральной территории, - вспоминает журналист и писатель Владимир Токмаков. - Сначала хотели на квартире, но в итоге удалось вытребовать ключи от комнаты Алтайского отделения Союза писателей».

«Кормили Андрея Андреевича брусникой, поили чаем, - рассказывает о встрече Николенкова. - Он сидел полусонный, я была рядом с ним и в какой-то момент спросила его простодушно: «А вы на самом деле слушаете?». Он как-то так встрепенулся».

Молодые барнаульские авторы остались очень впечатленными после общения с известным поэтом. «Андрей Андреевич всем одинаково доброжелательно кивал головой, тактично зевал в кулак, улыбался направо и налево, потом собрал все наши рукописи, обещал все это прочитать и где-нибудь пристроить, - говорит Владимир Токмаков. - А мы, естественно, после такой славной встречи расходились домой далеко за полночь счастливые и окрыленные».

Вознесенский и Толстой

После этой встречи Вознесенского повезли на улицу Льва Толстого показывать арку, которая во время массовых арестов в тридцатые годы использовалась как тюремная камера, - рассказал в прошлом году в интервью журналу «Автограф» известный алтайский журналист Юрий Масалов. Поэта впечатлила эта арка, и он упомянул о ней в своем стихотворении «Барнаульская булла», которое написал после поездки на Алтай. «Он описал арку на улице Льва Толстого, у него были какие-то ассоциации с 1937 годом», - отметила поэтесса Наталья Николенкова.

«Там Ира-корейнка мелькала как палочка Караяна» - это про Иру Цхай. «Дев обидчик задвигал балконы, как коробки спичек» - это про Токмакова», - расшифровывает строки буллы Вознесенского барнаульская поэтесса.

По словам Масалова, в откровенно умозрительных и заданно формализованных стихах буллы есть фотографическая точность, фиксирующая представление поэта о месте и времени. «Барнаульская булла» заканчивается видеомой в виде арки.

Поэт Андрей Вознесенский был похоронен 4 июня на Новодевичьем кладбище в Москве рядом со своими родителями.

Юбилейная годовщина Победы в Великой Отечественной войне была заявлена в качестве приоритетной темы сезона двумя драматическими театрами Барнаула – собственно Краевой драмой и Молодежным театром. По поводу этих постановок много было сказано возвышенных и даже пронзительных слов, оба театра всеми силами постарались привлечь к ним общественное внимание.

Наталья
Юмашева

Тотальное прощание

Прощание со славянкой

О готовящейся в Молодежном театре премьере знал едва ли не весь Барнаул: когда петербургский режиссер Дмитрий Егоров начал работу над спектаклем по роману Виктора Астафьева «Прокляты и убиты», театр объявил акцию «Единым фронтом», о которой неоднократно писали и говорили местные СМИ. Постановочная группа обратилась к жителям с просьбой приносить вещи, в первую очередь – одежду военной поры, для того, чтобы общими усилиями, единым фронтом воссоздать на сцене правду жизни, насколько это только возможно. Барнаульцы живо откликнулись, и потому выпуск спектакля ждали с нетерпением, предвкушая, как безжалостная правда астафьевской прозы укрепит бытовую

правдой деталей, ощущая свою причастность к этому подкреплению.

И, наконец, премьера.

...На полутемной сцене силуэт трубача. Он, то и дело ошибаясь в нотах, словно на ощупь подбирает «Прощание славянки» - марш, который в сознании, наверное, любого жителя страны ассоциируется с горечью расставаний и потерь. Марш дал название спектаклю. Дмитрий Егоров для своей постановки сделал инсценировку первой части романа Виктора Астафьева, выбрав для сценического воплощения только историю тыловой подготовки резервных частей во время Великой Отечественной. Совсем молодые парнишки прибывают в часть, так же неуверенно и робко, как играет трубач в прологе, втягиваются в военную жизнь, которая обрушивается на них тяготы еще задолго до отправки на фронт. Голод и холод: паек предельно скуден, форма чрезвычайно драная, оставшаяся после погибших: кому-то досталась гимнастерка с отодранными рукавами, кому-то шинель с распоротой сверху донизу спиной... Видимо, приношения зрителей как раз и пошли на изготовление этих живописных лохмотьев. Самым же страшным испытанием становится проверка Родиной своих будущих защитников на верность, по мнению отцов-командиров, не все ее выдерживают. Кульминацией первого акта становится расправа над братьями Снегиревыми. Парнишки, измученные голодом, отправились за продуктами в самоволку в родное село, находящееся

неподалеку от расположения части. За это их в воспитательных целях расстреливают на глазах у сослуживцев.

Музыка, заявленная уже в названии, играет в спектакле особую роль. Погибающие в ходе действия герои в следующих сценах выходят на сцену с музыкальными инструментами, словно бы незримо присутствуя в солдатском строю, и сопровождают унылыми, протяжными звуками происходящее. Песок, медленно высыпаемый ими из раструбов духовых инструментов, течет на сцену шуршащей струйкой, и почему-то именно эта тонкая струйка вдруг заставляет почувствовать необратимость, непоправимость того, что еще один герой уже не здесь, не с нами. Уходя один за другим из жизни, герои постепенно составляют духовой оркестр, который в финале заполняет собой всю сцену и исполняет марш, звучащий, по мысли постановщика, уже из-за роковой черты.

Атмосфера трагизма создается не только символическими образами — в спектакле есть очень достойные актерские работы, исполнители главных ролей заставляют зрителей искренне проникнуться эмоциями их героев. Суровый и даже грубый младший лейтенант Щусь (Анатолий Кошкарев) оказывается слаб и беспомощен, пытаясь понять, зачем же государство так последовательно и неотвратимо уничтожает своих защитников, он темно и обреченно тяжелеет на наших глазах не столько от водки, сколько от этого мучительного непонимания. Старшина Шпатор в исполнении Валерия Лагутина, хлопотливый, заботливый, стремящийся хоть как-то облегчить нестерпимый солдатский быт, неумело и коряво пробует креститься, вспоминая, как же творится крест, ибо ни в чем ином опоры найти не представляется возможным. Есть хорошие работы и у молодых актеров — в спектакле занят актерский курс академии культуры, художественным руководителем которого является Валерий Золотухин. Трогательен в своем наивном максимализме солдат Васконян (Алексей Межов), просто и обыденно совершающий на наших глазах подвиг, отказавшись уехать с матерью, добившейся для него избавления от передовой. Даже небольшие, почти эпизодические роли

сыграны так, что персонажи остаются в памяти: старший лейтенант Пшениный в исполнении Виктора Захарова предстает не просто бездушным зверем — за его образом встает трагическая судьба, объясняющая происхождение слепой, безудержной ярости.

Называя свой спектакль «Прощание славянки», режиссер акцентирует не только тему музыки, но и женскую тему. Все второе действие проходит в совхозе (туда часть послана на хлебозаготовки) и всерьез диссонирует с первым. Диссонирует, начиная с первой сцены, где солдаты моются в бане. Тут-то и появляются «славянки», решенные в совершенно опереточном духе: они то в пестрых ситцевых платьях и высоких уродливых валенках, то в ватниках в стиле пэчворк. Зачуввав такое количество молодой мужской плоти, прекрасные селянки теснятся у щелей, виснут на заборе, нетерпеливо суча ножками. Впрочем, и тут есть повод для благодарности режиссеру: неожиданность таких сюжетных ходов заставляет сразу же по возвращении домой после спектакля (а идет он четыре часа, и возвращение получается чрезвычайно поздним) заглянуть в текст романа, если его нет в домашней библиотеке — скачать из Интернета, чтобы проверить: а так ли у Астафьева. Выясняется, что подглядывающие девушки в романе есть, но несколько в иных обстоятельствах. Руководство совхоза, стремясь как можно больше радости доставить солдатам, прибывшим спасать урожай, затевает в клубе танцы, куда велено прийти всем местным девушкам. Однако спасителям пришлось их дожидаться очень долго. Решив, наконец, выяснить, в чем же дело, один из них выходит на улицу и обнаруживает, что девчата давно уже в нерешительности стоят под дверью клуба, стесняясь туда войти и лишь робко заглядывая. Согласитесь, некоторая разница есть. Впрочем, тема стеснения и нерешительности находит-таки свое отражение, и как раз в сцене танцев: одна из девушек так робеет и тушует от предстоящей встречи с противоположным полом, что, когда эта встреча в центре клуба все же происходит, смутившись и, видимо, стремясь избежать всего, чего только можно избежать, так заряжает потенциальному кавалеру между ног, что тот долго корчится

посередине сцены, согнувшись пополам. Так что понимание этого явления автором спектакля тоже несколько иное, нежели у автора романа.

Вообще, надо сказать, изыяны инсценировки, выполненной Дмитрием Егоровым, обращают на себя внимание довольно часто. Когда режиссер чувствовал свою беспомощность в качестве драматурга, он пытался выйти из положения теми средствами, которыми владеет в силу профессии, но режиссура не всегда выручает. И в ткани спектакля нередко возникают не очень для нее органичные пластические этюды, призванные лаконично передать тот или иной сюжетный ход. По воле инсценировщика речь героев иной раз диссонирует с их образом — начинает изобиловать длинными, сложными фразами: становится понятно, что им в уста вложен текст от автора. Но это, так сказать, технические недочеты. Гораздо большее неприятие вызывают концептуальные сдвиги.

По воле автора инсценировки все действие второго акта происходит в деревне Прошиха, откуда родом расстрелянные накануне Снегиревы. Герои романа Астафьева на самом деле попадают ненадолго в родную деревню братьев, испытывая невольный ужас еще в преддверии встречи с близкими людьми погибших товарищей. Ужас усиливается, когда становится известно, что следом за братьями прекратила свое существование вся семья Снегиревых — крепкая, благополучная прежде крестьянская семья. В спектакле же воспоминания об этом печальном событии никак не мешают взаимоотношениям однополчан парней с их односельчанами, и даже сами братья вместе с двумя другими погибшими к тому времени бойцами, словно бы незримо присутствуя на сцене и извлекая заунывные звуки из своих инструментов, совершенно не мешают веселью.

Во втором акте, как и в первом, немало интересных режиссерских находок, но все они того свойства, что правильное их назвать гэгами. Очень странно видеть, как постановщик, скрупулезно выстраивавший психологический процесс в первом акте, во втором обращается в этакое кавээнщика, планомерно разрушая созданное накануне, и его герои

совершенно в духе КВН или «Аншлага» пьют, балагурят, флиртуют. Зато в зале не смолкают хохот и аплодисменты, временами слышится свист. Молодежь принимает спектакль на ура.

Видимо, режиссер планировал-таки организовать в финале контрапункт всему этому балагану и вновь окунуть зрителя в жестокую реальность войны. После отправки части на фронт все исполнительницы женских ролей медленно и печально бредут от авансены к заднику, багровеющему лозунгом: «Женщины! Все для фронта!». Бредут так долго, что актеры-мужчины успевают переодеться из рванья в новый, с иголки камуфляж и выстроиться на сцене уже в роли духового оркестра, исполняющего титульную мелодию спектакля. И вот тут выясняется, что освоить игру на трубах и флейтах, да еще и сыграть столь большим коллективом драматическим актерам трудно. В финале, который вроде бы как должен быть торжественным и величественным, исполнители с исключительным постоянством фальшивят. Невольно возвращаешься мыслью к началу и начинаешь сомневаться: а было ли там неумелое исполнение марша художественным приемом?

Видимо, предполагая, что бравурное звучание марша не создаст трагического эффекта, режиссер создает сцену, символизирующую гибель героев: актеры открывают на сцене дощатые крышки люков, а потом по очереди с громким стуком их захлопывают, сразу же покидая подмостки. Проходящий на заднем плане парадным маршем под бой курантов персонаж в военной форме намекает на могилу неизвестного солдата и композиционно завершает тему трагической гибели. Однако вся эта кавалькада пластических этюдов оказывается не в состоянии испортить приподнятое настроение, созданное вторым актом, и зритель провожает на смерть успешных ему полюбиться героев.

Как это ни парадоксально, но приходится сожалеть, что спектакль очень популярен у молодого поколения, что оно спектаклем восхищается. Многократно услышав и от педагогов, и от журналистов о том, что Виктор Астафьев вскры-

вает безжалостную правду войны, молодые барнаульцы, которым доведется познакомиться с творчеством писателя по этому спектаклю, уйдут с него в абсолютной уверенности, что безжалостная правда, в общем-то, очень даже задорна и недурна собой.

Расставание с мальчиками

Если упустить из внимания тюзовский спектакль шанс все же оставался, то про постановку Драмтеатра к юбилею Победы не услышать было физически невозможно. О том, что к нам едет сам Виктюк, знали даже те, кто прежде (страшно сказать!) не слышал этого имени. Интригующий образ поджидаемого маэстро заполонил все СМИ региона.

Интрига вокруг имени Романа Виктюка с самого начала была какой-то ироничной: название, выбранное режиссером для постановки, — «До свидания, мальчики!» — породило несметное количество остроумных (и не очень) предположений о том, какой перелом символизирует сию постановку в судьбе создателя «Служанок».

Следом за виртуальным появился и Виктюк реальный. И тут же город облетела весть: репетиции у мэтра открытые! На них устремились все, начиная от педагогов и студентов театрального отделения академии искусств и культуры, для которых процесс представлял профессиональный интерес, и заканчивая театрами, имеющими о театре весьма смутное представление.

Впрочем, шоу было недолгим: маэстро вскоре уехал, посчитав своим делом лишь раскрыть да потом отутюжить в финале. Работу по сшиванию и подгонке мастер доверил ученикам: в промежутке между двумя визитами Виктюка в Барнаул репетиционным процессом занималась Виктория Михеева, которая в программке названа режиссером, тогда как функция Романа Григорьевича обозначена как режиссер-постановщик.

И вот премьера накануне Дня Победы, главные зрители — ветераны Великой Отечественной. Они увидели сцену с ободранными кулисами, всю машинерию и прочие «внутренности», лишь отчасти прикрытые чем-то полиэтиленоподобным, располосованным на полотнища. Раздел постановщик и молодых актеров — студентов академии искусств и культуры, исполняющих роли тех самых мальчиков, прощание с которыми заявлено в названии спектакля и повести Бориса Балтера. Впрочем, стриптиз-шоу не случилось: мальчики продемонстрировали вполне атлетичные торсы на фоне морского прибоя, спроецированного на полиэтиленоподобный задник, так что обнаженность заявила только лишь тему пляжа, а не того, чего ждали от Виктюка. Однако не случилось и лиричного спектакля, который можно было бы ждать, исходя из фабулы произведения: трое друзей в курортной Евпатории заканчивают школу и собираются по комсомольскому призыву отправиться в военное училище, а пока проводят последнее беззаботное лето на берегу моря. Но еще не знают о том, что завтра их ждет война.

На авансцене маятся Эдуард Тимошенко, играющий единственного из троих, кто дожил до зрелого возраста. Он рассказывает о том безоблачном времени, уже зная, как трагично оно оборвалось. Наверное, его грустное, взрослое знание

должно было контрастировать с безмятежностью не ведающих о завтрашней беде пацанов. Но почему-то герои, разделенные десятилетиями и опытом, одинаково пафосны. Одинаков их пафос и на всем протяжении спектакля: как в самом начале они появляются механистично торжественные, синхронно раздвигая полиэтиленовые полотнища, словно бы материализуясь из памяти рассказчика, так и в финале они остаются симметрично патетичными.

Возможно, контраст могла бы создать музыка: Шнитке, иллюстрирующий маяту персонажа Тимошенко, сменяется «Утомленным солнцем» в сопровождении черно-белых киношных волн на заднике. Но музыкальное оформление представляет собой такую пеструю кучу малу, что разобраться, что там с чем должно контрастировать, невозможно в принципе: Окуджава, Лещенко, Вертинский, «Марш авиаторов», уже упомянутые Альфред Шнитке и Ежи Петербургский... И, наконец, уже совершенно кавээновский ход: красная трибуна с золотым профилем Сталина на ней выдвигается на передний план под первые аккорды пятой симфонии Баха — те самые аккорды, которые известны как стук судьбы в дверь даже тем, кто и понятия не имеет, что эта симфония — пятая, и что это вообще симфония Баха. Кстати сказать, как привет Дrame от ТЮЗа посреди всей этой какофонии возникает «Прощание славянки».

Поскольку думать в этот момент больше все равно не о чем, марш рождает мысли о спектакле Егорова и заставляет вдруг подумать о нем лучше, чем накануне: там странно расставлены акценты, причудливо изогнута идея, но он, как минимум, внятен и понятен. Творение же Романа Григорьевича столь нечленораздельно и эмоционально пусто, что трудно поверить в то, что взрослый человек (даже не беря во внимание звание и заслуги, просто — взрослый человек) мог это соорудить всерьез. Так и представляется ироничная улыбка этакого проказника: ну-ка, сотворю-ка я вот этакий феномен, а потом отбегу в сторону и из-за угла посмотрю: проглотят или нет.

Не проглатывают очень многие. С премьеры и с последующих спектаклей уходят десятками, прямо посреди действия. И ветераны, которым, во-первых, свойственно уважение к труду других, во-вторых, в силу возраста нелегко пробираться к выходу через колени сидящих. И молодежь, которую, в отличие от ветеранов, меньше оснований обвинить в консерватизме, неприятию экспериментальных форм.

Впрочем, экспериментальными эти формы были лет тридцать, а то и сорок назад, с тех пор они освоены не только литературным театром, а и режиссерами массовых представлений, и самодеятельностью и стали называться расхожим термином «литмонтаж». И спектакль режиссера с мировым именем помимо постановки его молодого петербургского коллеги напомнил и еще одно действо, показанное 9 Мая в парке Центрального района. Его исполнили самодеятельные артисты, поставлено оно было для того, чтобы быть единожды показано случайным посетителям парка и потом оказаться навсегда забытым. А в остальном все то же: тот же пафос, то же произнесение текста по очереди, даже мизансцены: та же диагональ на ступенях. Только непрофессиональные исполнители на дощатой, обшарпанной эстраде парка казались искреннее актеров в свете рампы и софитов. Нет, они вовсе не циничны и не бездушны, просто осталось ощущение, что актерам так и не посчастливилось узнать, что, зачем и как они делают в спектакле известного мастера.

10 и 11 мая в Барнауле студенты выпускного курса АлтГАКИ прочитали шесть современных пьес: «Наташину мечту» Ярославы Пулинович, «Дембельский поезд» Александра Архипова, «Галку Моталко» Натальи Ворожбит, «Убийцу» Александра Молчанова, «Третью смену» Павла Пряжко и «Божьи коровки возвращаются на землю» Василия Сигарева.

Елена
Гешелина

Жизнь/пьеса/жизнь

Никаких декораций. Никаких костюмов. Публика рассаживается не в зрительном зале, а за кулисами — поэтому актеры ближе и более досягаемы. Билеты на эту постановку Молодежного театра Алтая не продаются — вход свободный.

Впрочем, это и не спектакль вовсе. Это читка. Читают пьесы современных драматургов.

Дмитрий Егоров, главный режиссер МТА, объясняет цель этого мероприятия так: «Новая драма известна во всем мире. По всей России ставятся пьесы молодых современных драматургов. В Барнауле ни одна из этих пьес ни разу не была поставлена. Наша задача — показать эти пьесы барнаульской публике».

Итак, перед нами шесть пьес шести молодых драматургов. Они не похожи на пьесы Чехова и Островского, к которым так привыкли наши театралы. Их имена на слуху. Все они молоды. Как молоды и герои их пьес, и большинство публики в зале. Но обо всем по порядку.

Вот первая пьеса — «Наташина мечта» екатеринбургского драматурга, обладательницы премии «Дебют» Ярославы Пулинович — двухактная драма с эпилогом о трех женских судьбах. В первом акте — на сцене актриса МТА Мария Сазонова. Ее Наташа — детдомовская девушка, сирота, мать которой убил ее любовник-сутенер. Наташа грубовата, она курит и ругается матом, книжек не читает, но мечта у нее самая что ни на есть романтическая — любовь «с фатой и шоколадными конфетами». Любовь к ней и приходит — в образе журналиста районной газеты. Но жизнь не похожа на коробку конфет, как говорилось в одном известном фильме. В порыве чувств она рассказывает ему о своей трудной жизни в детдоме — а он пишет о ней материал, за который она едва не попадает в детскую колонию. Узнав, что у любимого другая, Наташа с подружками избивает соперницу и в конце первого акта оказывается на скамье подсудимых.

Вторая Наташа (Ольга Ульяновская) — полная противоположность первой. Она примерная ученица, любящая дочь. У нее нет свободного времени — музыкальная школа, бассейн, а потом и телестудия — Наташа ведет молодежную телепрограмму. И мечтает она о славе и удачной карьере. А по соседству живет ее враг, другая Наташа — наркоманка, не нужная даже собственной матери. Она любит стоять на крыльце школы и смотреть, как падает снег. Однажды между ними встает Саша, и соперничество перерастает в холодную войну.

Третья Наташа (Юлия Алымова) — деревенская девчонка, которая пишет трогательные письма своему кумиру Диме Билану. Она так же, как и две другие Наташи, мечтает. О любви.

Всех Наташ играют разные актрисы. И все они убедительны: первая, несмотря на ха-

моватость, нежна и романтична в душе; вторая — серьезная, деловитая и уверенная в себе; третья — восторженная и трогательная. Нет лишь четвертой Наташи — она существует лишь в монологе своей тезки-соперницы, но она также вызывает эмоции у зрителя.

«Дембельский поезд» екатеринбуржца Александра Архипова совсем о другом: о судьбе трех парней, искалеченных безымянной войной. У Вани — осколок в спине, ему кто-то из командиров «по пьяни» вручил ключ от Байконура, и тот носит его на груди, как нательный крест. У Тихона оторваны обе ноги, он смирился с госпитальной жизнью и пишет письма давно умершей матери. Женя, по прозвищу Алиса, рвется в часть, не останавливаясь ни перед чем: война делает из него «идеального солдата», своеобразный живой боевой снаряд — а в сущности, винтика адской машины, армии, убивающей своих же солдат. В финале дембельский поезд везет троих погибших солдат домой вместе с тысячами таких же невинно убиенных «цинковых мальчиков».

«Галка Моталко» Натальи Ворожбит, одной из сценаристок сериала «Школа», — история девочки, живущей в интернате для спортсменов. Поначалу наивной и трогательной Галке (в исполнении такой же трогательной Светланы Лепихиной) интернат кажется раем на земле — ее сверстники где-то «пьют водку и шируются», а она живет здесь и мечтает о мировых чемпионатах. Но впечатление обманчиво: практически все воспитанники курят, нюхают клей, подростков пичкают химией, чтобы они выполняли нормативы, персонал относится к воспитанникам как к «микробам», тренеры-сластолюбцы домогаются юных спортсменов. На этот спектакль зал реагировал живее всего. Вот легкоатлетка Света говорит, что на 23 февраля сделает подарок своему бойфренду — потрогает его за член — зал смеется. Вот футболист Репин рассказывает, как пил мочу, чтоб вывести прыщи — зал смеется. Вот выгнанная из интерната Жека рассказывает, что уехала к себе в деревню, где спит с взрослыми мужиками и крадет пенсию у бабушки, — подружки ей завидуют, а зал — смеется!

Все три пьесы — разные. Общее у них одно: они лишены какого-либо литературного налета. Герои — не образы, характеры, типажи, а живые люди. Часто ли вы встречали на улице героев Чехова? Или Горького? А героев новой драмы можно запросто встретить на улице. Отсюда и «непричесанный» язык, часто с ненормативной лексикой, из-за которой ко многим пьесам прилепляются незаслуженные ярлыки «шок», «эпатаж», «провокация». Да нет, не эпатаж и не провокация. Просто жизнь.

После спектакля было обсуждение. Публика не расходилась. Дмитрий Егоров сам задавал вопросы залу — необычная практика для творческих встреч. Главный из них — нужна ли новая драма барнаульской публике?

Что же выяснилось? А то, что театральная публика нашего города проявляет лицемерие — с одной стороны, хотят реализма и правды жизни, с другой — красивой сказки. «Это не жизнь! — сказала одна из зрительниц. — Я много лет работала в школе. Там нормальные дети. Не нужно выдавать желаемое за действительное». Другая зрительница упрекнула новую драму в отсутствии художественных образов: «Если мы вспомним «Ночи Кабирии» Феллини, там главная героиня — проститутка. Но это художественный образ, она прекрасна, а девочка, которая мальчиков трогает, — отвратительна».

Но это старшее поколение, для которых консерватизм естественен. Странно было слышать от молодых зрителей: «Это не реальность. Я не хочу такого видеть». В задних рядах послышалось негодующее: «Так заклейте себе глаза!». Странно было слышать и реплики: «Школьники, которые придут на этот спектакль, увидят, что курить и нюхать клей — норма жизни». Понятно, что мерилом качества литературы до сих пор является школьная программа по литературе. Годится произведение для программы — значит, настоящая литература, не годится — однодневка. Так же и с театром. Можно вести на спектакль школьников — значит, хороший спектакль. Нельзя — значит, плохой.

Резюме: новая драма в Барнауле вряд ли будет успешной. Слишком уж сильна в людях инфантильная любовь к сказкам, к красивому. Пьесы о другой жизни — без прикрас, без лоска, приближенные порой к документализму, к аутентичной речи, — оказываются увесистой пощечиной общественному вкусу. А кому нравится получать оплеухи?

Руководитель проекта «Пьесы про сегодня» Дмитрий Егоров рассказал о том, почему новая драма не любит хеппи-энды, ругается матом и способна «попасть» в зрителя. Что будет с этими пьесами в Барнауле?

Дмитрий Егоров: «Время у нас не эпическое...»

- Большинству авторов, которые активно работают сегодня, около тридцати, их герои - дети, подростки, молодые люди. Есть ли отпечаток возраста в самих пьесах: тематике, проблематике, может быть, в стиле?

- Есть, конечно. Во-первых, с точки зрения языка современная драматургия сильно приближается к жизни. В пьесах много сленга, иногда возникает ненормативная лексика, которая всегда в театре была под запретом. И это логично, потому что многие драматурги стремятся отражать жизнь — ту, которая есть на улице, ту, которой мы живем. Кто-то сказал очень хорошо: если сейчас написать пьесу про шахтеров на чистом русском литературном языке, это будет комедия, потому что не возникнет никакого эффекта узнавания, достоверности. С одной стороны, здесь есть свои изъязны, потому что, думаю, когда тот же Александр Николаевич Островский общался с купцами, приказчиками, вряд ли они разговаривали так, как у него написано. Но сейчас, наверное, есть попытка разговаривать с миром на том языке, на котором сам этот мир разговаривает. Не пытайтесь спектакль, пьесу «вознести» на сцену, а встать на один уровень со зрителем. Это, наверное, основная черта сегодняшних молодых драматургов.

Чем театр отличается от обычной жизни? В любой пьесе независимо от времени написания всегда берутся острые ситуации, в которых человек не чувствует себя спокойно, и мы за этим наблюдаем. Более острые ситуации, чем в жизни.

- Утрированные?

- Нет, более горячие, более конфликт-

ные. Театр рассматривает человека в экстраординарных обстоятельствах, а не в обычных. Берется некое происшествие, событие, а по жизни вот ударишься, ногу ушибешь, даже если не скажешь, все равно внутри что-то нехорошее проскочит, какое-нибудь словечко. В этом смысле современные драматурги не пытаются хитрить, обманывать. За окном посмотрите, что творится. Это пьесы про сейчас, про здесь, про сегодня, про текущую реальность, и современные авторы не пытаются ее приукрасить. Скорее, это разговор о проблемах сегодняшнего дня.

- Почему новая драма так прямо работает с символикой? Например, в «Наташиной мечте» символ несбывшихся надежд

— **раздавленная девчачья заколочка, или божьи коровки у Сигарева - все это так достаточно «в лоб».**

- В этом есть, мне кажется, свои плюсы. Поток информации сейчас очень сильный: кино, телевидение, DVD, Интернет - очень много всего, в том числе разной символики, которую используют, где нужно и не нужно. А заколочка или божьи коровки — это очень ясные символы, зритель их в состоянии понять.

- **Не кажется вам, что в этой драме слишком много того, что называют чернухой? «Черное молоко» Сигарева — совершенно же беспросветный текст.**

- А в жизни есть какие-то просветы? Вот недавно иду в театр на репетицию, а там, оказывается, поблизости в кустах бомж умер. Вася Сигарев, например, из города Вышний Волочек на Урале. Он пишет про ту реальность, которую знает. И нет никаких фантазий о том, что все гораздо лучше, чем на самом деле есть. Вы «Груз 200» Балабанова видели? Когда я посмотрел первый раз, у меня шок был: неужели эта та реальность, в которой мы существуем? И тогда о ней начинаешь думать, тогда начинаешь на эту реальность более внимательно смотреть, в то, что видишь за окошком, гораздо пристальнее вглядываться, анализировать, понимать. Где-то через две недели после «Груза 200» я вышел на улицу и подумал, что не настолько все хреново, все чуть-чуть получше.

Смотрим мы любой боевик: тонны трупов, но это все игра какая-то, а народ потом привыкает. Мы ведь уже совершенно не задумываемся об этом, включаем телевизор, готовим поесть, а в телевизоре в это время кого-то убивают. Поменялась степень восприимчивости зрителя, выразительные средства. И вот возвращаясь к современной пьесе... Шокинг — такой же закономерный, имеющий право на существование художественный прием, как и все остальные, просто, мне кажется, сейчас не совсем то время, когда можно поэстетствовать. Время-то совершенно антиэстетическое, очень грубое, жестокое. Шок, который современные драматурги пытаются у зрителя вызвать, - это попытка заставить человека задуматься, осознать что-то, отождествить себя с этой реальностью, понять, кто ты в этой реальности есть и, в конечном итоге, испытать переживание. Мы, читая «Черное молоко», ужасаемся происходящему,

этим родам на вокзале, а на другой день в газете совершенно спокойно читаем, как на помойке нашли труп младенца.

- **А Бог как-то спасает? Есть же в пьесе «Пять - двадцать пять» персонажи «первый» и «второй» - Бог и дьявол, или божьи коровки — что-то не очень похожее на Бога в традиционном понимании, не Бог, а то, что от него осталось?**

- Есть, но это, скорее, некая опора, надежда, которая умирает последней, то, за что человек цепляется. В «Божьих коровках» у героев не остается ничего, кроме надежды, что все будет хорошо. Хотя он говорит, что в Чечню будет проситься, а она так и остается работать проституткой на вокзале. Присутствие Бога не доказуемо. В «Прекрасном далеко» в финале получается, что Бог есть. В «Пять — двадцать пять» финал, конечно, условно счастливый. Бог не способен решать проблемы людей, он способен выступать как некая духовная опора, моральная подпитка, но не более того.

- **То, что объединяет новую драму, можно назвать эстетикой умаления. Речь редуцирована до мата, сленга, речевые конструкции очень простые, малая форма — по большей части одноактные, очень короткие пьесы. Как это объяснить? То, что все сворачивается — сюжет, характер, речь, - в какой-то точке?**

- С одной стороны, в этом есть некая проблема, потому что люди, которые пишут, редко учились где-то писать. Тома Стоппарда, например, в русской драматургии нет - человека, который способен создать действительно длительную, огромную пьесу, развернутые конструкции с многочисленными персонажами. Наверное, действительно, дышалки пока не хватает. Другой вопрос, насколько это нужно. Вопрос в том, какой аудитории в целом адресованы эти тексты. Утонченные театралы воспринимают их не очень хорошо. Но есть огромная часть аудитории, которая не ходит в театр именно потому, что их там обманывают, пытаются впихнуть сложносочиненную красивую конструкцию вместо чего-то внятного и реального. С другой стороны, время у нас не эпическое. Длительных, масштабных сюжетов просто нет. Даже если они есть, то теряются в потоке информации. Время небольших сюжетов, сюжетиков. Плюс ко всему, время сильно ускорилося, и четыре часа в театре не всякий высидит, люди

привыкли к формату телефильма, даже сорокаминутной серии. Сейчас гораздо более клиповое сознание, зрителю трудно выдержать, когда по сцене медленно ходят люди и произносят длинный текст, он уже MTV насмотрелся. Драматурги старой школы, которые сейчас пытаются писать длительные сюжеты и совместить современную жизнь с большой формой, почти всегда проваливаются. Признак времени. Пьеса идет ровно столько, чтобы сформулировать определенное, очень короткое, но емкое высказывание.

- Когда вы устраивали читку, у вас был вопрос, приживется ли современная драматургия в Барнауле? Каковы перспективы?

- Ясно, что из этих пьес надо обязательно ставить «Наташину мечту», театр ее выпускает в сентябре. Ставит пьесу Алексей Межев, который на «Пьесах про сегодня» читку этой пьесы делал. Всем ребятам, которые читки делали, я сказал: «Подумайте, как эти читки до спектаклей довести. Сомневаетесь, не знаете как – спрашивайте, давайте вместе подумаем». Я же вообще им тут только помочь могу, посоветовать, не более того. С другой стороны, в театр приходит пятнадцать молодых актеров – весь золотухинский курс, их всех в театр берут, надеюсь, что пойдут, иначе театру капец, весь репертуар полетит. И «Прекрасное далеко», и «Прощание славянки». Много чего полетит. И им что, сказки выездные эти, блин, играть? Актер должен играть нормальные спектакли, с содержанием каким-то – я так считаю. И чем больше он играет, тем больше получает опыта. Надо делать «Убийцу», «Божьих коровок», «Третью смену», может быть, «Галку Моталко». Эта ниша в Барнауле еще никем не занята, и надо ее занимать, хотя бы с точки зрения молодежного репертуара. Ребятам вообще легко эти читки дались, потому что для них, в отличие от актеров старшего поколения, эти пьесы достаточно легко соотносятся с той реальностью, в которой они живут, это им близко. Хотя и взрослым актерам, которые в этом деле были заняты, по-моему, тоже было интересно в читках работать. Ровно так же, я надеюсь, это может быть близко и зрителю, потому что зритель в Барнауле, с одной стороны, как говорит молодежь, очень невоспитанный, с другой стороны, достаточно честный, на фальшивку реагирует достаточно остро.

К тому же я «Наташину мечту» сам ставить не имею права. Клонов я делать не люблю. «Наташину мечту» я ставил в Саратове, там нет никаких декораций, есть стул на сцене, одна актриса, Ольга Лисенко, играет, работает перед полным залом подростков и справляется с этим залом. Сейчас в Уренгое приз взяли на фестивале детских спектаклей. Там было детское жюри, и «Наташина мечта» вдруг неожиданно «попала», у всех было сильнейшее впечатление, даже у двенадцатилетних. Хотя у нас есть в спектакле ограничение по возрасту – до пятнадцати лет. Когда ставят современные пьесы, всегда происходит борьба между взрослыми и подростками. Подростки говорят: это про нас, это наше, это то, что мы чувствуем здесь. А учителя говорят: нет, это не так. То же было с сериалом «Школа». В любом случае это эксперимент, опыт, проба. В Питере все это приживается не очень хорошо, что тоже симптоматично. Питер – город не в лучшем смысле консервативный, культурная столица, в театре репертуар один и тот же, постановки достаточно нейтральные.

- А здесь есть такая возможность?

- Пока не знаю. Могу сказать, что двумя днями «Пьес про сегодня» я доволен. Выяснилось, что есть зритель, который готов вступать в диалог, думать, разговаривать. С другой стороны, выяснилось, что ребятам, актерам, это нравится. На них это ложится. Выяснилось, что эти тексты все равно еще попадают в людей. Пока не знаю, что будет дальше. Посмотрим. Это здоровый авантюризм, хулиганство такое театральное. Через какое-то время поколение театралов уйдет. И что, театр закрывать? По статистик, в театр ходит два процента населения, каждый третий житель нашей страны в театре вообще не был ни разу. Я очень надеюсь, что, по крайней мере, будет не скучно, что будет интересно. Даже если реакция будет достаточно резкой с чьей-то стороны, это тоже интересно, потому что есть повод для разговора. Провокация – тоже метод. Если пьесы спровоцируют зрителя на дебаты, дискуссии, это так или иначе покажет, что зритель не мертвый, а живой. А если театр теряет диалог с современностью, он сильно проигрывает, остается в вакууме. Я уверен, что «Наташина мечта», если она правильно получится, вызовет очень противоречивые реакции. Главное, чтобы не заклевали.

Мифы в современном обществе создаются и распространяются очень быстро. Достаточно затронуть любую актуальную проблему, касающуюся многих, показать ее односторонне, задав желаемое направление общественной мысли, продемонстрировать ее в СМИ, не особо заботясь об аргументации, подсказать «выход» - и вот уже готова свежее испеченная «повестка дня», требующая в сознании общественности незамедлительной реакции, а в бюрократических кругах возбуждающая предчувствие «настоящего дела».

Качество педагогического образования: мифы и реальность

Наталья Матвеева,
доктор социологических наук,
заведующая кафедрой АлтГПА

Современное российское образование — благодатная почва для социального мифотворчества. Только ленивый не ругает систему образования, но и он поругивает. Четверть века уже ходим с фонарем при дневном свете, ищем пути, догоняем, сначала реформировали, теперь модернизируем. Наконец, поняли: виноват учитель, точнее, педагогическое образование. Ату его! Вот уже и мифы готовы: педагогическое образование не выполняет своих функций, а раз так (почувствуйте логику), то и учить детей может любой «широкообразованный». А можно и наоборот представить: работать в школе может каждый, значит, функций у педагогического образования нет, следовательно, нет и перспективы существования.

Как ни посмотри — миф, «иллюзорное представление, оказывающее воздействие на массовое сознание», как толкует философский словарь. Разбираться в целях подобного мифотворчества подробно не будем. Достаточно вспомнить только одну из функций социального мифа — обобщение и объяснение явлений природы и общества. С одной стороны, объяснять в современном российском образовании есть что. Это и усиливающаяся бюрократизация управления образовательным процессом, и коммерциализация образования, и бесправие учителей, и формализация оценки качества про-

цесса и результата обучения и воспитания. Только вот обобщение — «режим педагогическое образование» — сделано неверно. Но на то и социальный миф — «фантастически отражать явления действительности».

Клясться «не виноватое я» педагогическому образованию нет смысла. Давно развенчан миф о том, что «всякая кухарка может управлять государством». Не всякая, как известно, и не кухарка вовсе. Вряд ли современный руководитель любого уровня идентифицирует себя с этой профессией, при всем уважении к ней. Функции другие, да и ответственности, видимо, должно быть побольше.

Даже дети знают, что будет, если пироги возьмется печь сапожник, а сапоги тачать — пирожник. Нарушение закона разделения труда еще ни одному обществу будущее не прошало. У профессии учителя есть свое определенное место в профессионально-квалификационной структуре общества, и занять его могут только специально подготовленные профессионалы. Так что с реализацией нового педагогического мифа придется повременить, слишком социально опасно «сказку делать былью».

Лучше обратимся к реальным фактам, проявляющим специфику деятельности современного учителя и обозначающим направления дальнейшего развития пе-

дагогического образования. В 2010 году, в полной мере осознавая опасность реализации мифа о возможной дегедогизации школы, в ряде педагогических вузов России по инициативе РГПУ им. А.И. Герцена было проведено социологическое исследование. Цель опроса – повышение качества педагогического образования и учебного процесса в вузе. Алтайской государственной педагогической академии как авторитетному субъекту российского педагогического образования было предложено принять участие в данном исследовании. В анкетировании приняли участие 200 студентов различных педагогических специальностей, а также 104 молодых специалистов со стажем работы в школе до 5 лет. Экспертами качества их профессиональной подготовки выступили работодатели, директора общеобразовательных школ, в которых работают выпускники АлтГПА. Большая часть эмпирического материала была собрана в школах г. Барнаула.

В ответе на вопрос: «Какие профессиональные задачи учителя должны уметь решать выпускники педагогического университета?», работодатели, руководители общеобразовательных учреждений, отметили следующие:

взаимодействие с коллегами, образовательными партнерами – 97%;
педагогическое сопровождение индивидуальной учебной деятельности ребенка – 96%;
взаимодействие с семьей как образовательным и воспитательным партнером – 96%;
осуществление профессионального самообразования – 96%;
достижение учебных целей в классе – 95%;
достижение воспитательных целей в классе – 95%;
эффективное использование возможностей образовательной и информационной среды – 95%;
разработка учебных планов и программ – 92%;
педагогическое сопровождение индивидуальной социализации ребенка – 89%;
разработка методов и методик реализации учебно-воспитательного процесса – 86%.

Данные исследования показывают, что к современному выпускнику педагогического вуза предъявляется широкий спектр равнозначных требований. Это умение выстраивать отношения в полисубъектной образовательной среде, в комплексе реализовывать функции обучения, воспитания и развития ребенка,

формировать социальную культуру его личности в информационном, поликультурном обществе, не игнорируя при этом цели самообразования и саморазвития. Очевидно, что это требует знаний общей мировоззренческой направленности и специальной предметной подготовки, преломленных сквозь призму социальных и педагогических методик и технологий.

Представления директоров школ об идеальном в профессиональной подготовке выпускнике педагогического вуза существенно отличается от того, что реально, по мнению работодателей, умеет молодой учитель.

Результаты исследования показывают, что, по мнению директоров школ, молодым учителям в большей степени удастся достижение учебных целей, выстраивание профессиональной коммуникации внутри школы, что полностью соответствует прямым функциям учителя и является совершенно необходимым на этапе первичной адаптации молодого специалиста к работе в школе. Второй этап социализации учителя-профессионала должен быть связан, по-видимому, с расширением сферы педагогического воздействия, распространением его влияния на всех социальных партнеров образовательного процесса, широким использованием всех возможностей информационного поликультурного общества для развития личности ребенка. К учителю это приходит только с опытом при наличии в обществе непрерывной системы повышения квалификации работников образования.

Следовательно, не надо ставить телегу впереди лошади. Логика эффективного современного педагогического образования проста. Сначала основательная специальная профессиональная подготовка, направленная на формирование мировоззрения личности учителя и предметно-методических компетенций. И это функции педагогических вузов. А затем – непрерывное повышение квалификации и профессиональная переподготовка учителя с целью совершенствования его профессиональной деятельности в соответствии с конкретными условиями места работы и личными потребностями. И здесь количество субъектов непрерыв-

ного педагогического образования можно расширить, что и осуществляется уже на практике.

Реализация этого реального пути развития педагогического образования, обеспечивающего преемственность богатых российских традиций подготовки учителей в новых социальных условиях, во многом зависит от профессиональной ориентации самих молодых специалистов. Данные исследования показывают, что представления работодателей о профессиональной подготовке выпускников педагогического вуза в той или иной мере расходятся с самооценкой учителей.

Результаты исследования показывают, что значительно выше, чем работодатели, молодые учителя оценивают свои умения эффективно использовать возможности образовательной и информационной среды, осуществлять профессиональное самообразование. Преимущество этих различий состоит в том, что молодые учителя, придя на работу в школу, ориентированы на дальнейшее профессиональное становление именно в сфере образования. И директорам школ можно активнее использовать потенциал педагогической молодежи.

По данным исследования, существенно ниже, чем директора школ, молодые специалисты оценивают свои умения в сфере коммуникации с педагогическим сообществом, родителями, общественностью. Молодые учителя испытывают трудности в процессе педагогического сопровождения социализации ребенка, сомневаются в своих умениях разработать учебные планы и программы. Выявленные проблемы вполне устранимы на этапе первичной адаптации молодого специалиста в школе.

Очевидно, что управление в общеобразовательном учреждении должно быть направлено не только на рациональную расстановку кадров, но и на интеграцию личности, особенно молодого учителя, в коллектив, обеспечение благоприятного социально-психологического климата в школе, поддержание нормального социально-психологического самочувствия всех субъектов образовательного процесса. В школах Алтайского края существует немалый практический опыт реализации этих направлений, тем более,

что большую долю директорского корпуса составляют выпускники педагогических вузов, не понаслышке знающих, что такое гуманизация образования и какова ценность профессионального коллектива школы.

Вернемся к мифам. Результаты социологических исследований подтверждают, что реальность существования российских педагогических вузов сложна. И чем более она усложняется в динамично меняющемся обществе, тем больше обростает социальными мифами. Общественное сознание не успевает, не умеет или не хочет отобразить происходящее в педагогическом образовании, просчитать ближайшие и отдаленные последствия впрыснутой в него пока еще фантастической идеи универсальности (читай, непедagogичности) подготовки педагога. Всякая мифология исчезает, когда решать социальные проблемы начинают в реальности, а не в воображении и не при помощи воображения. Единственная социально и нравственно оправданная реальность и перспектива педагогического образования в России — это сохранение и развитие. Все остальное — миф.

Андрей
Лушников
Александра
Вайс
Владислав
Пасечник
Елена Гешелина
Сергей Мансков

Война и мир

Валентина Мягкова. Воспоминания. – Барнаул, 2010.

Беспамятен человек безнравственный. Зачем ему память, если он живет одним днем и завтра не наступит никогда. И оно действительно не наступит, если забыть, как вчерашний завтрак, ту боль, через которую прошла Россия в 1941-1945 годах. Память - это всегда «со-болезнование». А современный продвинутый человек не хочет этой боли и все больше отвращается от памяти.

Санинструктор 74-й отдельной добровольческой стрелковой бригады сибиряков, кавалер орденов Красной Звезды и Отечественной войны Валентина Александровна Мягкова написала книгу «Воспоминания» с одной целью: чтобы не забыли ее боевых подруг.

«Милые мои девочки – подружки фронтовые...» - так начинает она свою фронтовую хронику ужасов, боли потерь и величия человеческого духа. В этих беспристрастных, порой сухих, «телеграфных» свидетельствах без пафоса и художественного обобщения открывается вся правда о женщине на войне. Какой ее видела сама Валентина Александровна. Ее воспоминания в изданной Алтайским домом литераторов книге (редактор Юлия Нифонтова) перемежаются с воспоминаниями ее боевых подруг, газетными вырезками, фотографиями, письмами с фронта, приказами о награждениях. И это не солянка, не мозаичное панно. Это - объемная картина трагедии, увиденная глазами женщин - врачей, санинструкторов, санитарок, связисток. Без боли, без чувства благодарности живым и павшим невозможно читать книгу «Воспоминания».

Вспоминая события той поры, политрук пулеметной роты 2-го батальона Иван Колмаков в этой книге скупко говорит о самой Валентине Александровне: «Передвигаться никто из нас не мог. Ухаживала за нами медицинская сестра Валя Мягкова. Благодаря Вале мы остались живы...».

В 74-й добровольческой бригаде, сформированной на Алтае, было около 100 девушек. И подвиг каждой вписывает Валентина Мягкова золотыми буквами в скрижаль истории. В небольшой книге – большая война и потрясающие истории. В «Воспоминаниях» Мягковой - десятилетний госпитальный помощник Коля, растерзанный фашистами штыками. Младший лейтенант медицинской службы Валентина Булдакова, заживо похороненная, но выжившая всем смертям назло, санинструктор Рая Примаченко, которая встала из окопа и повела за собой в атаку бойцов, когда убило командира роты и его заместителя. Телефонистка Лена Ретунская, закрывшая собой раненого командира, получив смертельное ранение в голову. Нина Гуляева, совершившая такой же подвиг во время транспортировки из зоны обстрела раненого солдата.

В военной хронике памяти Валентины Мягковой - 18-летняя санитарка Полина Смирнова из села Долгово Новичихинского района. Когда ранило командира, она взяла в руки винтовку, уничтожила снайпера, блокировала вражеский дзот и закидала

его гранатами. А потом по льду реки вытащила на себе 70 раненых солдат. Санитарка лыжного десанта Ольга Филаткина, которая до последнего спасала раненых, а когда убило радиста, сама стала корректировать огонь. Враг приблизился вплотную – вызвала огонь на себя. Наши землячки были подлинными образцами воинской отваги. Рубцовчанка Вера Турубарова, когда рота осталась без офицеров, – выскочила из траншеи с автоматом и повела за собой в атаку солдат. Бой был неравный, девушка погибла. Такой же подвиг совершила санитарка Рита Старикова...

Со страниц книги Валентины Мягковой смотрят десятки совсем юных девичьих лиц. Опаленные войной, они выстояли. И память об этих девчатах останется в сердцах навечно. Книга «Воспоминания», изданная Алтайским домом литераторов к юбилею Победы, стала небольшим 90-страничным кирпичиком в памяти народной. И особая благодарность – автору, кавалеру орденов Красной Звезды и Отечественной войны Валентине Александровне Мягковой. За то, что донесла до нас, ныне живущих, имена боевых подруг. Мы не забудем.

...В столетний юбилей Отечественной войны 1812 года было установлено ношение как знаков особой фамильной гордости медалей 1812 года всем потомкам героев той войны. Медали «За Наполеона» надели правнуки и правнучки награжденных в Первой Отечественной. Так должно чествовать в будущем и память об участниках Второй Отечественной. Герои уходят в вечность, но свидетельства их подвигов должны блистать на груди их потомков.

Юлия Нифонтова. Шиза. История одной клички. – Барнаул, 2009.

Книга Юлии Нифонтовой сразу привлекает внимание своей внешней презентабельностью. Это вам не местечковая брошюрка, а самая что ни на есть книга, в твердой обложке и с достойным оформлением. Таковую и в руках подержать приятно. Между прочим, иллюстрации выполнены самим автором, включая сюрреалистическую картину на цветной обложке.

Впрочем, сама Нифонтова не спешит зазывать в читатели всех и каждого. Она прямо заявляет: «Мужчины, не вздумайте читать эту книгу! Это девчачий «роман». Книжку отдайте знакомой девушке (от 14 до 40 и старше)». Как ни странно, это сущая правда, а вовсе не авторское кокетство!

Хотя и не вполне очевидно, что эти «до 40 и старше» станут подобную книгу читать. И дело не в том, что своих барнаульских авторов у нас мало знают и почти совсем не читают. Дело в содержании. Ну нет в этой повести о взрослении педагогических ноток, нет авторских оценок, хотя приоритеты вполне прозрачны. И даже ощущается молчаливое одобрение автором главной героини, слепленной таким образом, чтобы ее легко было примерить на себя. Чем, пожалуй, и займутся оставшиеся «от 14». И, возможно, придут в восторг от откровенных, но отнюдь не циничных описаний знакомых всем жизненных обстоятельств взросления.

А нам остается только успокоить перепуганных мам, прочитавших-таки «Шизу», тем, что не все дочери курят, взламывают комки и забираются в чужие дома. Но даже если и делают это, то потом с головой погружаются в культуру, как автор сего труда, насытившая книгу множеством эпиграфов, принадлежащих разным умным людям – от Макаренки до Сент-Экзюпери.

«Шиза» – дебют в прозе известного поэта и литературного деятеля Юлии Нифонтовой. Дебют удавшийся, хотя с синтаксисом и стилистикой именно прозаического текста автору еще предстоит подружиться по-настоящему.

Ирина Гонюкова. Рассвет души. Стихи. - Барнаул, 2010.

Голос в Пути. Стихи. - Барнаул, 2010.

Выход сборника — событие для поэта. А уж когда в один год выходит сразу две книги — и вовсе эпохальное событие. Однако же на два поэтических сборника — именно так заявлено на форзацах этих книг — пишется одна рецензия. Почему? Разберем по пунктам.

Собственно, книга «Голос в Пути» позиционируется как «авторская подборка SMS-переписки» (!). Ну да, мобильный телефон — неотъемлемый атрибут повседневности человека в третьем тысячелетии. Ну да, эсэмэски нынче — больше, чем просто сообщения и, возможно, в ближайшем будущем станут самостоятельным литературным жанром (как эпистолярный роман). Но издавать целый сборник эсэмэсок? Впрочем, они здесь отличаются от стандартных «Скоро буду. Жди». Каково вам будет получить вот такое, например, послание?

*Рабы — тела! Рабы — желудки!
Путь — это двойственность решений!
Вокруг бушуют предрассудки?!
Но выше цельность проявлений!*

Читаешь обе книги И. Гонюковой и понимаешь: не совсем стихи это. Гимны. Все атрибуты гимнов наличествуют: и общая приподнятая тональность, и обилие восклицательных знаков (редко какое стихотворение без них обходится), и обилие заглавных букв по делу и без дела: Душа, Судьба, Природа, Небо, Путь — и это только малая толика. Такие стихи подходят больше для сектантских радений, нежели для тихого чтения, и уж тем более — для эсэмэсок:

*Голос в Пути, разбуди меня!
Ночью проснись или утром.
Подари душе энергию дня.
Помоги оставаться мудрым!*

В приведенном четверостишии налицо переакцентуация в третьей строке. Но кто думает о каком-то ритме в момент экстаза? Иногда поэт и вовсе пренебрегает рифмой в угоду смыслу. Получается примерно вот что:

*Когда я читаю со слезами на глазах
Твои стихи о маминых объятиях,
Я слышу, ветер где-то там, в лесу,
Срывает хрупкие иголки,
Бросает на тропу и, забывая,
Летит на озеро с водой играть...
И это тоже жизнь.*

Это не стихи и не проза — это хаос. В выходных данных отсутствуют сведения о редакторе, зато сообщается о том, что поэт И. Гонюкова одновременно является художником и дизайнером обложки. Как мы видим, отсутствие редактора прямо сказывается на содержании сборника.

Резюме: экзатическая тональность при шаблонных образах и недостатке техники выглядит не милой небрежностью, а откровенным моветоном. Хотя стихи в обоих сборниках наверняка найдут своего читателя — не особо искушенного в стихосложении, но уставшего от негатива.

Андрей Лобастов. Свет любви. – Барнаул, 2009.

Удивительная вещь – жизнь. Я имею в виду нашу современную, беспокойную жизнь. Как-то в ней сложилось, что сочетание слов «свет любви» вызывает необъяснимое отторжение. Нет, само по себе словосочетание это должно будить в людях лучшее, вечное, возвышенное, но выносить его на обложку книги – преступно, просто недопустимо! К сожалению, Андрей Лобастов именно этим словосочетанием – «Свет любви», встречает читателя в своем новом сборнике рассказов.

Содержание не порадовало оригинальностью: вполне ожидаемая тематика рассказов – Алтай, деревни, села, фронт, тыл, и... снова алтайская Аркадия со всей ее немудреной гендеристикой. Да-да, в рассказах время от времени всплывает «энтное дело», когда вскользь – с румянцем юношеского стыда, когда со вкусом, даже с принятием соответствующих стимуляторов: «Пей, Егорушка, пей!... Любить меня будешь сильней!», а то и вовсе со всей мужской прямоотой: «...до самого озера доехали без эксцессов, разговаривая о самом заветном – о бабах».

В рассказе «Проводы зимы» тема деревенского гендера вовсе выливается в откровенное языческое травести: «Переодетый в девицу, размалеванный до неузнаваемости, парень набил соломой надетый поверх одежды невероятного размера бюстгалтер и гордо вышагивал у «Гигантских шагов», выкрикивая себе поединщика... Вдруг, словно из-под земли, перед Фёклой появился кавалер – разбитная бабенка с нарисованными усиками и синяком под левым глазом. Но самой важной деталью ее «кустюма» была колоссального размера морковка, торчащая из прорехи». Несмотря на эту «самую важную деталь», откровенно «торчащую» из текста, рассказы читаются довольно пресно, так, будто автор и сам стесняется того, что написал.

А ведь есть у автора действительно интересные, живые моменты, из которых мог бы родиться сочный, острый абсурд, моменты, которыми можно было разбавить пресное жизнеописание героев. Пример тому – рассказ «Женское счастье Магдалены», в котором присутствует один абзац, который, кажется, может поднять текст на более высокую художественную планку: «Дядя Володя работал художником-оформителем, зарплата – пшик и два нуля. Он приносил с работы красные транспаранты, что оставались после демонстрации. Тетушка их стирала, отбеливала, шила ему трусы и постельное белье, что невольно подтверждало его фамилию – Роот, в переводе с немецкого – красный». Но тема, увы, не получает развития, и рассказ заканчивается ужасно: «Время летит, швыряя нам в лицо листы календаря».

У рассказов Лобастова две беды – страшные беды – неистребимый провинциальный дух и отсутствие стиля. Если исправить избыток первого и недостаток другого, то получится вполне приличный автор, пусть и без больших претензий, но с большим жизненным опытом, умением достойно выстраивать сюжет.

Сергей Климов. Переулками Божьего дара. – Барнаул, 2010.

Поэт и композитор из Белоярска Сергей Климов давно известен и за пределами края. Его песни поют по всей Сибири и России, а «Гимном сильных людей» завершаются все собрания Алтайской краевой общественной организации инвалидов. В 2010 году он стал дипломантом международной премии «Филантроп».

Удивительная музыкальность стихов имеет свои корни в поэзии С. Есенина и Н. Рубцова – Сергей Витальевич вступает с ними в поэтический диалог. Его лирика ис-

ключительно национального характера, потому что она строит традиционный поэтический космос, в котором все приметы легко узнать и полюбить:

*То ли ветер воет, то ли волки
Голосят от боли в западне,
То ли снег скрипучий кривотолки
По селу разносит обо мне.
Может быть, грешу на самом деле?
Может, все вверх дном в моей избе?
И в простой житейской канители
Не заметил грешника в себе...*

Сомнение и светлая грусть являются сквозной темой всей поэтической книги. Но это не постмодернистская тоска, лишенная всякой перспективы. Напротив – грусть лирического героя «Переулками Божьего дара» связана с отсутствием лишних, разрушающих мир звуков какофонии. Звук как таковой вообще находится в зоне постоянного внимания поэта, но главным аксиологическим абсолютом является тишина, которая связана с божественным откровением:

*Перед сном тишина прозвучала молитвой,
И откликнулись эхом чужие края...*

Сергей Витальевич виртуозно владеет стихотворной техникой. Сегодня всех поэтов делят на тех, кто главный акцент стиха переносит на последнюю строфу или, напротив, - начинает с сильной позиции, впоследствии только развивая это движение поэтического маятника. Поэту Климову удастся органично существовать сразу в двух этих началах. Традиционная для романтизма сильная позиция в конце стихотворения:

*...Я суточный паек своей тоски
Едва ли израсходую за сутки.*

*...Мы с тобою до седьмого пота
Или парус из облаков.*

*...К левобережью жизнь большого Барнаула
Сползает маленькими улицами снова.*

Меняется в других текстах на сильное начало:

*Между горем и счастьем найду перемычку
И останусь на ней до скончания дня...*

Отсутствие искусственных украшений, чистота поэтического языка, существование в традициях русской поэзии – все эти качества определяют лирику Сергея Климова.

Дмитрий
Золотарев

Берлин – Барнаул

Галерея «Бандероль» представляла персональную выставку берлинских пейзажей художницы Евгении Октябрь. Учитывая выбранный месяц для показа, эти заграничные зарисовки выглядели особенно актуально.

Широкому зрителю художница известна как мастер многочисленных букетов и импульсивных цветочных натюрмортов. До этого проекта жанр пейзажа вообще не привлекал внимания автора. Сейчас Евгения Октябрь выступила в непривычном ей амплуа – странствующего туриста, пишущего пейзажи одного из самых известных западноевропейских городов. И еще одно нововведение в ее творческой биографии – в этом году она вступила в Союз художников России.

Выставку составили около 20 авторских произведений. Привычная для нее живописная техника раскрывает непривычные или нехарактерные образы, которые больше всего напоминают застывшие миражи. Пейзажи Берлина писались дома с помощью фотографий и личных впечатлений-импрессионарий. Представленные работы несут

Евгения Октябрь.
Солнечный день.
2010.

Евгения Октябрь.
Синий дом.
2010.

не столько познавательно-географические ориентиры конкретных мест, сколько выражают художественный процесс от созерцания городской природы. Это своеобразный реализм наоборот, обличенный в яркую экспрессионистическую живописную манеру.

Выставка, как говорится, на любителя: если зрителю не интересно любоваться шп्रेями, плацами и прочими штрассами, то он все же сможет оценить новые грани в творчестве Евгении Октябрь. Элементы новизны подметили многие участники выставки, особенно подчеркивая усиление формального качества работ. Возникла даже небольшая дискуссия на тему диалога живописного и дизайнерского начал в ее творчестве. Думается, что предпринятая попытка разнообразить свой жанровый репертуар, художнице удалась. И все же, как это ни странно, одной из лучших работ на выставке стал большой цветочный натюрморт.

За прошедшее десятилетие барнаульский зритель мог ознакомиться с трудами наших живописцев, запечатлевших виды Франции (разумеется, с преобладанием парижских пейзажей), Италии и Германии, различных уголков Северной Америки и Китая. Тематически данный проект продолжает заданную тенденцию.

Другой кофе

Очередной майский оммаж был востребован ко Дню музеев. В Барнауле движение празднования Дня музеев или, по-другому - «Музейной ночи», с каждым годом все ширится. Вот и галерея «Турина гора» решила провести свою оригинальную акцию под не менее замысловатым названием «Величайший путешественник, или Несколько историй о кофе в живописи и графике».

В заслугу галереи ставится большая организаторская деятельность. К проекту были подключены известные в городе художники. Заранее была объявлена тема и главный ее участник – кофе. Кофе давно не воспринимается как нечто экзотическое, а стал одним из самых популярных и доступных напитков. Художники издавна питали пристрастие к простым предметам: «Стул» Ван Гога, многочисленные бутылки на полотнах парижской школы... А барнаульские живописцы решили раскрыть все тайны кофе.

С конкретными результатами их поисков в виде различных живописных и графических произведений искусства можно было общаться на вернисаже. Было интересно смотреть, как разные творческие личности пытаются заново «изобрести велосипед», найти свое прочтение в общем-то банальной темы. Лучшие работы раскрывали именно момент личной заинтересованности художника-творца этим предметом. Особенно активно праздновало День кофе и музеев художническое сообщество Октябрей (Валерий, Денис и Илья). Обратили на себя внимание и другие имена (Пиргельди Широ, Елена Волкова). Особенно запомнилась одна необычная работа Пиргельди Широ, запечатлевшая индийскую кофейню в самом центре Западной Европы. Были представлены и керамические изделия «Туриной горы», в том числе и декоративное керамическое блюдо «Кофейное».

Выставка получилась одновременно серьезной и игривой, что приветствуется современной культурой. Лишь одно не учли организаторы: не подумали про интерактивный конкурс, когда каждый посетитель выставки мог бы выбрать понравившегося ему художника, которого следовало бы наградить соответствующим тематике призом. Проект вышел на «отлично». Подобная творческая акция может иметь продолжение в следующем году.

Декоративное
блюдо
«Кофейное».

Краеведческая сенсация

В муниципальном Музее «Город» проходила выставка православной культуры, представляющая в том числе и уникальный исторический раритет — редкую икону из частного барнаульского собрания. Многие горожане могли видеть ее в празднование Дня музеев. Откликнулись и представители Русской православной церкви: в помещении музея прошел молебен.

Так устроена жизнь, что одни юбилеи уже закончились, а другим только еще предстоит произойти. Речь идет о праздновании 400-летия династии Романовых. Самый авторитетный в Сибири музейный сборник «Декабрьские диалоги», издающийся в Омске, в последнем своем выпуске уже затронул эту проблему (Омскому областному музею изобразительных искусств имени М.А. Врубеля принадлежит обширная коллекция предметов искусств российских царей, включающая ювелирные украшения фирмы «Фаберже», картины из личных собраний и даже один императорский трон). Каким будет юбилей, покажет время. Но уже очевидно, что это мероприятие будет востребовано и ожидаемо не только музейным сообществом.

Поэтому необычная икона, посвященная 300-летию правления Романовых, вызвала повышенный интерес и у специалистов-музейщиков, и просто у любителей искусства. Заметим, что, несмотря на большие достижения местного краеведения, эта историческая тема — празднование 1913 года — остается не исследованным белым пятном.

Икона
«Архангел Михаил
и Св. Николай».

Икона написана с учетом светских тенденций в изобразительном искусстве. Сразу же заговорили о предполагаемом авторстве этого произведения. Среди предполагаемых имен было упомянуто имя Виктора Васнецова! Действительно, икона напоминает его стиль и манеру знаменитых росписей для Владимирского собора в Киеве. Однако приходится говорить лишь о подражателе, воспринявшем его манеру. По всей видимости, это был молодой художник, прошедший обучение в академии художеств.

Икона не подписана, но имеет пограничные даты: слева — 1613 год, справа — 1913 год. Необычна и иконография святых. На иконе изображены архангел Михаил и святой Николай Чудотворец, которые вместе ранее никогда «не встречались». Один святой был посвящен первому правителю, а второй — последнему, на тот срок правления из рода Романовых. Вот вам альфа и омега, начало и конец великого царского рода, невольно обозначенный в символической форме искусства.

Относиться к правлению династии царей Романовых можно по-разному (и не обязательно так восторженно, как это происходит в последнее время), тем не менее мы все уже несколько лет отмечаем их домашний праздник — 4 ноября.